

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

Костина Ксения Георгиевна

ТИПЫ ЗАЛОГОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ УДМУРТСКОГО ГЛАГОЛА

Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(финно-угорские и самодийские языки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Кондратьева Наталья Владимировна

Ижевск 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	13
1.1. Основные подходы к изучению залога и залоговых конструкций в лингвистике	13
1.1.1. От классической древности до исследований второй половины XX века	13
1.1.2. Современные научные подходы	30
1.2. История изучения удмуртского глагола	35
Выводы по главе 1	48
ГЛАВА 2. ТИПЫ КАУЗАТИВНЫХ ЗАЛОГОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ УДМУРТСКОГО ГЛАГОЛА	51
2.1. Категория каузативности в современном удмуртском языке	51
2.2. К вопросу о происхождении суффикса каузативного залога <i>-т(ы)-</i>	71
2.3. Функциональная нагрузка суффикса <i>-т(ы)-</i>	75
2.4. Типы каузативных конструкций удмуртского глагола	83
Выводы по главе 2	98
ГЛАВА 3. ТИПЫ РЕФЛЕКСИВНЫХ ЗАЛОГОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ УДМУРТСКОГО ГЛАГОЛА	100
3.1. Категория рефлексивности в современном удмуртском языке	100
3.2. К вопросу о происхождении суффиксов рефлексивного залога <i>-ск(ы)- / -ськ(ы)-, -иськ(ы)- / -йськ(ы)-</i>	113
3.3. Типы рефлексивных конструкций удмуртского глагола	116
3.3.1. Конструкции с глаголами рефлексивного значения	119
3.3.2. Конструкции с глаголами медиального значения	124

3.3.3. Конструкции с глаголами реципрокного значения	134
3.3.4. Конструкции с глаголами имперсонального значения	140
3.3.5. Конструкции с глаголами пассивного значения	141
Выводы по главе 3	149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	151
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	155
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	157
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	163

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению особенностей функционирования грамматической категории залога и залоговых конструкций в современном удмуртском языке.

Актуальность темы исследования. Грамматическая категория залога глагола, являющаяся «одной из распространенных глагольных категорий языков мира» [Плунгян 2003: 194], представляет собой одну из самых сложных для изучения глагольных категорий. Залог характерен не только индоевропейским языкам, но и семито-хамитским, алтайским, языкам банту и другим – языкам номинативного строя, для которых характерно семантическое противопоставление субъекта и объекта действия [Храковский 1991: 160]. В связи с этим категория залога в языкознании обладает широкими перспективами для научных исследований.

Грамматическая категория залога глагола в удмуртском языке еще не была предметом специального научного исследования. Между тем, изучение категории залога и залоговых конструкций в отечественном языкознании имеет длительную историю и отражено в ряде научных трудов многих лингвистов (А.В. Бондарко, А.А. Потебня, А.А. Холодович, В.С. Храковский, А.И. Смирницкий, Г.Г. Сильницкий, Л. Теньер, Д. Кацнельсон, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов и др.). Залог глагола в качестве предмета исследования рассматривался в отдельных языках народов Российской Федерации: марийском (Л.П. Васикова, И.С. Галкин, Е.И. Коведяева, М.В. Ямбулатова и др.), мордовских (И.В. Ведяшкин, Н.М. Мосина, А.Е. Смиреникова, Н.В. Чинаева и др.), мансийском (Е.И. Ромбандеева), пермских (В. К. Кельмаков, Н.В. Кондратьева, В.И. Лыткин, Р.А. Микушев, Р. Ш. Насибуллин, Б.А. Серебрянников, И.В. Тараканов, Г.А. Ушаков, Е.А. Цыпанов и др.), тюркских (Н.И. Данилова, Х.Ф. Исхакова, З.И. Салыхова и др.) языках и т.д.

Востребованность исследования глагольной категории залога обусловлена также тем, что рассмотрение вопроса может дать существенное представление о месте удмуртского языка среди родственных финно-угорских и других языков мира, позволит выявить динамические процессы развития исследуемого языка.

Таким образом, актуальность изучения глагольной категории залога определяется недостаточно полным описанием функционирования залоговости в грамматическом строе удмуртского языка, необходимостью выявления этимологических аспектов формантов каузативности и рефлексивности и определения типов залоговых оппозиций. Также в силу сложности и специфичности функционирования глагольной категории залога существует ряд вопросов, требующих дополнительного подтверждения языковыми материалами.

Глагол, как важнейшая часть речи в построении словосочетаний, предложений и фраз, играет важную роль в формировании речевой коммуникации в целом. Являясь организующим центром любой фразы, глагол обладает высокой частотностью употребления и требует особого внимания при изучении других областей языка. Поэтому теоретические аспекты исследования актуальны и для смежных дисциплин: синтаксиса, лексикологии, изучения языков в типологическом и контактологическом аспектах. Практическое применение результатов исследования возможно, прежде всего, в теории и методике преподавания удмуртского языка.

Объектом исследования является категория залога как одна из основных глагольных категорий, реализуемая многообразием залоговых конструкций.

Предметом исследования являются каузативные и рефлексивные залоговые конструкции, представленные в современном удмуртском языке.

Тема и подход к изучению языкового материала определили **цель** исследования, которая заключается в выявлении основных типов залоговых конструкций в системе современного удмуртского языка.

Достижение поставленной цели обуславливает постановку и решение ряда задач:

- 1) обобщение и систематизация научных исследований в области

изучения категории залога и залоговых конструкций в лингвистике;

2) уточнение понятийно-терминологического аппарата теории залога и залоговых конструкций в удмуртской лингвистике;

3) изучение и описание типов каузативных конструкций, особенностей их функционирования в удмуртском языке;

4) выявление и описание типов рефлексивных конструкций в исследуемом языке.

Методы, применяемые в работе, определяются предметом исследования и намеченными задачами. Исследование выполнено с позиций функционально-семантического подхода, специфика которого заключается в рассмотрении лингвистических явлений в направлении от семантики к ее формальному выражению и от «формы к семантике». В работе применяются общепринятые лингвистические методы: описательный, сопоставительный, количественный, метод сплошной выборки, метод анализа непосредственно составляющих вербальных единиц, метод контекстуального и ситуативно-контекстуального анализа. Использование перечисленных методов допускает возможность рассмотрения на конкретных языковых примерах структуры, динамики и особенностей функционирования категории залога глагола в удмуртском языке.

Теоретическую и методологическую основу диссертационного исследования составили труды отечественных и зарубежных исследователей по пермскому и финно-угорскому языкознанию (В.И. Лыткин, К.Е. Майтинская, Б.А. Серебренников, Г.А. Ушаков, И.В. Тараканов, В.К. Кельмаков, И.С. Галкин, Ю.В. Андуганов, Д.Е. Казанцев, Д.В. Цыганкин, Е.А. Цыпанов, Е.А. Хелимский, R. Bartens, D.R. Fokos-Fuchs, P. Hajdu, D. Lako, K. Rédei, Y. Wichmann и др.); исследования в области семантического синтаксиса (В.В. Богданов, В.Г. Гак, И.Б. Долинина, Ч. Филлмор, W. Chafe); исследования в области теории глагольных диатез (А.А. Холодович, В.С. Храковский); исследования в области межкатегориальных связей и взаимодействия в грамматике (А.А. Бондарко, Е.Е. Корди, Н.И. Пушина, Ю.В. Терешина, Т.С. Шмелева и др.); исследования в области семантики и синтаксиса каузативных глаголов (Е.А. Гордон,

В.П. Недялков, Г.Г. Сильницкий, С.В. Шустова и др.).

Материалом исследования послужили художественные произведения классиков удмуртской литературы, включенные в состав Национального корпуса удмуртского языка; печатные средства массовой информации; издания научного и учебно-методического характера; разнообразные диалектные и фольклорные тексты. Также источниковой базой послужили вербальные единицы и иллюстративные примеры, полученные в результате сплошной и частичной выборки из «Удмуртско-русского словаря» (2008). Подстрочный перевод фактического материала на русский язык выполнен автором самостоятельно.

Использование источникового материала разных стилей и содержания широкого временного диапазона обусловлено стремлением получить объективные и точные результаты, обеспечить достаточно полный охват исследуемого явления с включением всех релевантных для него признаков.

Научная новизна работы заключается, прежде всего, в самом предмете исследования – категории залога в удмуртском языке, которая рассматривается как одна из основных глагольных категорий, реализуемая многообразием залоговых конструкций, объединенная в отдельную подсистему глагола на основании морфологических, синтаксических и семантических признаков. Впервые в удмуртской лингвистике уточняются типы каузативных залоговых конструкций удмуртского глагола; среди рефлексивов реципрокного значения выделяется социатив, обозначающий симметричное взаимоотношение актантов с симметричными семантическими ролями.

Теоретическая значимость работы состоит в выработке комплексного подхода к рассмотрению категории залога и залоговых конструкций в удмуртском языке; в определении специфики залоговых конструкций как языковых знаков. Выводы исследования будут способствовать постановке и решению новых актуальных задач удмуртской лингвистики.

Практическая значимость. Достигнутые результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания ряда лингвистических дисциплин: общего и финно-угорского языкознания, теоретических основ удмуртского языка,

теории и практики перевода, а также при составлении учебных пособий и грамматик для вузов. Представляется возможным включение полученных данных в спецкурсы и семинарские занятия по проблемам функциональной грамматики, сравнительной типологии разноструктурных языков. Основные выводы и материалы исследования могут найти отражение в лингводидактических разработках, касающихся аспектов функционирования глагольных категорий. Несомненную пользу результаты работы могут принести специалистам в области автоматической обработки естественного языка, компьютерного анализа и синтеза текстов, в том числе – и в рамках машинного перевода.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Результаты, полученные в ходе исследования, соответствуют паспорту специальности 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)».

Идеи настоящего диссертационного исследования отражены в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

1. В современном удмуртском языке категория залога, обладающая морфологическими, синтаксическими и семантическими признаками, представлена системой бинарных оппозиций каузативного – некаузативного, рефлексивного – нерефлексивного залогов, каждый из которых имеет свое грамматическое выражение.

2. Структурными элементами каузативных конструкций являются каузатор (инициатор действия), агенс (одушевленный актант принуждения), перцептив (одушевленный актант воздействия) или объектив (неодушевленный актант воздействия). Отношения между ними регулируются каузативными глаголами, маркированным показателем *-m(ы)-*, и выражающими значения принуждающего влияния.

3. В зависимости от наличия / отсутствия актантов каузативной ситуации, в удмуртском языке эксплицитно выделяется шесть типов каузативных конструкций: однообъектно-двусубъектные, однообъектно-односубъектные,

однообъектно-бессубъектные, безобъектно-двусубъектные, безобъектно-односубъектные, безобъектно-бессубъектные.

4. Глагольные формы, выраженные морфологическими маркерами *-ськ(ы)-*, *-ск(ы)-*, *-иськ(ы)-*, *-йськ(ы)-*, участвуют в реализации рефлексивных конструкций, в структуре которых используются глаголы с рефлексивным, медиальным, реципрокным, имперсональным, пассивным значениями.

5. Категория залога в удмуртском языке связана межкатегориальными значениями с темпоральностью, таксисом, модальностью, персональностью действий.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры общего и финно-угорского языкознания Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» и Ученого совета КНУ УР «Научно-исследовательский институт национального образования». Научные и практические результаты исследования обсуждались на заседаниях всероссийских и международных научно-практических конференций, а именно: Всероссийской научной конференции «Приоритеты стратегии научно-технологического развития России и обеспечение воспроизводства инновационного потенциала высшей школы» (Ижевск, 2019), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Проблемы марийской и сравнительной филологии» (Йошкар-Ола, 2019, 2020, 2021), XXVII Международном молодежном научном форуме «Ломоносов – 2020» (Москва, 2020), Международной научной конференции «Финно-угорские народы в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности и меняющейся окружающей среды» (Саранск, 2020), XVIII Международном симпозиуме «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», посвященном 100-летию государственности Удмуртии и 140-летию выхода из печати книги Б. Гаврилова «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» (Ижевск, 2020), XLVIII Всероссийской итоговой студенческой научной конференции

Удмуртского государственного университета (Ижевск, 2020), XII Международной научно-практической конференции «Ашмаринские чтения» (Чебоксары, 2020), Второй школе-конференции по уралистике (Москва, 2020), Всероссийской очно-заочной научной конференции студентов и аспирантов высших учебных заведений «Слово и текст в культурном и политическом пространстве» (Сыктывкар, 2021), Научно-практической конференции с международным участием «II Шесталовские чтения» (Ханты-Мансийск, 2021), Всероссийской научной студенческой конференции «Проблемы филологии глазами молодых исследователей» (Пермь, 2021), Межвузовской студенческой научно-практической конференции, посвященной 100-летию филологического факультета «Молодая филология – 2021: лингвистика, литературоведение, методика преподавания филологических дисциплин» (Пермь, 2021), VIII Международном финно-угорском студенческом форуме «Богатство финно-угорских народов» (Йошкар-Ола, 2021), II Международном симпозиуме «Проблемы лингвистической типологии и культурологии», посвященном 90-летию Удмуртского государственного университета и института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики (филологического факультета) (Ижевск, 2021), LI Международной научно-практической конференции «Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования» (Москва, 2021), Всероссийской научной конференции с международным участием «Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия» (к 90-летию Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН) (Ижевск, 2021), Казанском Международном лингвистическом саммите «Языковое разнообразие в глобальном мире» (Казань, 2021), Международной научно-практической конференции «Jó gyakorlatok a finnugor nyelvek oktatásában = Преподавание финно-угорских языков в современном научно-образовательном пространстве» (Будапешт, 2021).

По теме диссертационного исследования опубликовано 17 работ, в том числе 4 в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации (одна из которых включена в базу данных Scopus).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка условных сокращений, списка источников иллюстративного материала, включающего 70 позиций, и списка использованной научной литературы, словарей и справочников, включающего 215 наименований, в том числе 34 на иностранных языках. Общий объем работы – 182 страницы.

Во введении диссертации представлена краткая характеристика исследования, конкретизируются актуальность, научная новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость; определяются материал, объект, предмет и методы исследования; обосновываются цель и задачи диссертации; формулируются основные положения, выносимые на защиту; приводятся сведения о соответствии диссертации паспорту научной специальности и апробации результатов исследования, опубликованных статьях.

В первой главе «Теоретические основы исследования» поднимаются проблемы изучения категории залога и залоговых конструкций в лингвистике, излагаются основные подходы к ее рассмотрению, включая, морфологический, семантический, синтаксический, функционально-семантический и др. Отдельное внимание уделяется теории залога и диатез А.А. Холодовича. В этой же главе определяется степень изученности теории залога в удмуртском языкознании.

Вторая глава «Типы каузативных залоговых конструкций удмуртского глагола» посвящена рассмотрению особенностей функционирования конструкций с каузативным глаголом в современном удмуртском языке. Устанавливаются маркеры каузативности, их диалектные корреспонденции; на основании наличия / отсутствия участников каузативной конструкции, представленных инициатором (каузатором), агенсом (исполнителем), объективом и перцептивом (объектами воздействия), и регулируемых каузативными глаголами, выделяются шесть типов каузативных типов, описываются особенности их функционирования; выявляются межкатегориальные связи каузативных конструкций. Также внимание уделяется выявлению различий между понятиями «каузативный» и «куративный» глаголы.

Третья глава «Типы рефлексивных залоговых конструкций удмуртского глагола» посвящена изучению функционирования рефлексивных конструкций,

содержащих глаголы с рефлексивным, медиальным, реципрокным, имперсональным, пассивным значениями. Здесь же устанавливаются функциональные и диалектные особенности маркеров возвратности; выявляются межкатегориальные связи рефлексивного залога.

В Заключении подводятся итоги проведенного исследования, формулируются общие выводы и определяются перспективы дальнейшей исследовательской работы в заявленном направлении в аспекте выявления межкатегориальных связей с другими грамматическими категориями, изучения вопросов грамматической синонимии каузативных и рефлексивных конструкций.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Основные подходы к изучению залога и залоговых конструкций в лингвистике

1.1.1. От классической древности до исследований второй половины XX века

Категория залога, представляющая собой одну из важнейших глагольных категорий, имеет длительную историю изучения. Первые упоминания о залоговых формах встречаются уже в грамматике Панини, где описываются различия в парадигме флексий и значений «активного – среднего» залога глагола санскрита. Впоследствии они были продолжены в трудах древнеиндийских, древнегреческих, римских ученых (Дельбрюка, Хрисиппа, Дионисия Фракийского, Домеда, Макробия и др.). В частности, древнеиндийскими грамматистами залог определяется в качестве грамматической категории, основанной на лексическом значении слова (см. об этом: [Мучник 1971: 11–15]). Стоики (Хрисипп, Антипатр) рассматривают залог с синтаксической точки зрения и выделяют активный, нуждающийся в распространении каким-нибудь падежом («прямой»), пассивный, сочетающийся со специфической конструкцией («опрокинутый навзничь») и средний, не нуждающийся в распространении («ни тот, ни другой») залого (см. об этом: [Мучник 1971: 11–15]). Похожая терминология дается Д. Фракийским (действие, страдание, середина) и Макробием (действительное, страдательное значения). Основу установления таких классификаций составляет положение о том, что залоговая система должна охватить все функционирующие глаголы языковой системы.

Особый интерес представляет работа «Грамматика Славенския правильное Синтагма, потщанием многогрешного мниха Мелетия Смотрицкого» (1648).

М. Смотрицкий был одним из первых, кто рассмотрел грамматическое выражение залога во взаимодействии с его лексико-грамматическим наполнением. Им определяются транзитивные и интранзитивные (или самостоятельные) классы глаголов, предлагается следующее определение залога: «Залог есть случай, иже глагольное окончание с ознаменованием являет» [Грамматика Славенския, 1648]. Согласно данному определению, под залогом понимаются аффиксы глагола, а именно окончания, с конкретным значением. Для славянских языков М. Смотрицким выделяются пять форм залога: действительный (*бью, творю*), страдательный (*бьюся, творюся*), средний (*стою, здравствую, теплю*), отложительный (*боюсь, труждлюся*) и общий (*касаюся*) (см. об этом: [Мучник 1971: 11–17]). Как отмечает И.П. Мучник, установленная система и терминологический аппарат залога представляют собой механическое перенесение греко-римской систематизации глаголов на основу славянской грамматики, что является причиной имеющихся в работе недостатков: не все залоговые формы сопоставляются между собой [Мучник 1971: 17].

Теоретические изыскания М. Смотрицкого были продолжены в трудах М.В. Ломоносова. В «Российской грамматике» (1755), созданной на основе грамматики М. Смотрицкого, российский ученый предлагает следующие определения для каждой из залоговых форм: «Дѣйствительный глаголъ значить деяніе, отъ одного къ другому преходящее и въ немъ дѣйствующее: *возношу, мою*; Страдательный глаголъ значить страданіе отъ другаго происшедшее, составляется изъ причастій страдательныхъ и изъ глагола *есмь* или *бываю*: *Богъ есть прославляемъ*; Возвратный глаголъ значить дѣйствіе и страданіе отъ себя самаго на себя жъ происходящее: *возношуся, моюсь*; Взаимный глаголъ выражает взаимное двухъ дѣяніе: *борюсь, знаюся, хожусь*; Средній глаголъ кончится какъ дѣйствительный и значить дѣяніе отъ одной вещи къ другой не преходящее: *сплю, хожу*; Общій глаголъ кончится на *сь* или *ся*: *боюсь, кланяюся*» [Ломоносов 1775: 108].

В отличие от грамматики М. Смотрицкого, М.В. Ломоносов отказывается от понятия отложительный залог, а также, опираясь на семантические значения

глаголов на *-ся*, вводит еще две другие залоговые формы: возвратный и взаимный. Более того, ученый впервые обращает внимание на связь форм залога с реальным значением вербальных единиц и особенностями их синтаксического функционирования.

Выделенные М. В. Ломоносовым залоговые формы получают развитие и в трудах А.Х. Востокова, который подчеркивает: «глаголы бывают: 1) действительные (действие предмета обращено на другой предмет, означаемый вопросом *кого* или *что*: *любить, почитать*), 2) страдательные (показывает состояние предмета, на который обращено действие другого: *быть любиму, быть почитаему*), 3) возвратные (действие обращено на самого действующего, приложением к действительному залогу сокращенного местоимения возвратного *ся* (вместо *себя*): *мыться, одеваться*), 4) общие (без приложения *ся* неупотреблены, означает действие внутреннего чувства, обращенное только на самого действующего: *бояться, надеяться*), 5) взаимные (приложением местоимения *ся* к залогу вопрос сь кь, действие происходит между двумя или многими предметами: *сражаться сь неприятелем, заться сь людьми*), 6) средние (иметь тройное значение: действие предмета, непереходящее на другой предмет или глаголы, означающие приобретение качества: *сидеть, стоять, полнеть, сохнуть*; состояние или качество предмета, независящее от действий: *быть здорову, быть веселу*; обнаруживание себя каким либо действием или качеством: *крапива жжется, нитки рвутся, стучаться въ дверь*)» [Востоков 1831: 52–54]. Для системы русского языка в качестве основных ученый выделяет две залоговые формы: действительный и средний. По мнению А.Х. Востокова, отличительным признаком залогов служит не морфемный показатель, а значение глагола в сочетании с другими лексемами. Более того, синтаксическая связь единиц речи и их лексические особенности играют важную роль в определении страдательного значения возвратного залога. В качестве основного недостатка в положениях о залоговых формах, предложенных А.Х. Востоковым и его предшественниками, современные исследователи указывают на отсутствие единых принципов определения категории залога: «представляется абсурдным

выделение общего залога, который не используется без приложения *-ся*» [Мучник 1971: 22–23].

В научных трудах первой половины XIX в. учение о категории залога основывается на лексико-семантической классификации глаголов по типу отношения действия к объекту (см. об этом подробнее: [Виноградов 1972: 477]). В частности, Г.П. Павским на основе деления глаголов «с различными состояниями живущих, действующих и страдающих существ» [Павский 1842: 3] описываются три семантико-грамматических типа залога: действительный, страдательный и средний (или глаголы транзитивного, страдательного и интранзитивного значений). Полагается, что основной функцией возвратной формы является «делать глаголы непереходными», в связи с чем они (кроме глаголов со страдательным значением) рассматриваются в составе среднего залога. Значением среднего залога обладают действительные глаголы с формантом *-ся*, чье действие заключается при самом субъекте, а не направляется на внешние объекты. Ученый на основе сопоставления лексем *стареться*, *белеться* со словосочетаниями *идет себе*, *живет себе* выделяет отдельную группу «средних возвратных» глаголов среднего залога, различает взаимные и безличные глаголы. Так, Г.П. Павским устанавливаются несколько новых значений формообразующего аффикса *-ся* [Павский 1842: 3].

Идея представления глагольной категории залога в историческом аспекте принадлежит Ф.И. Буслаеву. Залог, по мнению ученого, означает деятельность предмета и деятельность, переходящая или непереходящая на другой объект. Эти два типа глаголов, переходящие (*читаю что? книгу*) и непереходящие (*стою что?*) по залоговым признакам распадаются на группы действительных («дѣйствиє предмета преходит на другой предметъ, котораго названіє ставится въ винительномъ падежѣ: *ученикъ читаетъ книгу*»), страдательных («состояне предмета, произведенное дѣйствиєм другаго: *любимъ отцомъ и матерью*»), средних («означаетъ состояніє и дѣйствиє предмета, не переходящее на другой предмет: *спать, ходить*»), возвратных («дѣйствиє обращено на самага дѣйствователя: *умываться, одеваться*») залогов. Взаимный («*ссориться съ кѣмъ*,

мирится съ кѣмъ») и общий («лѣниться, надѣяться») залогом автором грамматики относятся к значениям возвратного залога глагола [Буслаев 1858: 119–139]. Также в работе частично освещается роль морфологических префиксов в образовании транзитивных вербальных единиц от интранзитивных, признается связь залоговых различий с синтаксическими особенностями глаголов с их лексическими значениями.

Предложенная Ф.И. Буслаевым классификация залоговых форм получила критику в трудах отдельных лингвистов. Так, А.А. Потебней и позднее В.В. Виноградовым подчеркивается, что глагол действительного залога, характеризующийся транзитивностью, не может быть в одно и то же время интранзитивным [Виноградов 1972: 478–479, Потебня 1941: 197].

Важно подчеркнуть, что в трудах Ф.И. Буслаева в качестве отдельного разряда действительных глаголов отмечаются винословные (ныне понудительные) единицы с семой приписывания подлежащему причины, понуждения кого-нибудь совершить действие, заключенное в основе глагола.

Более четкая зависимость семантического значения слова от наличия / отсутствия морфологических показателей предлагается в трудах К.С. Аксакова. Его точка зрения опирается на принцип соотносительности. Ученый, противопоставляя возвратные единицы с *-ся* глаголам без него, в глаголах без маркера возвратности выделяет действительный (переходный) и средний (непереходный) залогом с подвижной границей между собой. К.С. Аксаков отмечает возможность употребления в непереходном значении глаголов действительного залога, а в переходном – единиц среднего залога, т.е. использование средних глаголов в качестве действительных или действительных в качестве страдательных. Так устанавливается ряд залоговых оппозиций: средне-действительные и страдательные формы глагола; средне-действительные и возвратные глаголы. Деление на множество подзначений внутри возвратной формы основывается на функциональных особенностях глагола и тем, что в форманте *-ся* содержатся разные падежные формы (цит. по: [Виноградов 1972: 480]). Таким образом, можно сделать вывод, что залоговая

дифференциация возвратных залогов, предложенная К.С. Аксаковым, опирается на различия в отношениях действия к субъекту, а не к объекту. Важно также подчеркнуть, что ученый выявляет дополнительные оттенки значений, которые приобретает глагольная форма при наличии показателя *-ся*. Например, глагол *попал* (*попал* куда-то частью тела, которую можно достать) с аффиксом *-ся* (*попался в сеть*) имеет усиленный признак непереходности. Идеи К.С. Аксакова впоследствии нашли продолжение в трудах отдельных исследователей, и, в частности, в статье «О залогах русского глагола» (1899) академика Ф.Ф. Фортунатова (см. об этом: [Салыхова 2012: 19]).

Однако не все ученые XIX века поддерживают развернутые классификации залоговых форм. В частности, по мнению В.И. Даля, «распределение глаголов на залогов – дело случайное, переходчивое» (см. об этом: [Мучник 1971: 23–24]). Поэтому, с его точки зрения, целесообразно выделять всего две группы глаголов: прямые (невозвратные) и возвратные. Эта идея находит отражения и в трудах Н.П. Некрасова, который утверждал, что «в делении Даля отражается простой, здравый научный смысл русского человека, не забитого теорией и школярством, и меткий взгляд на самую теорию русского глагола. Однако это деление требует теоретического объяснения» [Некрасов 1865: 32–83]. Положения, предлагаемые ученым, заключаются в том, что все русские глаголы могут употребляться как в форме с *-ся*, так и без него; имеет место функционирование глагола на *-ться* со значением самостоятельного действия; отмечается словообразовательная функция форманта *-ся* [Некрасов 1865: 32–83]. Работа привлекательна тем, что каждый лингвистический случай закрепляется примерами из фольклорных текстов.

Важно подчеркнуть, что уже к началу XIX в отдельных трудах лексико-морфологический принцип изучения залоговых форм расширяет свои границы в сторону синтаксиса. В частности, А.В. Поповым уделяется особое внимание на то, что при определении залоговых форм важно обратить внимание на типы отношений подлежащего и дополнения. По мнению ученого, в случае действительного залога в предложении главенствующую роль получает подлежащее; объект может отсутствовать или быть представленным одной-двумя

объектами, что трактуется как непереходные действительные или переходные действительные объекты, соответственно. Главенствующая роль в страдательных оборотах, согласно А.В. Попову, принадлежит действию, факту, выраженному безличным страдательным оборотом или второстепенным объектом, который подвергается изменению, производитель действия в значительной степени игнорируется. Изредка при них возможен объект в аккумулятиве. Этот тип субъектно-объектных отношений, по мнению А.В. Попова, именуется медиальным (или средним). Его особенность заключается в том, что он представляет нечто среднее между действительным и страдательным оборотами, подлежащее в нем одновременно является и производителем, и объектом действия (см. об этом подробнее: [Попов 1881]).

Таким образом, к концу XIX в. в истории отечественного языкознания учеными предлагалось выделять разное количество (от двух до шести) залоговых форм; но во всех залоговых теориях ведущими оказывались залоговые формы: возвратный и невозвратный. В качестве основы их разграничения учеными этого периода предлагается принцип переходности и непереходности. В понятие возвратности исследователями закладывается характер отношений действия к объекту с целью замкнуть действие в нем самом или характер отношений к субъекту как способу выражения различий между действием и субъектом.

Новый вклад в изучение глагольной категории залога в конце XIX в. вносят исследования Ф.Ф. Фортунатова (см. об этом подробнее: [Karcevski 1927: 82]). В его научном труде «О залогах русского глагола» (1899) уточняются и объединяются ценные аспекты из опыта предшествующих исследований, а также предлагаются новые подходы к изучению залоговых форм.

Формами залога Ф.Ф. Фортунатов называет грамматические глагольные формы, выражающие различия в отношении признака, выражаемого основой глагола, к его субъекту [Фортунатов 1899]. На основе анализа глагольных форм с *-ся* ученым вычленяются те единицы, которые без *-ся* не существуют, а значит, и не имеют грамматического признака залога. Глаголы с *-ся* подразделяются на образованные от транзитивных и интранзитивных основ. Различая рефлексивный

и неререфлексивный залог в русском языке, ученый впервые обособляет от теории залога вопрос об активных и пассивных оборотах: «Страдательного залога, какъ особой формы, которая отличалась бы отъ формы возвратнаго залога (имьющей, между прочимъ, и страдат. значеніе), наши глаголы не имьють (въ причастіяхъ есть страдат. залогъ); поэтому нѣтъ въ нашихъ глаголахъ и формы дѣйствит. залога, какъ нестрадательнаго» [Фортунатов 1899: 1153–1158]. В исследованиях ученого определяются также семантические подзначения возвратных глаголов, образованных от транзитивной основы. Так, семантическое значение возвратного залога может включать [Фортунатов 1899: 1153–1158]:

а) сему изменения, происходящего в состоянии самого актанта (*сердиться, гнаться, радоваться*);

б) сему взаимную (или взаимно-переходную), обозначающую взаимность действия, при котором каждый из двух или нескольких субъектов действия является вместе с тем объектом того же действия, производимого другим субъектом или другими субъектами (*целоваться, грызться, любиться*);

г) возвратную (или прямую возвратную) сему глаголов, действие которых направлено на внешнюю сторону объектов, их части тела, лица (*краситься, умываться, защищаться*);

д) страдательную сему (*задаюсь*);

е) сему действия, рассматриваемого в отвлечении от объектов, т.е. по отношению лишь к субъекту действия (*кусаться, обещаться, проситься*)

Позднее данная классификация была расширена в трудах ученика и последователя Ф.Ф. Фортунатова – В.К. Поржезинским – еще двумя значениями (см. об этом: [Мучник 1971: 16–46]):

а) не прямое возвратное значение, заключающееся в совершении действия для субъекта и в его интересах;

б) значение полноты проявления признака (*наплакаться, нагуляться*).
Примеры непрямого возвратного значения глаголов не приводятся.

Среди группы глаголов на *-ся*, образованных от интранзитивных глаголов, ученым выделяются [Фортунатов 1899: 1153–1158]:

а) вербумы, образованные от интранзитивных основ на *-еть* (*краснеть – краснеться*). Аффикс *-ся* здесь усиливает значение непереходности;

б) вербумы типа *стучаться, звониться*, имеющие соответствия среди глаголов без *-ся* (*стучать, звонить*). Ф.Ф. Фортунатов называет их общими глаголами;

в) вербумы, формант *-ся* которых выражает безличность глагола (*икается, спится*). Действие здесь производится в отвлечении от субъекта

Таким образом, в концепции Ф.Ф. Фортунатова категория залога глагола рассматривается на основе транзитивности и интранзитивности глагольных форм, на принципе соотносительности грамматических форм и соответственных значений. Полученные результаты исследований Ф.Ф. Фортунатова оказали существенное влияние и на развитие теории залога в научных изысканиях последующего столетия. В частности, в трудах Г. Суита, который определил под залогом грамматические способы выражения отношения между транзитивным глаголом, его субъектом и объектом [Sweet 1940: 112] и М.А. Несфилда, согласно которому залог является формой переходного глагола, который отражает, является ли агенс действия исполнителем или сам испытывает некое воздействие [Nesfield 1944: 45]. Однако связь залоговых отношений, обобщенная до понятия переходности / непереходности и рассматриваемая в отрыве от предложения, не отражала всех синтаксических особенностей залога. Требовалось изучение категории залога вкупе с другими языковыми уровнями.

Включение лексического уровня языка при исследовании залоговых отношений характерно для трудов лингвиста Петербургской академии наук Д.Н. Овсяннико-Куликовского, который «залоговость помещает в переходную зону между грамматикой и лексикологией» [Виноградов 1972: 491]. Залогом, по словам ученого, называются те глагольные формы, в которых воспроизведено отношение подлежащего, как лица действующего, к сказуемому, как к действию, с точки зрения подлинности, фиктивности и мнимости роли подлежащего, как производителя признака, данного в лексическом значении глагола-сказуемого [Овсяннико-Куликовский 1912: 126–127]. Ученым различаются два основных

залога: действительный и страдательный, каждый из которых, в свою очередь, обладает разновидностями.

Так, Д.Н. Овсяннико-Куликовский характеризует активность в действительных оборотах в зависимости от лексического значения глагола подлинной или фиктивной, что понуждает представлять подлежащее субъектом действующим (*я говорю, онъ хорошо плаваетъ*). В страдательном залоге «подлежащее являет недействующее или мнимо действующее лицо, лишь отвечающее на вопросы *кто? что?* с фиктивной активностью («*онъ былъ избранъ*»)» [Овсяннико-Куликовский 1912]. Хотя этот взгляд на глагольный залог В.В. Виноградовым подвергается критике ввиду смешения грамматических и лексических признаков, важно отметить, что Д.Н. Овсяннико-Куликовский раскрывает суть переходности и непереходности глаголов, чем вносит ценный вклад в дальнейшее изучение залога.

К XX в. в отечественном языкознании складывается прочная база разнообразных и иногда противоречивых представлений об особенностях функционирования залога. Идея о категории залога как о сложной и запутанной глагольной категории была развита и в трудах С. Карцевского [Karcevski 1927]. По мнению лингвиста, в традиции русской грамматики залогами было принято именовать две разные системы отношений. Одна из них связана с термином «объект», другая с термином «деятель». Деятелю соответствует субъект, производящий действие (или процесс) и стремящийся выступить в предложении в качестве подлежащего. Если субъект достигает этого, то предложение выступает действительным, в ином случае – страдательным. В случаях, когда подлежащее предложения опускается, предложение становится безличным [Karcevski 1927].

Возвратная форма глагола, по С. Карцевскому, служит средством нейтрализации переходных (нейтрализация – изменение переходного глагола в непереходный) глаголов, что приводит к сосредоточению процесса в самом деятеле. Ученым отмечается, что использующиеся в безличном обороте глаголы чаще представляются в отрицательной семе (*не спится, не работается*). Другим способом нейтрализации служит замыкание действия в сфере субъекта

(*умываюсь, одеваюсь*) [Karcevski 1927]. Возвратные глаголы в вышеуказанных примерах выражают действие, совершаемое субъектом активного процесса для него самого и не имеющее внешней цели. Также ученый поднимает вопрос о возможности транзитивации (транзитивация – изменение непереходного глагола в переходный) глагола при помощи префиксации. Однако современные исследователи, в частности, И.П. Мучник не разделяет данную точку зрения, поскольку «непереходные глаголы при помощи суффикса *-ся* приобретают значение переходности, а при использовании приставок продолжают оставаться непереходными. Более того, использование приставок с непереходными глаголами влечет за собой изменение грамматического и лексического значений слова (*верить – уверить – сверить*)» [Мучник 1971: 44].

В отличие от традиций российской лингвистической мысли, чешский ученый Б. Гавранек свою концепцию о залоге выстраивает не на основе зависимости залоговых форм от транзитивности / интранзитивности глагольных форм, а опирается на морфолого-синтаксический принцип. По мнению лингвиста, залог является морфолого-синтаксической категорией, в которой отношения между субъектом и агенсом становятся во главу угла [Navranek 1928]. Иными словами, в исследованиях Б. Гавранека важную роль играют отношения между подлежащим как грамматической и синтаксической единицей и агенсом как логико-семантическим компонентом.

Понимание залога как синтаксической категории характерно и для научных исследований А.А. Потебни, который «установил связь между залогом и предложением, в составе которого глагол функционирует настоящей, индивидуальной жизнью» [Саляхова 2012: 25]. Опровергая размышления предшественников о возможности глагола принимать различные залоговые формы, А.А. Потебня подчеркивал, что ни один глагол не может обладать одновременно несколькими залоговыми значениями. Выражение о переходе некоего глагола в определенный залог следует воспринимать как два различных, но однозвучных глагола, относящиеся к различным залогам, более того, эти

глагольные формы находятся в отношении исторического преемства [Потебня 1941: 201].

Теория залога в исследованиях А.А. Потебни плавно переходит в плоскость синтаксиса. Глаголы классифицируются им исходя из их лексического содержания, значения форманта *-ся*, а также вида глагольного управления. У возвратных глаголов выделяются собственно-возвратные (*мыться, прятаться*) и частично-возвратные (*нахмуриться, уставиться*) значения. Глаголы, не имеющие возвратного значения, используются при образовании «безобъективных» (непереходных) глаголов от «объективных» (переходных), именуемых иначе средне-возвратными (*садиться, явиться*). Часть глаголов на *-ся* ученым относится к взаимному залогу (*старожил бранился*) и отдельно выделяется группа глаголов, формант возвратности в которых наделяет глагол оттенком «удобства, самопроизвольности действия» (*не спится, хорошо живется*) [Потебня 1941].

А.А. Шахматов, намереваясь обобщить теорию залога предыдущих учений Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Потебни и Д.Н. Овсяннико-Куликовского, оказывается близок к фортунатовской школе в представлении залога и значений возвратной формы. По словам лингвиста, залоговыми формами являются «те различные произведенные от одного и того же глагола образования, в которых обозначаются различного рода отношения действия или состояния, выраженного глаголом к его субъекту» [Шахматов 1941: 168–188]. Согласно исследователю, морфология залога языка как раз занимается поиском и выяснением формальных средств, при помощи которых выражается глагольный залог. По мнению ученого, в русском языке имеется «два способа формального выражения залога [Шахматов 1941: 188–190]:

а) при помощи частицы *-ся*;

б) функционирующие в языке различные формы образованных от глаголов причастия со значением действия или состояния, протекающего от самого субъекта (причастие действительного залога); глаголов со значением

переходящего с другого (психологического) субъекта на субъект предиката (причастие страдательного залога) действия».

Так же, как и Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов отмечает наличие в составе русского языка глаголов без соотносительных форм, ввиду чего невозможно выявить их залоговую составляющую (*идти, возненавидеть*). Для системы русского языка ученым выделяются три залоговые формы: действительный, средний и страдательный. По мнению ученого, глаголами действительного залога обозначается активность или состояние, исполняющееся самим субъектом. Отличаются они от глаголов среднего залога тем, что не содержат в составе форманта *-ся*: *нести, богатеть, гложнуть*. Глаголы среднего залога указывают на то, что действие или состояние, воплощенное в действительном глаголе, претерпевает то или иное изменение в отношении его к субъекту. Изменения придает формант *-ся*: *моется, чешется, интересуется*. Причастия и образованные при помощи *-ся* от переходных основ глаголы образуют страдательный залог. Действие в них переходит на один субъект с другого психологического субъекта. Глаголы возвратного залога содержат аффикс *-ся* и выражают отношение субъекта к объекту действия (*я любим, ты разорен, скатерть зальется*). Деятельность субъекта при этом может быть выражена переходным глаголом с «прямым дополнением (в винительном падеже), переходной единицей с косвенным дополнением (в родительном, дательном и творительном падежах), непереходным глаголом, не имеющим при себе дополнения» [Шахматов 1941: 189].

Несмотря на то, что ко второй половине XX века появляются новые подходы к изучению теории залога, некоторые ученые продолжили свои изыскания в рамках морфологического подхода. В том числе в круг научных интересов попадают региональные особенности функционирования залоговых форм. В частности, в работе «Очерки по морфологии русского глагола» С.П. Обнорского (1953) автором выделяются следующие диалектные разновидности возвратной частицы *-ся*: *-се (-сѣ)* (*боюсе, молилсе, ругаетсе, диетсѣ*), *-со* (*заколосо, родилсо, боицо, дерутцо*), *-си* (*показалоси, нагулялси,*

боисьси, нанялси), -сы (купатсы, кататцы, простудилсы, праишалсы), -са, -с (рожжживус, остануса, боюса) [Обнорский 1953: 70–89].

М.М. Гухман рассматривает залог как грамматическую категорию. По мнению ученого, залоговые формы имеют настолько обобщенно-отвлеченный характер, что смысловозначительные признаки действительного и страдательного залогов не связаны с семантическим наполнением фразы [Гухман 1964: 36].

Близкая идея высказывается Р.В. Басовой. Она отмечает, что залог глагола или его семантика зависят от наличия в предложении, помимо глагольной формы, предикативно соотносимого с ней слова. Грамматическая форма глагола являет собой способ обнаружения грамматического значения, так как в категории залога определяют как план содержания – смысловые или функционально-различительные признаки, так и план выражения – «внешние» категориальные форманты, характерные для словоизменительной парадигмы [Басова 1967: 21].

Отдельное внимание следует уделить научным исследованиям В.В. Виноградова, идеи которого во многом соотносятся с результатами исследований Ф.Ф. Фортунатова. Основная идея учений В.В. Виноградова состоит в том, что категория залога в русском языке представляется возвратной и невозвратной формами одной и той же вербальной единицы. Ядром данных залоговых форм является синтаксическое свойство глаголов отражать отношения действия к субъекту и объекту ситуации.

По мнению В.В. Виноградова, изначально возвратная и невозвратная формы глагола были формами одного и того же слова: возвратная форма глагола (частица *-ся* в которой когда-то была подвижной) обозначала то же действие, что и невозвратная, но замкнутое в его субъекте, иначе говоря, не направленное на внешний объект (*мыть – мыться, целовать – целоваться*). Впоследствии, по мнению ученого, большая часть сложившихся возвратных форм глаголов освободилась от невозвратных и стала функционировать в качестве самостоятельных слов [Виноградов 1972: 494–495]. В русском языке ученый выделяет 15 значений и оттенков, придаваемых группам возвратных глаголов с маркером *-ся* [Виноградов 1972: 511–518]:

1. Собственно-возвратное (или прямо-возвратное). Аффикс указывает на то, что субъект и объект действия совпадают, т.е. физическая личность субъекта, производящего некую операцию, направляет это действие на поверхность своего тела или свою внешность (*мыться, беречься*).

2. Средне-возвратное. Суффикс *-ся* показывает, что действие производителя активности сосредоточено в сфере субъекта и сводится к внешним изменениям в его состоянии. Оно не направляется на внешний объект. Глаголами этой группы обозначаются внешние и физические изменения в состоянии и положении субъекта, его перемещения в пространстве (*возвращаться, прогуливаться, скатиться, прислониться*).

3. Обще-возвратное. Действие субъекта замыкается в нем самом и отражает изменения в его внутреннем состоянии (*сердиться, беспокоиться*). Надо заметить, данный оттенок глаголов возникает лишь в кругу глаголов с чувственной семантикой, значениями внутреннего душевного переживания. Данный класс глаголов не может выступать в страдательном значении.

4. Страдательно-возвратное. Это семантическое наполнение, в одном случае, совпадает с собственно-возвратным значением и возникает в тех же глаголах при неодушевленном субъекте (*щеки румянятся*), в другом случае, сочетается со средне-возвратной семантикой (*корабль несется*).

5. Взаимно-возвратное. Маркером возвратности обозначается взаимодействие субъекта и объекта действия, являющихся производителями и объектами взаимного процесса (*бороться, объединиться, сговориться*).

6. Косвенно-возвратное. Формантом *-ся* отмечается то, что действие имеет личность того же субъекта и своим косвенным объектом. Оно совершается в интересах субъекта (для него, в его интересах) (*уложиться, запасться*).

7. Побочно-возвратное. Здесь аффикс обозначает, что действие исходит от субъекта, но объект при этом ставится в косвенное отношение к себе или отстраняется (*держаться за перила, взяться за дело, оглядеться*).

8. Средне-пассивно-возвратное. Исполнитель действия (иначе действующее лицо) представляется в качестве косвенного объекта с

направленным на него действием, а объект действия изображается в роли его субъекта. Как правило, данные глаголы используются в сочетании с субъектами в дательном падеже (*припомнилось ей, мне представляется*).

9. Качественно-пассивно-безобъектное. Аффиксом *-ся* подчеркивается замкнутость действия в самом субъекте, тем самым отмечается наличие у субъекта свойства подвергаться какому-нибудь действию (*ящик выдвигается, палка сгибается*).

10. Активно-безобъектное. Действие субъекта направляется на других объектов ситуации. Но использующиеся глаголы выражают свойство, характерную для самого субъекта отличительную черту (*собака кусается, крапива жжется*).

11. Интенсивно-побочно-возвратное. Аффикс выражает интенсивное кратное действие, которое сосредоточивает внимание на исполнителе действия (*стучаться, целиться*).

12. Сема пассивного обнаружения внешнего признака, характерная глаголам на *-ся*, соотносительным с интранзитивными отыменными глаголами на *-еть*. Вербальными единицами подчеркивается пассивное проявление внешних изменений субъекта (*зеленеться, белеться*).

13. Косвенно-результативно-возвратное. Суффиксом обозначается полнота, исчерпанность проявления действия, интенсивность захвата субъекта действия. Присоединение форманта *-ся* здесь связано с префиксацией, изменяющей вид глагола (*проспаться, належаться*).

14. Взаимно-моторное. Данное значение наблюдается у рефлексивных единиц, образованных от интранзитивных глаголов движения с помощью суффикса *-ся* и префиксов *с-* и *раз-* (*разбежаться, съехаться*).

15. Безлично-интенсивное значение присуще возвратным безличным глаголам, действие которых протекает независимо от воли лица, участвующего в процессе, и проявляется интенсивно (*не спится, плохо работается*).

Деление глаголов на субъектные и объектные в трудах В.В. Виноградова становится основой для выделения страдательного залога, противопоставления

его действительному обороту. Ученый подчеркивает, что развитие пассивных синтаксических конструкций влияет на функционирование страдательного залога. По мнению лингвиста, в русском языке страдательного залога нет, но есть предикативные (в составе возвратная форма глагола) и атрибутивные (в составе страдательные причастия) страдательные обороты. Кроме того, В.В. Виноградовым отмечается, что употребление пассивных конструкций свойственно официально-канцелярским, научно-техническим, газетно-публицистическим и повествовательным текстам литературного языка [Виноградов 1972: 500–520]. Опережая излагаемый материал, заметим, что аналогичная тенденция характерна и для функционирования современного удмуртского языка.

Современными исследователями русского языка выделяется до десяти значений залоговых форм: актив (собственно-активный), пассив (собственно-пассивный), объектный рефлексив (возвратно-действительный), субъектный актив (непереходно-действительный), субъектный имперсонал (безлично-страдательный), рефлексив (собственно-возвратный), объектный имперсонал (безлично-действительный), объектно-рефлексивный имперсонал (безлично-возвратный), абсолютный имперсонал (собственно-безличный), рефлексивный имперсонал (безлично-возвратный) [Гончаров 1989: 13–16]. Подобная классификация с определенными модификациями предлагалась и удмуртскими лингвистами, т.к. в качестве теоретической базы исследований заимствовались научные результаты русской лингвистической традиции (см. об этом подробнее в Главе 3).

Таким образом, ко второй половине XX века в лингвистике преобладает морфологический подход к изучению категории залога. В частности, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, М.М. Гухман, В.В. Виноградов и т. п. залог рассматривают как грамматическую категорию. Б. Гавранек, А.А. Потеня и т.п. категорию залога размещают в плоскость синтаксической конструкции.

Во второй половине XX века, в связи с развитием семасиологии, появляются новые подходы: залог как семантико-синтаксическая категория

(А.А. Холодович и др.) и залог как функционально-семантическая категория (А.В. Бондарко, Л.М. Медведева и др.). Данные подходы будут рассмотрены в следующем разделе нашего диссертационного исследования.

1.1.2. Современные научные подходы

Развитие лингвистики в 60–70-е гг. XX века, когда центр внимания переместился на изучение семантики предиката, способствовало появлению новых подходов к изучению теории залога и залоговых конструкций. В этом контексте залог рассматривается как сложная категория, «функционирование которой охватывает широкую сферу: от полной асемантической до полной семантической с множеством плавных переходов» [Богданов 1977: 64].

Так, в рамках теории функциональной грамматики лингвистические категории принято рассматривать как «двустороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне» [Бондарко 2001: 40]. В частности, в работе «Русский глагол» (1967) А.В. Бондарко и Л.Л. Буланин предлагают следующее определение исследуемой категории: «Категория залога – это система грамматических форм глагола, устанавливающая отношение действия глагола к субъекту» [Бондарко, Буланин 1967: 150]. Учитывая вышеназванные принципы, авторы предлагают следующие принципы разграничения рефлексивных форм и рефлексивных глаголов [Бондарко, Буланин 1967: 152–153]:

а) по составу и значению морфем. Формант *-ся* у рефлексивных форм типа *разносятся* является формообразующим (имеет только грамматическое, залоговое значение), у рефлексивных глаголов – словообразовательным (имеет более десяти значений).

б) по набору грамматических форм. Рефлексивные глаголы свободно образуют все возможные грамматические формы, рефлексивные формы страдательного залога не употребляются в повелительном наклонении.

в) по лексическому значению. Омонимичные возвратный глагол и возвратная форма различаются по лексическому значению, что обусловлено их синтаксическими свойствами.

г) по синтаксическим свойствам. Страдательные обороты допускают употребление в своем составе агентивного дополнения (исполнитель действия) в творительном падеже, возвратные и другие глаголы действительного залога такого не допускают. С другой стороны, возвратные глаголы могут сочетаться с деепричастной конструкцией, а возвратные формы страдательного залога такой сочетаемости не принимают.

Своеобразное видение аспектов функционирования глагольной категории залога предлагается Н.А. Янко-Триницкой в «Русской морфологии» (1989), в котором автором, наряду с возвратностью и невозвратностью глаголов рассматриваются различные семантические значения возвратных глаголов. Ученый предлагает разграничивать следующие группы возвратных глаголов [Янко-Триницкая 1989: 82–83]:

а) страдательной семы (истинный объект представляется в качестве субъекта действия: *паркетчики настилают полы – полы настилаются паркетчиками*);

б) включенного объекта (сочетание базового глагола с конкретным или неопределенным объектом: *друзья обнимаются* (= обнимают друг друга), *учитесь сдерживаться* (= сдерживать себя));

в) переключенного объекта (сочетание базового глагола с объектом в косвенном падеже с предлогом или без него: *задать, задавать вопрос – задаться, задаваться вопросом, нянчить ребенка – нянчиться с ребенком*);

г) исключенного объекта (действие замыкается в субъекте: *мчать – мчаться, одевать – одеваться*) и др.

Исследования залога и залоговых конструкций с точки зрения теории

функционально-семантических полей (ФСП), предложенной А.В. Бондарко, находит продолжение в исследованиях Н.А. Козинцевой, Е.Е. Корди, Ю.С. Маслова, В.П. Недялкова, В.С. Храковского, М.А. Шелякина и др.

Так, согласно В.С. Храковскому, залоговые ситуации можно описать с помощью гиперролей. В этом случае гиперроль «субъект» будет включать все объекты первого участника залоговой конструкции, все роли второго участника могут быть объединены в гиперроль «объект» [Храковский 1974: 38]. Подобный подход обусловлен тем, что при немаркированной диатезе подлежащее поверхностной синтаксической структуры соответствует роли агенса (носителя состояния), а дополнению соответствует объект, пациент или другая соответствующая роль. По мнению исследователей, такие «диатезные отношения возможны, когда количество семантических отношений, имеющих отношение к предикату, составляет более одной. А количество и типы ролей зависят от валентности глагола» [Klaiman 1991: 4].

Исследуя особенности функционирования залоговых конструкций, В.С. Храковский предлагает выделять две самостоятельные грамматические категории. Одна из них – это синтаксическая категория, реализуемая в оппозициях активной рефлексивной, реципрокной и пассивной рефлексивной, реципрокной конструкции. Другая – это синтаксическая категория, именуемая иначе категорией референтности, представленная оппозициями активной и рефлексивной, активной и реципрокной конструкциями [Храковский 1981: 37–38].

Учитывая вышесказанное, можно утверждать, что ко второй половине XX века при определении особенностей залоговых отношений во внимание берутся все уровни языковой системы, в том числе учитываются семантические и синтаксические значения глаголов. Определение залога на синтаксических явлениях, а не в связи с семантикой предлагается С.Е. Яхонтовым. Как считает ученый, оппозиционные по залогу глагольные формы, употребляясь в одной и той же синтаксической функции, различаются по типу управления. В этом контексте залогом именуется отражение глагольного управления в форме вербума [Яхонтов 1974: 49].

И.П. Мучник, классифицируя залоговые значения вербальных единиц с маркером *-ся*, выясняет синтаксические условия реализации определенных залоговых значений глаголов с *-ся* и определяет следующие общие положения для изучения категории залога [Мучник 1971: 10–11]:

а) категория залога – это глагольные формы, обозначающие различия в отношении действия к субъекту и объекту;

б) глагол имеет залоговое значение только при условии наличия в нем противоположных по залоговому значению и по синтаксическим связям коррелятивных форм;

в) при изучении категории залога необходимо учитывать продуктивность и употребительность залоговых форм в рассматриваемом языке при выяснении значимости тех или иных залоговых соотношений.

Важную роль в развитии теории залога играет универсально-типологическая концепция залогов и диатез, автором которой является А.А. Холодович. Ученый впервые залог рассматривает как соотношение морфологического уровня с синтаксическими и семантическими уровнями языка. Согласно ученому, залог – это грамматически маркированная в глаголе диатеза [Холодович 1979: 63, 284].

Данное определение залога расходится с определениями, которые предлагались лингвистами в предшествующих исследованиях. Так, в классических определениях Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, А.А. Потебни обнаруживается, что в каузативных конструкциях фигурируют три единицы: подлежащее, дополнение и предикат (единицы исключительно синтаксического уровня) или субъект, объект и действие (единицы исключительно семантического уровня). В отличие от этого, А.А. Холодович предлагает рассматривать соответствие между участниками обозначаемой предикатом ситуации (семантические актанты, выполняющие те или иные семантические роли – субъект, объект, инструмент и др.) и именными членами предложения (синтаксические актанты), выраженными подлежащим, дополнением, косвенным дополнением [Холодович 1979].

В своих исследованиях ученый выделяет исходные (прямые) и косвенный (производные) диатезы. В случае исходной диатезы каждый участник ситуации обозначен в предложении соответствующим ему и канонически оформленным актантом, и каждый актант (стоящий в конкретной грамматической форме) обозначает соответствующего ему участника, выполняющего в ситуации ту роль, которая стандартно выражается именно данной грамматической формой. Для косвенных диатез характерно какое-либо отклонение от этой канонической схемы.

Выстроенная теория залогов А.А. Холодовича, как отмечает Е.И. Листунова, представляет возможность увидеть полную схему допустимых соответствий между единицами синтаксического и семантического уровней [Листунова 1998: 10]. Залог, таким образом, выделяется тогда, когда в грамматической структуре языка имеются вербальные единицы, различные словоформы которых соотносятся с разными диатезами. Важно подчеркнуть, что определение залога через разграничение таких понятий как залог и диатеза, предложенное А.А. Холодовичем, позволило создать универсальную модель для описания залоговых конструкций языков мира, что, несомненно, стало новым этапом в развитии типологии языков.

Предложенный А.А. Холодовичем термин «диатеза» успешно используется в научных трудах последующих исследователей. Так, Е.Е. Корди рассматриваются предложения, в которых содержится финитный глагол (глагол первого ранга, вершинный) и зависящий от него инфинитив (глагол второго ранга) [Корди 1988: 46]. Ю.С. Степанов включает диатезы в парадигму словоизменения и/или словообразования [Степанов 1989: 134].

Важно подчеркнуть, что именно благодаря теории диатез семантический, морфологический и синтаксический уровни языка при определении залога и залоговых конструкций объединяются в единое целое. Это подтверждается и современными исследованиями. В частности, в трудах С.Д. Кацнельсона субъектно-объектные актанты представляют определенную иерархию отношений, в которой субъект как основная или исходная точка для всей системы

противопоставляется всем объектным актантам. Другая оппозиция наблюдается внутри объектных актантов: прямой объект противостоит всем остальным как «косвенным». Данный тип иерархических отношений указывает на степень связи предиката и именного члена предложения: субъект теснее связан с предикатом, чем объекты, а из объектов наиболее близок прямой объект, выражаемый единицами винительного падежа [Кацнельсон 2009: 44–48].

В рамках развития современной лингвистики появляются новые направления и подходы к изучению залоговых форм. В частности, в последние десятилетия развивается теория опимальности, появившаяся в 90-х годах XX века в фонологии после издания работы А. Принца и П. Смоленского «Optimality Theory. Constraint Interaction in Generative Grammar» (1993) [Prince, Smolensky 1993; Шмелева 2012].

Несомненно, в рамках данного исследования невозможно подробно описать все принципы и подходы к изучению категории залога и залоговых форм в лингвистике. В данном разделе особое внимание уделялось тем принципам, которые так или иначе, прямо или косвенно, нашли отражение при разработке вопросов залоговых форм удмуртского глагола. С целью системного описания основных этапов изучения удмуртского глагола, историография вопроса вынесена в отдельный раздел данной главы.

1.2. История изучения удмуртского глагола

История изучения залоговых форм глагола в удмуртском языкознании насчитывает более чем двухвековую продолжительность. Еще в конце XVIII века в «Сочинениях, принадлежащих к грамматике вотского языка» Казанского архиепископа В. Пуцек-Григоровича (1775) выделяются действительное и страдательное значения глагола. Как отмечает автор, большинство глаголов имеет действительное значение, от которого при использовании аффикса *кысь* перед ауслатом возможно образовать страдательное: *вераськысько* ‘разговариваю’. Но, по мнению исследователя, чаще всего вместо форманта страдательного значения

используется сочетание глаголов с усилительно-личными местоимениями: *монъ асьмè ацїмъ вераськò* ‘я самъ себя сказываю’, *тонъ асбтè ацїдъ вераськòдъ* ‘ты самъ себя сказываешь’, *со ассè ацїзь верà* ‘онъ самъ себя сказываеть’; *монэ, тонэ, соè вералò* ‘меня, тебя, ево сказываютъ’ или: *тонъ ушяськòдъ* ‘ты хвалишься’ [Сочиненія 1775: 53–59].

Аналогичное суждение о системе залогов удмуртского языка предложено в работе М. Могилина¹. Согласно его труду «Краткой отяцкія Грамматики опытъ» (1786), в рассматриваемом языке имеется лишь «дѣйствительное знаменованіе», посредством использования которого передается также и «страдателное»: *соїосъ монé ораскизы* ‘я от нихъ обруганъ’ или ‘они меня обругали’. По мнению автора, некоторые глаголы обладают способностью принимать как дѣйствительное (*быттискò* ‘закончить, убить’), так и страдателное знаменованія (*быдмискò* ‘окончиться, убиться’). Несмотря на это в языке имеется небольшое количество глаголов на *ско*, которые, хотя и кажутся действительными, имеют страдателное знаменованіе: *кышкатыскò* ‘пужаю кого’ [Могилинъ 1786: 164–165].

В описанных выше двух трудах используются дефиниции «действительное значение» и «страдателное значение», «дѣйствительное знаменованіе» и «страдателное знаменованіе». Это позволяет утверждать о начале зарождения терминосистемы в удмуртской лингвистике в конце XVIII века. Для обозначения базовых понятий использовались определения, принятые в русской грамматической традиции. Но не только терминологический аппарат первых грамматик удмуртского языка не соответствует современным научным подходам, но и зафиксированные примеры в ряде случаев не имеют отношения к залоговым формам. В частности, представленные в Сочиненіях 1775 года примеры

---

¹ Некоторые современные ученые подвергают сомнению авторство данного труда, и считают, что рукопись «Краткой отяцкія Грамматики опытъ» была составлена священником с. Укан Глазовского уезда Вятской провинции Казанской губернии М.А. Мышкиным (см. об этом: Чураков В. С. Об авторе и времени создания «Краткой отяцкой грамматики опыта» // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2015. № 3. С. 56–63). Однако в нашем исследовании мы будем ссылаться на источник, в котором указывается авторство М. Могилина.

вербальных единиц в качестве иллюстрации к выражению страдательного значения на самом деле представляют собой глагольные формы 1, 2, 3 лица единственного числа настоящего времени, а в работе М. Могилина – глагол в форме 3 лица единственного числа настоящего времени (*кышкасько* ‘пужаюсь’). Как отмечает В.И. Алатырев в предисловии к «Сочинениям, принадлежащим к грамматике вотского языка», страдательными также названы возвратные глаголы: *ушыны* ‘хвалить’ – *ушыськыны* ‘хвалиться’ [Алатырев 1976: 19]. Вне внимания авторов первых грамматик остались зафиксированные в тексте вербальные единицы понудительного характера: *валектетысько* ‘наставляю’, *курдатысько* ‘страшу’ [Сочинения 1775: 103–108], образованные при помощи суффикса с понудительным характером *-ты-*. Данные словоформы на сегодняшний день относятся к глаголам понудительного залога.

Большой вклад в изучение категории залога внесён зарубежными исследователями удмуртского языка. Так, например, в научном труде эстонского лингвиста Ф.Й. Видеманна «Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche» [Wiedemann 1851] в числе залоговых форм глагола выделяются актив и медиум. По мнению ученого, медиум образуется при помощи суффикса *-ськ-* и выражает различные значения: рефлексив, пассив и др. Маркер *-t-*, имеющий этимологические соответствия во всех финно-угорских языках: а) выполняет словообразовательную функцию и выражает значение эффективности, б) служит для образования переходных глаголов от непереходных, в) используется для образования глаголов от именных и наречных форм. Кроме того, в данном труде впервые упомянуты глаголы с каузативным значением, которые образуются при помощи суффикса *-т(ы)-*. Однако проблему дистрибуции этого суффикса исследователь обозначает как нерешенную [Wiedemann 1884: 115–118; 119–121].

Между тем, вербальные единицы возвратного и понудительного залогов были широко представлены в переводной христианской литературе XIX века. В частности, в «Наставлении христианского святителя Тихона на вотском языке» (1891) для обозначения форм возвратного залога использованы маркеры *-ыцк(ы)-*,

-ицк-, -чк(ы)- с глаголами I спряжения: *вордыцкем* ‘он родился, оказывается’ – литер. *вордүйськем / вордүйськемез* (*vordiškijni* ‘родиться’); *вөлдицкизке* ‘если распространился’ – литер. *вөлдүйськизке* (ср. *вөлдыцкоз* ‘распространится’ – литер. *вөлдүйськоз*) (*vRudiškinj* ‘распространяться’); *берыкчем* ‘он повернулся, оказывается’ – литер. *берыктүйськем / берытскем* (*berit'škijni, beriškijni* ‘воротиться’) [Безенова 2018: 7–8]. Глаголы II спряжения образуются с помощью маркера -цк(ы)-: *дицяцкы* ‘одевайся’ (литер. *дүйсяськыны* ‘одеться, одеваться’). Глаголы в форме понудительного залога в рукописи представлены маркерами -т(ы)-: *ужатыса* ‘заставляя работать’ (литер. *ужатыса*) [Безенова 2018: 7–8]. Аналогичные примеры можно найти и в других письменных памятниках удмуртского языка.

Таким образом, противоречивые суждения исследователей относительно категории залога в первых грамматиках удмуртского языка обусловлены прежде всего категориальной разнородностью тех семантических значений, которые объединены в грамматическую категорию залога. Кроме того, авторы первых научных исследований (кроме Ф.Й. Видеманна и Т.Г. Аминоффа) целенаправленно ориентировались на лингвистические традиции славянского языкознания, где объектом исследования являлись флективные языки, между тем удмуртский язык относится к агглютинативным языкам, соответственно, может иметь иные семантические значения залоговости.

Наиболее интенсивное изучение проблемы залогов в удмуртском языкознании относится к началу XX века. Этому периоду характерно переосмысление имеющихся результатов изучения удмуртской морфологии, в том числе и грамматических категорий глагола: происходит пересмотр как количественной стороны залоговости, так и уточнение его семантического наполнения.

Традиционно в научных трудах удмуртского языка 1920–30-х гг. представляется краткая грамматическая характеристика залога, его функциональная нагрузка и иллюстративный материал. В частности, в исследованиях П.П. Глезденева и Г.Е. Верещагина выделяется пять залоговых

форм: действительный, средний, страдательный, взаимный и возвратный [Глезденев 1921: 34–35; Верещагин 1924: 78–80]. По мнению П.П. Глезденева, глаголы действительного и среднего залогов не имеют специфического грамматического показателя залога и устанавливаются по типу дополнения: действительный залог требует прямого дополнения в виде винительного падежа (*лэсьты* ‘сделай’), средний – косвенное дополнение или совсем не имеет его (*пуксьы* ‘садись’). Как отмечает исследователь, остальные виды залогов образуются от действительного с использованием особой «частицы-приставки» *-ське-* у страдательного (*турнаськэ* ‘косится’, *араське* ‘жнётся’, *лэсьтыське* ‘делается’) и *-ськы-* у взаимного (*кыскыськы* ‘выдвигайся’, *жугыськы* ‘дерись’, *нюряськы* ‘борись, сражайся’) и возвратного (*мисьтаськы* ‘умойся’, *дйськы* ‘оденься’, *чёлтаськы* ‘запинайся’, *шуккыськы* ‘ударься’) залогов [Глезденев 1921: 34–35].

По мнению Г.Е. Верещагина, глаголы страдательного, взаимного и возвратного залогов не имеют внешних различительных признаков. В этом случае автор предлагает ориентироваться на смысловую нагрузку глагола или его свойства.

В «Руководстве к изучению вотского языка» Г.Е. Верещагина указывается, что все глаголы образуются от простых глаголов, но автором не отмечается способ их образования. Кроме того, исследователем все глагольные формы подразделяется на простые и «понудительные»: «Глаголы в вотском языке подразделяются на простые и понудительные. В простом глаголе не подразумевается появление внешнего действия со стороны; в понудительном глаголе действие совершается при помощи двух лиц, из коих одно является повелителем, другое исполнителем» [Верещагин 1924: 78]. Другим преимуществом работы Г.Е. Верещагина являются размышления ученого о единицах среднего залога, которые, с его точки зрения, можно выразить с помощью глагола *луэ* ‘становится’: *пурт ныжоме* ‘нож тупится’ – *пурт ныж луэ* ‘нож становится тупым; *шунды пиштэ* ‘солнце сияет’ – *шунды пöсь луэ* ‘солнце становится жарким’. В этом случае предикат принимается за адъектив.

Маркерами страдательного залога указаны единицы с суффиксом *-(а)мын- / -(я)мын-, -(е)мын- / -(э)мын-* [Верещагин 1924: 112].

Важно подчеркнуть, что в грамматиках исследуемого периода начинает складываться терминология на удмуртском языке. В работе «Удмурт грамматика: кык кылын – удмурт кылын, дзюч кылын» Г.Е. Верещагин предлагает использовать следующие термины для выражения глаголов понудительного значения: *косысез (косытысез) косысь кыл* ‘понудительный глагол’ [Верещагин 2002]. Важно заметить, что подобные формы удмуртский исследователь не относит к залоговым единицам. По мнению Г.Е. Верещагина, для удмуртского языка необходимо выделять 5 залогов: действительные, возвратные, взаимные, средние и страдательные, которые могут иметь следующие дефиниции: *лэсьтон сярысь веран, аслыз берытскысь, чочен лэсьтон, лэчкысь ужкыл, ас-бордаз кылжысь* [Верещагин 2002: 255]. В качестве термина «залог» удмуртский исследователь предлагает использовать дефиницию *ужкыл* ‘залог’ [Верещагин 2002: 255].

В содержании работы «Удмурт кылрад‘ян. Элементарная грамматика удмуртского языка» (1931) И.В. Яковлева, написанной на удмуртском языке, отдельный термин по отношению к грамматической категории залога не приводится, но автор выделяет функциональную нагрузку показателей *-ськ(ы)-* и *-т(ы)-*. Так, удмуртский исследователь подчеркивает собственно-возвратное (*веранэд ас вылад луэмзэ возьматэ*), взаимно-возвратное (*веранэд ваче луэмзэ возьматэ*) и дуративное (*кемагем карон*) значения суффикса *-ськ(ы)-* [Яковлев 1931: 44]. В отношении глагольных единиц с показателем *-т(ы)-* И.В. Яковлев актуализирует дву- и полисубъектность действия: а) *куд дыр‘я кароннимен муртэз ужлы кутэмез возьматонно луэ: муртэз ужа(ты)ны* ‘букв. иногда необходимо подчеркивать, что привлекается иное лицо, выполняющее действие: например, заставить работать человека’; б) *куд дыр‘я кароннимен ужлы муртэз мурт вамен кутэмез возьматонно луэ: Мон эшме ас агайзэ ужа(тыты)ны косй* ‘букв. иногда приходится подчеркивать, что действие выполняется через привлечение другого лица, призвавшего выполнить действие: например, Я

попросил друга, чтобы он заставил своего старшего брата потрудиться' [Яковлев 1931: 44].

Отличная от вышеуказанных трудов залоговая система представлена в «Грамматике вотяцкого языка» А.И. Емельянова (1927). Для исследуемого языка ученый выделяет действительный и страдательный залоги [Емельянов 1927: 64].

Что же касается понудительности и возвратности, А.И. Емельянов рассматривает их в разделе, посвященном видовым формам глагола. Так, суффикс *-išk-*, рассматриваемый в настоящее время языковедами как показатель возвратного залога, А.И. Емельяновым отнесен к суффиксам многократного вида глаголов: «суффикс *-s'k-* почти уже утратил свое значение многократного и в современном языке употребляется главным образом для образования глаголов рефлексивно-пассивных» [Емельянов 1927: 65–66]. Рефлексивное значение в данном случае выражает взаимность действия или обращение действия субъекта на самого себя. В работе также зафиксированы вербальные единицы, первоначальный смысл которых утерян: *ut'šk-* 'смотреть', *kilsk-* 'слушаться', *vöšašk-* 'молиться' [Емельянов 1927: 70]. Аналогичный подход характерен и для исследования А.И. Главатских: «значением многократности обладает суффикс *-ськ-*» [Главатских 1933: 79–84]. Что же касается каузативного *-m(ы)-*, А.И. Емельянов рассматривает его как понудительный, однако, в качестве иллюстративного материала приводит примеры образования транзитивных глаголов от интранзитивных: *vun-et-* 'забывать' [Емельянов 1927: 73]. При этом в следующем разделе исследования ученым отмечается, что понудительный глагол может выражать различные оттенки в значении, которые зависят от различных степеней его активности. Так, «воздействие или понуждение иногда бывает настолько пассивно, что его приходится понимать просто как соизволение, попустительство и не имение препятствий к осуществлению действия его непосредственным деятелем» [Емельянов 1927: 77].

Отдельного внимания требуют рассуждения исследователей этого периода о глагольных единицах с суффиксом *-m(ы)-*. Одни исследователи относят подобные формы слов к категории наклонения глагола [Глезденев 1921: 36–37, Главатских

1933: 79–84]. В частности, П. Глезденев отмечает два вида образования категории наклонения: «Если к глаголу 2 лица повелительного наклонения единственного числа прибавить частичку *-ты*, то получится особая форма, которая показывает оттенок принуждения. (Одно лицо принуждает другое лицо что-либо исполнить). Например, *вурьты, вандьты* – застав. шить, застав. резать» [Глезденев 1921: 36–37].

Идею выражения понудительных значений аффиксальными средствами развивают в своих трудах Г.Е. Верещагин и С.П. Жуйков [Верещагин 1924: 78–83; Жуйков 1937: 47]. А.И. Емельянов подчеркивает, что глаголы с суффиксом *-т(ы)-* но *-кт(ы)-* образуют категорию понудительных глаголов [Емельянов 1927: 69–74]. У П.Д. Горохова понятие «понудительные глаголы» обозначается определением «перелагающие глаголы» [Горохов 1929: 126].

Научные достижения грамматик 1920–30-х гг. были использованы в практике создания школьных учебников и школьных грамматик. Ярким примером здесь являются труды А.А. Поздеевой [1938, 1949], которая рассматривает как грамматическое выражение, так и семантическое наполнение залоговых форм удмуртского глагола. Среди вышеуказанных значений (возвратные, взаимные, страдательные) суффиксов возвратных глаголов в грамматиках А.А. Поздеевой спектр значений дополняется выражением безличности и непрерывности действия: *вакчи сезьы шуг араське (араське ‘жнется’ – возвратный глагол) – машинаен капчи араське (араське ‘жнется’ – безличный глагол)*. Исследователем отмечается, что после корневой *-рт-*, *-лт-*, *-нт-* при присоединении суффиксов возвратного залога *-ск(ы)-* и *-ськ(ы)-* ауслаутный *-т* выпадает: *шобьртій ‘укрыл’ – шобьрски ‘укрылся’* [Поздеева 1949: 139]. Несколько позднее автором указывается, что маркер *-т(ы)-* служит для образования переходных глаголов от непереходных и обозначения повелительной семантики глагольных единиц [Поздеева 1949: 156], хотя С.П. Жуйковым отрицалось наличие специального морфологического показателя транзитивных глаголов [Жуйков 1937].

Таким образом, 1920–40-е гг. в удмуртской лингвистике стали этапом поиска теоретических оснований для определения понятия залог, уточнения его структурного и семантического наполнения.

Началом нового этапа в изучении категории залога глагола в удмуртском языкознании является статья В.И. Лыткина «Понудительный залог в пермских языках» [Лыткин 1957], в котором формулируются основные критерии выделения понудительного залога, определяется содержание термина «залог». Опираясь на достижения русской лингвистической традиции, в качестве исходной терминологии ученый использует следующую дефиницию: «Залог – грамматическая категория, выражающая в форме глагола отношение действия, выраженного соответствующим глаголом, к объекту его, выраженному прямым дополнением, и к производителю этого действия» [Лыткин 1957: 93]. Более того, ученым отмечается наличие специфических маркеров обозначения понудительного и возвратного залогов глагола еще в общепермском языке: удм. *вуро* – *вурито*, к. *вуро* – *вурода*; удм. *дасяны* – *дасяськыны*, к. *лэптыны* – *лэптысьны* [Лыткин 1957].

Таким образом, В.И. Лыткин впервые выделяет в пермских языках следующие пары залоговых оппозиций: понудительный – непонудительный, возвратный – невозвратный. Глаголы понудительного залога исследователем представлены группами собственно-понудительных (образуются от непереходных и переходных глаголов, объектом действия является одушевленное лицо) и понудительно-транзитивных (образуются только от непереходных глаголов, объектом действия является неодушевленный предмет) форм. К особой группе коми исследователем отнесены случаи лексикализации понудительных форм глагола. Учитывая основную задачу статьи, В.И. Лыткиным возвратный и невозвратный залоговые конструкции подробно не освещаются.

Важно подчеркнуть, что предложенная В.И. Лыткиным систематизация глагольной категории залога стала основополагающей на более чем 60 лет развития удмуртской морфологии, хотя в некоторых трудах помимо указанной

пары залоговых форм выделяются еще страдательный и действительный залого [Алатырев 1983; ГСУЯ 1962; Каракулова, Каракулов 2001 и др.].

Описанная В.И. Лыткиным классификация залоговых отношений находит продолжение в статье Г.А. Ушакова «К вопросу о залоговых значениях глаголов» (1986). Согласно автору данной работы, основанием для дифференциации возвратного / невозвратного залога глаголов в удмуртском языке является дискретность / недискретность субъекта и объекта действия, для понудительного / непонудительного залога – степень самостоятельности субъекта действия. По мнению удмуртского ученого, противопоставление глаголов по принципу активности и пассивности субъекта в удмуртском языке допускается, но используется в текстах, составленных по аналогии с русским языком. Страдательные конструкции, относимые языковедами ранее к самостоятельным залоговым единицам, автором настоящей работы причисляются к группе семантических вариаций возвратного залога. Смысловыми значениями глаголов с показателями возвратности *-ськ-* (*-ск-*), *-иськ-* (*-йськ-*) обозначены такие виды как: собственно-возвратные, общевозвратные, активно-безобъектные, пассивно-безобъектные, взаимно-возвратные, косвенно-возвратные, возвратно-занятийные, побочно-возвратные [Ушаков 1986: 112–116].

Важное значение для изучения категории залога в удмуртском языке имеет монография коми исследователя Е.А. Цыпанова «Грамматические категории глагола в коми глаголе» [Цыпанов 2005]. Этот труд является теоретической и практической основой для изучения категории залога в удмуртском языке, который не располагает научным исследованием монографического характера по рассматриваемой проблеме.

Согласно современным исследованиям, грамматическая категория залога на сегодняшний день оказывается представленной следующими формами залоговых отношений: понудительный и непонудительный (или каузативный и некаузативный); возвратный и невозвратный (или рефлексивный и нерефлексивный) [Кондратьева 2009: 73–86].

Основным способом образования понудительного залога является суффикс *-т(ы)-* (*кошкыны* ‘уйти’ – *кошкытыны* ‘заставить уйти’). Подобным потенциалом обладает сочетание неопределенной формы глаголы с *косыны* ‘велеть’ (*лыктыны* ‘прийти’ – *лыктыны косійз* ‘велел прийти’).

Формами возвратного залога являются вербальные единицы с маркерами *-ськ(ы)-* / *-ск(ы)-*, с помощью которых актуализируются значения следующих видов глаголов [МУЯ 2011: 197–220].:

а) возвратные (субъект и объект действия совпадают): *мисьтаськыны* ‘умываться’, *дйськыны* ‘одеваться’;

б) взаимно-возвратные (субъекты-участники действия являются одновременно объектами): *чупаськыны* ‘целоваться’, *пумиськыны* ‘встретиться’;

в) средне-возвратные (глаголы, обозначающие изменения признаков субъекта по причине выполнения действия): *со возьдаськыз* ‘он постеснялся’, *мон кухня интыяськи* ‘я устроилась на кухне’;

г) страдательные (объектом действия является подлежащее, субъект неизвестен): *мунёос вузасько* ‘куклы продаются’, *книгаос лыдзисько* ‘книги читаются’;

д) автомативы [Koivisto 1995, Bartens 2000] (субъектом действия являются неодушевленный предмет или часть тела человека): *трактор котырьяське* ‘трактор объезжает’ и др.

Стоит отметить отличительную особенность удмуртских глаголов, которая выражается в их валентности передавать одновременно два залоговых содержания: например, возвратного и понудительного (*дйськытйсько* ‘заставляю одеваться’), непонудительного и действительного (*утчасько* ‘ищу’) [Каракулова 2001: 170–171]. Залоговые формы каузативного и рефлексивного форм представляют абсолютную независимость друг от друга [Кельмаков 2000: 32].

Несколько иное понимание категории залога удмуртского языка представлено в трудах современных зарубежных авторов. Так, венгерский ученый Ш. Чуч исследуемые форманты рассматривает как словообразовательные

суффиксы («Igeképzők»), где *-ськ(ы)-* (*-ск(ы)-*), *-иськ(ы)* участвует в выражении рефлексивных значений, а *-т(ы)-* реализует значение понудительности [Csúcs 1990: 60].

По мнению финского ученого Р. Бартенс, суффиксы *-ськ(ы)-*, *-т(ы)-* следует относить к словообразовательным суффиксам: *dis'as'kynu* 'pukeutua' ← *dis'any* 'pukea' [Bartens 2000: 284]. Финский исследователь подчеркивает, что указанный суффикс может также выражать пассивные значения. В этом случаях агент предложения либо отсутствует, либо выражается падежом инструктив: *Refleksiivijohtimille tyypilliseen tapaan udmurtinkin s'k-johdin voi saada passiivijohtimen funktion <...>. Passivilause on agentiton <...> Agentti on merkitty instrumentaalisijaiseksi, mutta tällaiset passiivilauseet ovat tyypillistä käännöskieltä, venäjän passiivilauseen²* [Bartens 2000: 284]. Кроме вышеуказанных значений, как подчеркивает Р. Бартенс, суффикс *-ськ(ы)-* может использоваться для выражения автомативных (*voštis'kynu* 'muuttua, vaihtua' ← *voštyny* 'vaihtaa' [Bartens 2000: 284]) и континуативных (*gožjas'kynu* 'kirjoittaa' ← *gožjany* 'kirjoittaa' [Bartens 2000: 284]) и хабитуальных (*duris'kynu* 'toimia seppänä' ← *duryny* 'takoa' [Bartens 2000: 284]) значений.

Немецкий ученый Э. Винклер исследуемые показатели рассматривает в разделе «Valenzändernde Ableitungen» («Показатели, изменяющие валентность [глаголов]») [Winkler 2011: 122]. В качестве основных функций суффикса *-ськ(ы)-* исследователь отмечает а) собственно-возвратное и взаимно-возвратное значения (*dis'as'kynu* 'sich anziehen' ← *dis'any* 'etwas anziehen'), *tyškas'kynu* 'sich (= einander prügeln') ← *tyškany* 'hacken, schlagen' [Winkler 2011: 122]; б) антикаузативная функция (antikausativ): *us'tis'kynu* 'sich öffnen' ← *us'tyny* 'etwas öffnen'); в) опущение неопределенного объекта: Bilgung des indefiniten Objekts: *s'is'kynu* 'essen', *s'iyny* 'etwas essen'. Ist das Objekt nicht genannt, aber situativ / kontextuell

² В удмуртском языке суффикс *-ськ-* может выражать типичное для рефлексивных аффиксов пассивное значение <...>. В пассивных конструкциях отсутствует указание на производителя действия <...> Производитель действия выражен с помощью падежа инструменталь. В основном пассивные конструкции используются в переводах пассивных конструкций русского языка.

present, wird das transitive Verb benutzt³ [Winkler 2011: 122]; г) выражение значений типа «виднеется», «слышится и др.: Ausdruck von 'zu sehen sein', 'zu hören sein' usw: *kylis'kyny* 'zu höre sein' ← *kylyny* 'hören'⁴ [Winkler 2011: 122].

Относительно показателя *-m(ы)*- Э. Винклер также выделяет два основных значения: а) собственно-каузативное («echte Kausativierung»): *gožtytis'ko* 'lasse schreiben' ← *gožtyny* 'etwas schreiben'); б) образование транзитивных глаголов («bloße Transitivierung»): *tupatyny* 'reparieren' ← *tupany* 'passen' [Winkler 2011: 123].

Особенностью современного этапа развития удмуртской морфологии является также интерес к вопросам этимологии [Серебренников 1963: 333–339; ОФУЯ 1976: 182; Bartens 2000, Csúcs 2005 и др.]; изучению диалектных особенностей залоговых форм глагола. Однако данные аспекты удмуртской лингвистики требуют специальных научных междисциплинарных исследований, в связи с чем мы ограничимся кратким экскурсом в историю вопроса в следующих разделах.

Таким образом, в истории изучения категории залога глагола в удмуртском языкознании можно выделить несколько периодов развития. Первоначальные упоминания залога в виде фиксации в тексте его маркеров восходят к первым грамматикам удмуртского языка. В последующих трудах исследуются теоретические и практические аспекты функционирования залоговых форм удмуртского глагола. В современных исследованиях выделяются пары каузативных и некаузативных, рефлексивных и нерефлексивных залоговых пар.

---

³ Образование неопределенного объекта: *сисъкыны* 'кушать, есть', *сыныны* 'что-нибудь есть'. Если объект не называется, но он выявляется через контекст, могут употребляться транзитивные глаголы.

⁴ Выражение значения 'виднеться', 'слышаться' и т.д.: *кылйськыны* 'слышаться' ← *кылыны* 'слышать'.

Выводы по главе 1

Основы изучения залоговых форм были заложены древнеиндийскими, древнегреческими, римскими грамматистами. Однако в отдельную категорию, обладающую лексико-грамматическими признаками, исследуемые формы впервые выделены в работе «Грамматика Славенския правильное Синтагма, потщанием многогрешного мниха Мелетия Смотрицкого» (1648). Новую точку зрения в изучение категории залога внес М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» (1755).

Исследования XIX в. характеризуются тенденцией к уточнению лексико-грамматического содержания понятия *залог* по типу отношения действия к объекту. Определенный вклад в исследование вопроса внесли А.Х. Востоков, И.П. Мучник, Г.П. Павский, Ф.И. Буслаев, Н.П. Некрасов, А.В. Попов и др.

В XX в. вопросы изучения категории залога отражены в трудах Ф.Ф. Фортунатова, С.О. Карцевского, В.К. Поржезинского, Г. Суита, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, А.А. Потебни, А.А. Шахматова, С.П. Обнорского, А.В. Бондарко, Л.Л. Буланина В.В. Виноградова и др.

Отдельного внимания требует универсально-типологическая концепция залогов и диатез, на базе которой осуществляется описание залоговых конструкций. Автором универсальной теории залога является А.А. Холодович, который впервые освещает сущность залога как морфологической категории в ее соотношении с синтаксическими и семантическими уровнями языка. Выстроенная теория представляет возможность увидеть полную схему допустимых соответствий между единицами синтаксического и семантического уровней. Данные подходы отражены и в исследованиях современных авторов.

В истории изучения категории залога в удмуртском языкознании, насчитывающей более чем двухвековую историю своего развития, выделяются три этапа:

1. Первый этап (со второй половины XVIII века по 1851-й г.) характеризуется определением терминологического аппарата залоговых форм

глагола, а также попыткой выявить их грамматическое выражение. На основе русской грамматической традиции в грамматиках удмуртского языка используются дефиниции *действительное* и *страдательное значения* (В. Пуцек-Григорович, М. Могилин), выделяются залоговые формы глагола: *актив* и *медиум* (Ф.Й. Видеманн).

2. Для второго этапа (с 1851 г. по 1957 г.) характерно более интенсивное изучение проблемы залогов в удмуртском языкознании. Пристальное внимание уделяется семантической стороне языковых явлений, а также разработке терминологии залоговых форм на удмуртском языке (Г.Е. Верещагин, И.В. Яковлев). Часть исследователей этого периода выделяют две формы залога: *действительный* и *страдательный* (А.И. Емельянов). Другими лингвистами описываются пять залоговых форм: *действительный*, *средний*, *страдательный*, *взаимный* и *возвратный* (Г.Е. Верещагин, П.П. Глезденев, А.И. Емельянов). Глагольные единицы с формантом *-т(ы)*- относятся к категории наклонения глагола (П.П. Глезденев, А.И. Главатских).

3. Началом третьего этапа (с 1957 г. по настоящее время) в изучении категории залога является труд В.И. Лыткина «Понудительный залог в пермских языках» (1957), в котором корректируется содержание термина *залог*, формулируются основные критерии выделения понудительного залога. Опираясь на достижения русской лингвистической традиции, в качестве исходной терминологии ученый использует следующую дефиницию: «Залог – грамматическая категория, выражающая в форме глагола отношение действия, выраженного соответствующим глаголом, к объекту его, выраженному прямым дополнением, и к производителю этого действия». В.И. Лыткин впервые в пермских языках выделяет следующие залоговые пары: *понудительный* – *непонудительный*, *возвратный* – *невозвратный*.

Исследования современных авторов направлены на изучение отдельных аспектов залоговых форм удмуртского глагола.

С учетом достижений финно-угорской лингвистики, в нашем диссертационном исследовании под залогом понимается категория глагола,

выражающая отношение действия к объекту и к производителю (инициатору) этого действия. Категория залога в удмуртском языке представлена бинарной оппозицией каузативных и некаузативных, рефлексивных и нерефлексивных залоговых форм, о которых речь пойдет в следующих разделах данного диссертационного исследования.

.

ГЛАВА 2. ТИПЫ КАУЗАТИВНЫХ ЗАЛОГОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ УДМУРТСКОГО ГЛАГОЛА

2.1. Категория каузативности в современном удмуртском языке

Прежде чем приступить к описанию категории каузативности в современном удмуртском языке, необходимо разграничить понятия каузальность и каузативность, которые восходят к латинскому *causa* ‘причина’ и выражают побудительное начало действий (или ситуаций).

Понятие *каузальность* восходит к философскому понятию «причинность» и обозначает необходимую генетическую связь явлений, одно из которых (причина) обуславливает другое (следствие) [НФС 1999]. Каузальность, отражая в широком смысле, отношения между причиной, условием, уступкой, целью и их следствиями, выражает семантические значения цели, основания, предлога, стимула, повода, довода, аргумента, предпосылки и др. значения. В узком смысле устанавливается связь между каузальностью и обозначением причинно-следственных отношений средствами синтаксического уровня языка (группами союзов и их фразеологическими эквивалентами) [Ахманова 1966: 193; Комаров 1970; Теремова 1985]. Вопросы изучения каузальности в языке поднимались в трудах Ю.С. Степанова [Степанов 1995: 69], Г.Х. фон Вригта [Вригт 1986: 127–128], Ш. Балли [Балли 1955: 124], М. Шибатани [Shibatani 1976: 1–2] и др.

Идея каузальной ситуации на лексическом уровне предполагает, что некоторое свойство одного субъекта стимулирует протекание изменений в другом субъекте или объекте. К примеру, в выражениях *Зубов кыысьтыз кинжалзэ уськытӱз* (Петр. 1948) ‘Зубов выронил из рук свой кинжал’ и *Васьлей агай [радио]приёмникез жӱк вылэ пуктӱз, шнурзэ борддорысь электропроводкаен герзэз но [радио]приёмниклэсь мазэ ке но берыктӱз* (Крас. 1953) ‘Дядя Васyleй поставил [радио]приёмник на стол, шнур его соединил с электропроводкой на

стене и повернул что-то на [радио]приёмнике’ активные субъекты *Зубов* и *дядя Васyleй* каузируют изменение местоположения объектов, а именно кинжала и радиоприёмника. Кинжал и радиоприёмник в данных предложениях являются объектами, претерпевшими воздействие субъектов, им соответствует статический или динамический признак падения, перемещения, изменения предмета: *кинжал усе* ‘кинжал падает’, *приёмник пуксе* ‘приёмник ставится (букв. садится)’, *мар ке берыктійське* ‘что-то поворачивается’. Так, каузальная ситуация оказывается описанной с двух сторон: со стороны действующего субъекта и со стороны испытывающего внешнее воздействие объекта.

На синтаксическом уровне к каузальным средствам принято относить условные и целевые предложения. По мнению Е.В. Евтюхина, «причинные отношения «лишены маркирующего признака» и представляют обусловленность, освобожденную от противительности, альтернативы и гипотетичности» [Евтюхин 1996: 165; Ляпон 1988: 113]. Как и в других языках, способами синтаксического обозначения каузальности в удмуртском языке могут быть сложноподчиненные предложения с придаточным причины и следствия, сложноподчиненные предложения с уступительными и придаточными предложениями, а также простые предложения с обстоятельствами каузальности, например: *Та музыкаеныд сэрен чылкак вунэти веть* (Крас. 1953) ‘Из-за этой твоей музыки совсем забыла ведь’; *Тазы вераськемъёсын сэрен көня чидано луиз уни Матвей но, кышноез но* (Петр. 1948) ‘Из-за таких разговоров сколько всего пришлось вытерпеть и Матвею, и его жене’; *Мар понна жугиськизы меда?* (Бадр. 2007) ‘Из-за чего они дрались’; *Тйни со понна Гера Пашаез серем карыны кутскиз* (Крас. 1955) ‘Вот из-за этого Гера начал смеяться над Пашей’; *Өвёл, соос понна ум юэ, малы ке шуоно, соос асьмелэн тани та чöльымы быдза но уг сыло!* (Нян. 1996) ‘Нет, пить за них не будем, потому что они и мизинца нашего не стоят’; *Катар Анналэсь Кима нырысь ик Офонен кусыпсы сярысь юалляськыны кутскиз, малы ке шуоно, соослэн куспазы маке но умойтэмез шöдйз со* [Кима] (Петр. 1983) ‘Кима в первую очередь начал спрашивать Катар Анну об их взаимоотношениях с Офоне, потому что он [Кима] почувствовал в их

отношениях что-то нехорошее'. Вышеперечисленные примеры наглядно демонстрируют причинно-следственные отношения, однако семы причиняющего или понудительного воздействия в них не наблюдается. Вследствие этого рассматривать каузальность в составе каузативного залога в системе современного удмуртского языка представляется нецелесообразным.

Каузативность, как разновидность выражения в языке отношений между инициатором и объектом (или исполнителем) действия, является одним из способов отражения объективной действительности. Ее задачей является не утверждение или отрицание фактов, выявления причинно-следственных отношений, а отражение в языке признаков побуждения к действию или изменения состояния объекта. Каузативность, таким образом, рассматривается как побуждение субъектом объекта к действию или изменение его состояния [Веливченко 1990: 7; Гоголева 1981: 66; Журавлева 2001: 44; Карпувене 1988: 69; Комаров 1970: 85; Миссюра 1952: 2; Рейдель 1971: 5; Шарифова 1982: 3], как побуждение к изменению качества (признака) [Гордон 1981: 4; Озюменко 1994: 2; Сымулов 2003: 178].

М.С. Танненцапф при помощи понятий «побуждение» и «понуждение» выделяет два вида каузации – движения и состояния. Побуждение используется в случаях, когда предмет, обозначаемый дополнением, выполняет действие, названное каузативным глаголом; понуждение – когда происходит изменение состояния предмета в виде приобретения или лишения качества [Танненцапф 2000: 3]. Каузативные глаголы в этом случае передают побудительно-понудительную семантику.

Во многих трудах понятие каузативности рассматривается в узком значении побуждения к действию [Баратян 1963: 81; Бегова 2002: 10–11; Богданов 1977: 81; Кацнельсон 2009: 87; Марузо 2004: 131; Наумова 1967: 3; Рябенко 1973: 185–186]. Как отмечает А.В. Филиппов, каузативными глаголами изображается «двудействие»: а) деятельное воздействие со стороны одного субъекта; б) действие другого субъекта, вызванное этим влиянием [Филиппов 1978: 90].

Каузативность в значении побуждения (подобно теории манипулируемости) предполагает одушевленность субъекта действия или его агентивность [Алисова 1971: 98; Бегова 2002: 10; Кацнельсон 2009: 87; Лайонз 1978: 373; Овчинникова 1986: 33; Ошева 2002: 62], что Р. Якобсон считал наиболее подходящим вариантом для переходного действия [Якобсон 1985: 144–145].

Высказанное позволяет утверждать, что каузативность выражает общее каузирование и состоит из двух и более ситуаций (или участников), связанных отношениями каузации. Именно поэтому морфологические маркеры каузативности способствуют повышению валентности глагола.

Важно подчеркнуть, что не во всех языках имеется морфологическое выражение каузативности. Это усложняет определение статуса исследуемого языкового явления. Так, к определению каузативности как функционально-семантической категории склоняются А.В. Бондарко, С.К. Бегова, Е.Я. Гордон, Т.А. Кильдибекова, С.В. Шустова и др. В частности, по мнению Е.Я. Гордон, морфологическим ядром категории являются каузативные глаголы, а периферию ядра образуют средства сложноподчиненного предложения, конструкции со служебными глаголами *заставить*, *вынудить*, *велеть* и *дать*, *позволить* с инфинитивами, комбинации других единиц контекста, например, «он велел (приказал) ему выйти» и «он сказал ему выйти» [Гордон 1981: 2–16]. В этом случае основное содержание категории строится на группировке языковых средств и единиц, объединенных на основе схожести их семантических функций [Бондарко 1987: 11].

Противоположное мнение высказано Н.П. Душиной, которая не считает каузативные глаголы обязательными элементами каузативных отношений [Душина 2004: 7]. Как отмечает автор, каузативность – это лексическая категория, семантико-различительный признак глагольной лексемы. Каузативную семантику глаголов выражают грамматические категории вида и залога глагола, которые отличают каузативные глаголы от статальных, не обладающих этими признаками, т.е. категория залога присуща только каузативным глаголам: каузативные и статальные глаголы образуют оппозицию по лексической семантике и

грамматическому выражению [Душина 2004: 10]. Причем, по мнению А.М. Аmatoва, значительная часть глаголов, традиционно причисляемых к каузативным, рассматриваются не как каузативные, а как побудительные или волитивные. Каузативное действие, рассматриваемое в качестве цели, не обязательно предполагает результат [Аматов 2000: 7].

В научной литературе представлена также точка зрения, согласно которой глагол не всегда является показателем каузативной семантики [Абросимова 1954; Долинина 1991: 336–345; Недялков 1969: 5–50]. Более того, как подчеркивает В.И. Озюменко, в русском языке категория каузативности не имеет постоянно закрепленных форм выражения, характерных для грамматической категории, категориальная семантика выражается разноуровневыми языковыми средствами [Озюменко 1994: 5]. Так, согласно онтологическому подходу, впервые описанному в научном труде В.П. Недялкова и Г.Г. Сильницкого «Типология каузативных конструкций» (1969), причинно-следственные отношения на основе соотнесенности с каузативными ситуациями образуют каузативные конструкции. Составляющими элементами каузативной ситуации являются каузирующий (движущий) и каузируемый (двигаемый) участники, связанные между собой отношением каузации, которое может быть выражено супraseгментными связками, представленными бессоюзно-сложными предложениями (*Мы уехали: пошел дождь*); и каузативными связками, представленными союзными, послеложными, именными, глагольными средствами (*Мы уехали из-за дождя; Пошел дождь, поэтому мы уехали; Дождь – причина нашего отъезда; Дождь заставил нас уехать*). Кроме этого, В.П. Недялковым и Г.Г. Сильницким в языкознание введены понятийный аппарат и схемы анализа семантико-синтаксических свойств каузативов, что широко используется в других научных работах [Аринштейн 1985а; Аринштейн 1985б; Вялкова 1985; Шарифова 1982; Хлебцова 1986 и др.].

Ю.В. Терешина в диссертации «Межкатегориальные связи каузативных конструкций» (2008) выделяет онтологический и прагматический подходы к определению семантики категории каузативности.

Онтологическое направление предполагает свойство глаголов выражать отношения между реалиями объективной действительности [Ачаповская 2006; Гречко 1986: 127; Грицютенко 1988: 82; Ковальская 1985: 5; Кузнецова 2004: 64; Листунова 1999: 140; Панасенко 2001: 117; Хлебцова 1986: 8 и др.], состоянием и причиной, которая обеспечивает протекание изменения состояния, обозначаемое каузативным действием [Baron 1974: 299]. В ряде работ помимо каузативных глаголов выделяется также каузативное значение предлогов [Пряников 2002] и сложноподчиненных предложений с придаточными причины и следствия [Шмелев 1989]. Понятие каузации связывается с каузацией локализации, владения, состояния, признака качества и действия [Золотова 1973]. Е.А. Гордон дополняет список каузацией эмоций, абстрактного и конкретного действия, сходства [Гордон 1981]. Предложенные каузации видоизменяют существующие реалии, тогда как каузации бытия, предложенной Л.Г. Ковальской, приписывается возможность создания качественно нового объекта [Ковальская 1985: 6].

Прагматический подход, в отличие от онтологического, базируется на функции, выполняемой каузативными конструкциями в речи. В данном случае каузативность рассматривается через понятие «побуждение», что может выражаться побудительными конструкциями, повелительными формами глагола и конструкциями, передающими «сообщение о побуждении» (побуждение исходит не от говорящего, а от субъекта предложения) [Веливченко 1990: 130, 188; Рябенко 1973: 185–186].

В лингвистике известна также теория, согласно которой каузатив трактуется как смысловая словообразовательная единица, которая преобразовывает глагольный корень, обозначающий процесс, в корень, который деривативно выражает одновременно и процесс, и действие [Чейф 1975: 149]: *The vase broke* ‘Ваза разбилась’ и *Kate broke the vase* ‘Катя разбила вазу’.

В научных трудах отечественных языковедов по деривационному синтаксису каузация рассматривается как семантическая деривация сказуемых, так как «в ходе деривации на каждом ритме в сказуемое вводится один и тот же

минимальный смысловой элемент – каузация» [Боронникова 2002: 196–197; Золотова 1973: 283; Храковский 1969: 146].

Сравнительно-типологическое направление в языкознании позволяет выделить также синтаксическую каузативность [Бевава 2002; Курбаназаров 1990; Эргашев 1989]. Она обнаруживается в виде двухчастных синтаксических конструкций, первая часть которых представляет собой глагол с семантическим наполнением каузации, а вторая – комплемент, выражающий терминальное положение объекта каузации. Как правило, под синтаксической каузативностью представляют конструкции со служебными каузативными глаголами, которые в английском языкознании называют «перифрастическими» [Baron 1974: 307] или «аналитическими» [Stefanowitsch 2002], однако некоторые авторы относят к синтаксическим любые глаголы с семой каузации [Бевава 2002; Храковский 1969; Эргашев 1989].

Как указывает В.Г. Гак, ряд языков обладают особым морфологическим каузативным залогом, служащим для выражения побуждения к действию или создания определенного состояния объекта. В современном русском языке такая залоговая форма отсутствует, а потому значение каузативности обозначается лексическими и синтаксическими средствами [Гак 1985: 12–14].

Для удмуртского языка, как и для многих других языков агглютинативного строя, характерен морфолого-семантический подход к определению каузативности. Так, каузативные глаголы маркируются специальным морфологическим показателем *-m(y)-*. Указанный суффикс вносит в семантику глагола сему принуждения. При этом в каузативных конструкциях может присутствовать разное количество участников каузативной ситуации. Чаще всего каузативная ситуация содержит взаимодействие двух участников, один из которых служит одушевленным инициатором действия, а второй – исполнителем в результате оказанного на него воздействия. Результат отношений должен удовлетворять инициатора действия.

Исследуя особенности категории каузативности, в финно-угорской лингвистике отдельно выделяются куративные глаголы. Так, в работах некоторых

финских и эстонских языковедов «каузативными» считаются транзитивизированные глаголы, а для глаголов, которые в российской лингвистической традиции рассматриваются как каузативные, используется наименование «куративные» [Хакулинен 1953: 249–250]: «*kuratiivi – verbin aspekti tai verbijohdos (teettoverbi), joka osoittaa kantaverbin ilmaisevan toiminnan teettämistä, esim. teettää < tehdä, rakennuttaa < rakentaa; kausatiivi – aiheutusverbi, suom. usein johdos, joka osoittaa kantaverbin ilmaisevan toiminnan aiheuttamista, esim. pyörittää < pyöriä, kadottaa < kadota*»⁵ [Hakulinen, Ojanen 1976: 83].

Как подчеркивает финский исследователь Р. Бартенс, суффикс *-m(ы)-*, при помощи которого непереходные глаголы трансформируются в разряд переходных, является каузативным в том случае, если выражается состояние человека или природы (*монэ курадзымэ* ‘меня заставляет терпеть (страдать)’); в тех случаях, когда в качестве предиката используется транзитивно-субъектный глагол, речь идет о куративных конструкциях (*лыдзытыны* ‘заставить читать’, *ужатыны* ‘заставить работать’): «Jos kantaverbi on transitiivinen agenttiivi-subjektillinen verbi, muodostuu varsinainen teettoilmaus, kuratiivi-ilmaus: udm. *vurytyny* ‘ompeuttaa’ < *vuryny* ‘ommella’. Nominatiivimuotoisen aiheuttajan lisäksi lauseeseen voidaan panna ilmi se elollinen tekijä, jonka toiminto aiheutetaan; sen sija on akkusatiivi siitä huolimatta, että kuratiivijohdoksella itsellään voi olla jo akkusatiivimuotoinen objekti⁶» [Bartens 2000: 288–289].

---

⁵ Куратив – это аспект глагола или суффикс, который указывает воздействие одного действия на другое, например, *попросить/заставить сделать* < *(с)делать*, *попросить/заставить построить* < *строить*; каузатив – причинно-следственный глагол, суффикс, который указывает на переход действия на другое действие, например, *вращать* < *вращаться*, *терять* < *потеряться*.

⁶ Если предикатом является транзитивный глагол, а субъектом одушевленное лицо, то реализуется собственно понудительная ситуация – явление куративности: удм. *вурьны* ‘шить’ > *вурьтыны* ‘заставить / просить шить’. В подобных конструкциях кроме каузатора, который выражается с помощью номинатива, присутствует еще агент, или одушевленное лицо, выполняющее действие; агент маркируется аккузативными маркерами, несмотря на то, что сам куративный глагол может присоединять еще прямые объекты, выраженные аккузативными показателями.

Термин «куративный» на данном этапе развития отечественного языкознания не нашел должного распространения и требует дополнительных исследований в плане возможности его использования в научных трудах. Ввиду этого в понятие «каузативные» мы включаем все вербальные единицы с морфологическим показателем побуждения.

Продолжая освещать вопросы терминологии, подчеркнем, что в разные периоды развития удмуртского языкознания в научных трудах для обозначения каузативного глагола использовались также термины «принудительное наклонение» [Глезденев 1921: 36], «понудительное наклонение» [Жуйков 1937: 46], «понудительный залог» [Алатырев 1983: 582; ГСУЯ 1962: 230]. Однако, как отмечает Е.А. Цыпанов, в понятии «понудительный» обязательно наличествует значение понуждения, повеления, силового воздействия каузатора на агенса с целью выполнения волеизъявления инициатора действия, что влечет опасность буквального понимания этого термина. Между тем, не все действия совершаются понуждением агента каузатором. Данное предположение коми лингвистом подтверждается иллюстративным материалом из коми языка, а также родственного марийского языка: *Васли Степанлан ворым кучыктен* 'Василий заставил Степана поймать вора' [Цыпанов 2002: 274–275].

Именно поэтому в данной работе, вслед за Е.А. Цыпановым, вместо малопригодного для международных научных описаний термина «понудительный» используется понятие «каузативный». Другим вариантом термина может служить понятие «фактитивный». Однако в узком смысле в германистике этим понятием обозначаются образованные от прилагательных глаголы. В широком значении этим термином обозначаются транзитивные глаголы с семой каузативности [Шустова 2000: 59]. Поэтому в нашем диссертационном исследовании для выражения глаголов, субъект которых (каузатор) не совпадает с реальным исполнителем действия (агентом) [Хелимский 1982: 103], будут обозначаться как каузативные глаголы. Необходимым признаком для выделения глаголов в каузативные является наличие у глагола «семы результирующего воздействия» [Shibatani 1976; Амагов 2000: 7].

Как уже отмечалось выше, показателем каузативного залога в удмуртском языке является суффикс *-т(ы)-*. Морфеме *-т(ы)-* в глаголах первого спряжения предшествует гласный основы *-ы-*, а в глаголах второго спряжения – *-а(-я-)*: *лобытыны* ‘заставить лететь’, *гожъятыны* ‘заставить писать, записывать’ [ГСУЯ 1962: 229]. Некаузативная форма глагола не снабжена специфическим суффиксом, она выделяется в сопоставлении с понудительной формой.

В некоторых говорах периферийно-южного диалекта имеются некоторые отклонения от литературной нормы по отношению к образованию форм каузативного залога. Так, с глаголами тюркского происхождения в буйско-таныпском, кукморском, бавлинском говорах с вербальными единицами тюркской этимологии используется заимствованный из татарского языка суффикс *-дыр(ы)-/-тыр(ы)-*: кукм. *аз-дъръ-нь* или *азъ-тъ-нь* ‘вызвать воспаление, воспалить’ (от *азъ-нь* ‘воспалиться, разболеться (о ране)’). Эта же морфема служит для образования понудительно-транзитивных глаголов от интранзитивных (возвратных) основ: бавл. *итлан-дыры-нь* ‘(по)мучать’ (от *итланы-нь* ‘(из)мучиться’, кукм. *эңгэн-дъръ-нь* ‘искалечить, ушибить, изувечить’ (от *эңгэн-нь* ‘калечиться, ушибиться, увечиться’) [Кельмаков 2006: 142, Насибуллин 1973: 20].

По мнению Б.Ш. Загуляевой, глаголы с понудительным значением могут быть образованы и от производных основ с аффиксом *-tir(-dir)* путем прибавления к ним исконно удмуртского *-it*: грах. *rajmittiritini* ‘заставить удивиться’ (от *rajmittirini* ‘удивить’) [Загуляева 1990: 71].

Для отдельных центральных и южных говоров, в частности, для граховских, характерно использование наряду с литературной формой *-ты* заимствованных *-тыры/-ттыры/-дыры*, что не свойственно срединным говорам, северному и бесермянскому наречиям: грах. *кэл'ыштын* ~ *кэл'ыштырын* ‘облюбовать, заставить понравиться’, *бэзытын* ~ *бэздырын* ‘отучить, отвадить’ [Атаманов 1981: 52].

Рассматривая особенности функционирования суффикса *-т(ы)-* в системе удмуртского языка, важно подчеркнуть, что не во всех случаях он обладает

формообразующим признаком. Так, с помощью суффикса *-т(ы)-* могут быть образованы переходные глаголы от непереходных [ГСУЯ 1962: 228–231]. Примеры: *улзыны* ‘ожить, воскреснуть’ – *улзытыны* ‘оживить, воскресить’, *бурмыны* ‘выздороветь, излечиться’ – *бурмытыны* ‘вылечить, исцелить’: *Чанак со ук – Коля. Со монэ бурмытйз* (Пер. 1992) ‘Как раз это он – Коля. Он меня вылечил’; *Сергей йырзэ мыкыртйз но каллен гинэ кырзан мытйз, арганзэ улзытйз* (Серг. 1988) ‘Сергей склонил голову и запел песню, воскресил (заставил ожить) свою гармонь’. Более подробно данная функциональная нагрузка будет рассмотрена в последующих разделах данного диссертационного исследования.

Также подчеркнем, что, как и в других языках, в удмуртском языке каузативное значение может выражаться синтаксическими способами. К примеру, когда каузатор и агент не совпадают, то значение понуждения может выражаться аналитическим способом при помощи конструкций *косыны, курыны* ‘заставлять, просить’ + неопределенная форма глагола: [Лиза] *Куд-огезлы соку ик кунулазы градусник донге, мукетсэ нош «а-а» шуытэ, ньылонзэ учке но кускозяз кылиськыны косэ* <...> *Кинэ но сое нош синъёссэ уллань-выллань ёсутъятэ, вёлдэтэ но выж вылэ учкыны косэ* (Самс. 1989) ‘[Лиза] некоторым ставит градусник, других же просит говорить «а-а», осматривает горло и просит раздеться до пояса <...> Кого-то заставляет глаза поднимать, просит смотреть на потолок и пол’; *Анаез туэ гужемзэ шутэтскыны косэ вал, нош Веня ваменскиз* (Крас. 1953) ‘Его мама просила отдохнуть этим летом, но Веня заупрямился’; *Но автор уг дырты геройзэ озьы гинэ чылкытэ поттыны: малпаськытэ, куректытэ, аслаз янгышьёсыз понна кыл кутыны косэ* (Вал. 2004) ‘Но автор не спешит просто так вывести начистоту своего героя: заставляет думать, переживать, понуждает отвечать за свои ошибки’; *Мукет нуналаз но директормы удмурт дйсен вуз карыны куриз* (Держ. 2014) ‘И на другой день наш директор попросил нас торговать в удмуртском наряде’; *Тазьы пукыкумы, дорам бускеле лыктйз но ёжыт шыпытгес кариськыны куриз: пиналъёсмы, пе, изё ни* (Нян. 1996) ‘Когда сидели так, ко мне пришел сосед и попросил утихомириться: наши дети, говорит, уже спят’. Однако важно подчеркнуть, что с точки зрения

результативности действия, данные аналитические конструкции не являются абсолютными синонимами глаголов каузативного залога.

Аналитический способ выражения категории каузативности находит отражение и в других финно-угорских языках, например, в финском языке. Здесь функционируют такие конструкции как *panna*, *laittaa*, *käskeä* (в значении ‘заставлять / просить кого-то что-то (с)делать’) + иллативная форма инфинитива на *-mA* и конструкция *antaa* ‘разрешать / давать возможность кому-то что-либо (с)делать’: *laittaa tuli palamaan* ‘букв. заставлять огонь гореть’, *panna lapset siivoamaan huoneensa* ‘заставлять / просить детей прибраться / (с) делать уборку в их комнате’, *antaa louhia* ‘разрешать / давать возможность разрушать / ломать что-то’ [ISK 2005: 310, 312].

Таким образом, рассматривая особенности функционирования каузативных глаголов в удмуртском языке, можно выделить их следующие особенности (см. также: [ГСУЯ 1962: 228–231]):

1. Каузативные глаголы могут быть образованы как от транзитивных, так и интранзитивных глаголов: *вурьтыны* ‘заставить шить’ (от *вурьны* ‘шить’), *кутытыны* ‘заставить поймать, держать’ (от *кутыны* ‘держаться, ловить’), *турнатыны* ‘заставить косить’ (от *турнаны* ‘косить’); – *бертытыны* ‘заставить вернуться’ (от *бертыны* ‘вернуться’), *уятыны* ‘заставить плавать’ (от *уяны* ‘плавать’), *пукытыны* ‘заставить сидеть’ (от *пукыны* ‘сидеть’) и др.: *Пальто, пöй, вурьтоно вал* (Пер. 1993) ‘Пальто, говорит, надо попросить сшить’; *Юлия Кирилловна. Бен, чанак со кутытйз та блокнотсэ: оло, Рина солэсь сюлэмзэ валаны юрттоз* (Пер. 1984) ‘Юлия Кирилловна. Да, именно она заставила взять этот блокнот: может, Рина поможет понять его сердце’; *Четкеров кышномуртэ кужмысь öз вераськыты ни* (Черн. 1993) ‘Четкеров не стал силой заставлять женщину разговаривать’.

2. Каузативные глаголы, образованные от транзитивной единицы, могут содержать указание на: а) понуждающий субъект (каузатор), б) понуждаемый субъект (агент), в) объект действия (пациент). Отношения между понуждающим и понуждаемым субъектами регулируются глагольной формой: *Вылаз басьтэм*

обязательствоэ быдэстон вылысь, Надька дас сизьым–дас тямьс сантиметр мурда гырытйз (Медв. 1959) ‘Чтобы выполнить взятое на себя обязательство, Надька понудила пахать глубиной семнадцать–восемнадцать сантиметров’.

Каузативные глаголы, образованные от непереходной основы, чаще всего, содержат указание на: а) понуждающий субъект (каузатор), б) понуждаемый субъект (агент). Указание на прямой объект отсутствует: *Зэм верало, усто кыржан адямиез серекьятэ но бёрдытэ но* (Арх. 1985) ‘Правду говорят, хорошая песня человека и смеяться, и плакать понуждает’.

3. Каузативные глаголы могут быть образованы от рефлексивных глаголов: *кесяськытыны* ‘заставить кричать’ (от *кесяськыны* ‘кричать’), *вазиськытыны* ‘заставить откликнуться, отозваться’ (от *вазиськыны* ‘откликнуться, отозваться’), *вёлдйськытыны* ‘заставить распространиться’ (от *вёлдйськыны* ‘распространиться’), *шөдйськытыны* ‘заставить догадаться, почувствовать’ (*шөдйськыны* ‘догадываться, чувствовать’) и др.: *Мишаез нош уд вала: ялан кызы ке котыръясагес вераське, сюлмысьтыз поттонтэмзэ, усьтыны дйсьтонтэмзэ шөдйськытыны турттэ* (Самс. 1979) ‘И Мишу не поймешь: постоянно говорит какими-то кругами, пытается заставить почувствовать то, что не передашь от сердца, не осмелишься раскрыть’.

4. Каузативные глаголы могут быть образованы от глаголов с формой притворного действия: *иземьяськытыны* ‘заставить притворяться спящим’ (от *иземьяськыны* ‘делать вид, что спишь’), *кыржамьяськытыны* ‘заставить делать вид, что поешь’ (от *кыржамьяськыны* ‘делать вид, что поешь’) и др.: *Одйгез пияш гитараен шудэ, кыржамьяськытэ* (Пер. 1992) ‘Один парень играет на гитаре, заставляет делать вид, что поешь’.

5. Каузативные глаголы могут быть маркированы двойными формами суффикса *-т(ы)*, что означает двойное побуждение к действию, при котором одно лицо предлагает другому вынудить (или заставить) действовать третье лицо. Каузативный глагол в этом случае образуется редуцированной морфемой: *улзтытыны* ‘попросить заставить воскреснуть’, *бурмытыны* ‘попросить заставить вылечить’ и др.: *Вася Сабитэз бускельзэ дыртытыны куриз* (Крас.

1976) ‘Вася попросил Сабита заставить его соседа поспешить’.

6. В зависимости от цели высказывания, каузативная морфема может занимать в лексеме разные позиции. В тех случаях, когда нужно выразить многократность понуждения, понудительный суффикс ставится перед суффиксом многократности: *Маша Иванэз гожъятылйиз* ‘Маша заставляла Ивана писать’ (неоднократно, периодами, несколько раз, время от времени заставляла выполнять это действие). Если целью говорящего лица является необходимость подчеркнуть однократность понуждения и многократность выполняемого действия, выраженного основой глагола, то суффикс *-т(ы)-* занимает позицию после суффикса многократности: *Маша Иванэз гожъяллятйиз* ‘Маша заставляла Ивана писать’ (заставила писать многократно, периодами, время от времени) и др.

7. Для каузативных глаголов характерно спряжение по грамматическим категориям лица, числа, наклонения и времени [ГСУЯ 1962: 228–231]: *Толэзь югытья но ужатысалзы, дыр, кёттыростэмьёс* (Самс. 1969) ‘И под лунным светом заставили бы, наверное, работать, ненасытные’.

8. Категория каузативности в составе залоговых отношений глагола обнаруживает языковые связи с другими глагольными категориями. Чаще всего исследуемая категория связана с межкатегориальными значениями каузального комплекса – причины, следствия, цели, условия, уступки [Терешина 2008: 126]. В этом случае, как отмечают исследователи, участники каузативной ситуации образуют цепи отношений, репрезентирующие детерминированность событий реальности, их взаимовоздействие и упорядоченность [Терешина 2008: 126]. Рассмотрим некоторые особенности межкатегориального взаимодействия подробнее.

Начнем с исследования взаимодействия модальности и каузативности. Инвариантной семантикой модальности традиционно считается отнесенность содержания высказывания к действительности [Золотова 1973; Лайонз 1978 и др.]. Осмысливаемая таким образом модальность распространяется на отношения субъекта высказывания к действию и отношения говорящего к достоверности содержания утверждения [Золотова 1973]. Наиболее распространенными

понятиями при такой трактовке модальности являются «объективная» и «субъективная» модальности.

На уровне объективной модальности рассматриваемые каузативные глаголы выражают, по большей части, модальное значение реальности, обозначаемое формой синтаксического наклонения и сопрягаемое со значением временной определенности: *Макар кулэм бере ог арня ортчыса, Зоя юри сельсоветэ ветлїз но Олексанэз юрт кузё шуыса гожтытїз* (Крас. 1962) ‘Через неделю после смерти Макара Зоя специально ходила в сельсовет, заставила записать Александра хозяином дома’ (*гожтытїз* ‘заставила написать’ – глагол изъявительного наклонения). Ирреально-модальное значение реализуется при употреблении конструкций в синтаксически ирреальных наклонениях (условном и повелительном): *Косыса гинэ луысал ке, мон арлы быдэ ни вайытысал* (Петр. 1987) ‘Если бы можно было только заставить, я бы каждый год просил мальчика рожать’ (*вайытысал* ‘заставил бы рожать’ – глагол условного наклонения); *Соуз пурзїз: «Куштыты!»* (Вал. 2004) ‘Тот рассердился: «Заставь бросить!»’ (*куштыты* ‘заставь бросить’ – глагол повелительного наклонения). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что категорию наклонения и каузатива сближает то, что в обоих случаях выражается семантика побуждения.

Нужно также заметить, что каузативные конструкции obligatorно реализуют модальные значения желания (достижения каузируемого терминального состояния), волеизъявления. По мнению Н.Н. Болдырева, наличие признака волитивности у каузативных глаголов подтверждается их использованием в форме императива [Болдырев 1995: 92]: *Со мында подчинённойёсид, огезлэсь мукетыз шаплы! Ужаты!* (Гавр. 1982) ‘У тебя столько подчиненных, один шустрее другого! Заставь работать!’; *Калык вуэмлэсь азьло мын, Микталэсь юрт воземзэ асьмелы гожтыты!* (Крас. 1962) ‘До прихода народа сходи, попроси написать хранение дома Микты на нас!’; *Эн узаты!* (Пер. 1992) ‘Не заставляй подстрекать’. Приведенные примеры демонстрируют ситуации, при которых императивные синтаксические конструкции не требуют ответной речевой реакции, но при этом актуализируется

прямое побуждение, предполагающее адресованного исполнителя. Семантика неуверенности, сомнения или просьбы актуализируются при использовании конструкций в форме вопроса: *Мар тон сы́че, Герей? Висиськод, оло? Малы Одотез куректытйськод?* (Петр. 1987) ‘Что с тобой, Герей? Болеешь? Зачем понуждаешь Одоть страдать?’; – *Малы нылэз чы́жектытйськод, Сергей? – Римма пала вазиз Марина* (Арх. 1984) ‘– Почему заставляешь девушку краснеть, Сергей? – обратилась Марина в сторону Риммы’.

Императивные синтаксические конструкции содержат элемент желания говорящего. При этом отличительным признаком каузативности является опосредованная каузация, в то время как императивная ситуация предполагает прямую каузацию. Основным различием также служит признак адресованности, заключающийся в том, что императив может быть как адресованным, так и неадресованным, в зависимости от того, к какому субъекту (лицу или не лицу) относится желание говорящего [Корди 1988]. Учитывая вышесказанное, нами выделены три типа каузативных ситуаций:

а) воздействующее влияние одушевленного лица на одушевленное лицо: *Поп Виссарион, кык кыныз ик вёсяськыса, милемыз оскытыны выриз* (Гавр. 3) ‘Поп Виссарион, крестясь обеими руками, пытался заставить нас поверить’; *Соин Флорез мастер интыын но бызылытэ прораб* (Самс. 1989) ‘Поэтому прораб заставлял бегать Флора и вместо мастера’;

б) воздействующее влияние неодушевленного лица (предмета, явления, события) на одушевленное лицо: *Кылем уе лэсьтэм ужды каторжникез но куалектытысал* (Петр. 1987) ‘Проделанная прошлой ночью ваша работа и каторжника понудила бы встрепенуться’; *Солэн [кочышлэн] сьод пытыез кема курадзытйз та кык адямиосты, нош нылпиоссэс, Мишаез но Паримонэз, эшьяськытйз* (Бадр. 2007) ‘Её [кошачий] темный след долго мучал (заставлял мучаться) этих двух людей, а их детей, Мишу и Паримона, подружил (заставил подружиться)’;

в) воздействующее влияние неодушевленного лица (предмета, явления, события) на неодушевленное лицо (предмет, явление, событие): *Потэм жег удэз*

шунды чужектытэ (Вал. 2004) ‘Солнце заставляет желтеть всхожую озимую’;
Гидкуазьын огназ будйсь пужым нюлэсьёсты уз улзыты (Векш. 2014) ‘Растущая
 одна во дворе сосна не оживит (не заставит ожить) леса’.

В отдельных языках присутствует также группа конструкций, для которых характерно воздействующее влияние одушевленного лица (человека, животного) на неодушевленное лицо (предмет, явление, событие) [Корди 1988]. Однако, проанализировав примеры из художественной литературы, нами не выявлены случаи использования данной конструкции.

Из перечисленных типов каузативных ситуаций ярко выраженным значением каузативности обладают каузативные конструкции воздействия одушевленного лица на одушевленное. Эти же конструкции имеют более частотное употребление.

Приведенные примеры еще раз доказывают, что значение каузации может выступать в сочетании с широким спектром субъективно-модальных значений возможности, вероятности, необходимости, долженствования, желательности, уверенности, разрешения, обещания, совета, просьбы. Значения, относящиеся к сфере отрицания, существенно расширяют круг данных значений (неуверенность, невозможность, запрет, отсутствие необходимости, нежелательность и т.п.). Но чтобы выражение несогласия пациента навязываемым побуждением к чему-либо не привело к возникновению конфликтной ситуации, адресанту (или каузатору) можно использовать средства смягчения выражения негативной реакции с помощью, например, неявного способа передачи интенции. Адресат может вывести скрытый смысл, исходя из речевой ситуации речи и общих фоновых знаний [Васильев, Ткачева 2021: 157–165].

Помимо прямого принуждения, каузативные конструкции могут употребляться и в конструкциях непрямого принуждения, актуализируемых побуждениями косвенного и скрытого типов, что находит выражение в этикетных формах директивного и оптативного побуждения: *Азьло со колхозысь кошкиз вал, али берен колхозэ пыртытыны куре* (Крас. 1976) ‘Раньше она уходила из колхоза, сейчас обратно просит заставить взять в колхоз’.

Каузативные ситуации, аналогично иным конструкциям с семантикой обусловленности, тесно переплетаются с таксисом, иначе говоря, временным отношением между происходящими в ситуации действиями (в широком смысле, включая любые значения предикатов) в рамках целостного периода времени, который охватывает значения всех элементов выражаемого в высказывании полипредикативного комплекса [Бондарко 1987: 234].

Если темпоральность рассматривать как категорию, выражающую факт понимания человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи или к иной точке отсчета [Бондарко 1990: 5], то можно заметить, что каузирующее действие вербальной единицы может иметь абсолютную темпоральную отнесенность и выражаться в плоскости прошедшего, настоящего и будущего времени, что находит отражение в использовании соответствующих морфологических маркеров временных форм: *Паримон нуназе фермаяз ужатэ, жьытсэ – дораз гур сзъятэ* (Самс. 1989) ‘Паримон днем заставляет работать на ферме, вечером – заставляет дома печь разбирать’ (*ужатэ* ‘заставляет работать’, *сзъятэ* ‘заставляет разбирать’ – глаголы настоящего времени); *Зол ужатйз* (Черн. 1996) ‘Упорно заставлял работать’ (*ужатйз* ‘заставил работать’ – глагол прошедшего времени); *Юрт котырын тросгес ужатом шат, Василий Васильевич?* (Черн. 1996) ‘Во дворе больше заставим работу, Василий Васильевич?’ (*ужатом* ‘заставим работать’ – глагол будущего времени).

Разновременность может быть выражена также лексическими и синтаксическими средствами [Гаврилова 1988]. В этом случае в качестве каузатора выступает не отдельное лицо, а ситуация, описанная первым действием. В этом контексте второе действие описывает результат первого действия, к примеру, *Ойтөд, нянь ческыт потйз-а, өз-а солы* [Лаврентьевлы], *нош кускыз шөдэм: чуказеяз ик площадка лэсьтытйз* (Самс. 1965) ‘Не знаю, показался ли ему [Лаврентьеву] хлеб вкусным, но поясница его дала о себе знать: на следующий же день заставил площадку сделать’.

Говоря о таксисе в каузативных конструкциях, важно также обратить

внимание на то, что между «действием-командой», «действием-приказом», «действием-требованием», «действием-настойчивой просьбой» и т.д. – актом каузации и тем, что следует за актом каузации (секвенцией) – проходит какой-то промежуток времени. Поэтому результат воздействия следует за действием каузативного глагола и всегда локализуется в будущем независимо от того, какому временному плану принадлежит действие глагола: настоящему, прошедшему или будущему [Пушина 2001: 122]. Подобное явление наблюдается и в каузативах, образованных аналитическим способом, выражающими речевое побуждение к совершению действия: *Автор лыдзисез ассэ малпаны косэ* (Ерм. 2016) ‘Автор просит (заставляет) читателя самого думать’; [Биктур] *мукет адямиос пыр апаезлы пось салам вераны куриз* (Нян. 1996) ‘[Биктур] через других людей попросила (заставила) передать своей сестре пламенный привет’.

Каузативный глагол, помимо выражения действия, инициированного каузатором и совершенного агенсом, способен выражать акт восприятия каузатора-источника, что легко доказывается путем трансформации, разложения высказывания на антецедент и консеквент: *Їукна ужаны мыныкуз мунчо эстыны косйз* [Васьлей], *маке пыласькем потэ, пе. Мон* [Дарья апай] *кутсаськон дорысь бызьыса-бызьыса бертійсько, усьтыр но табыр мунчо эстійсько, нош ачиз олокытчы кариськем! Пуке, дыр, контораын, пёлы зётта тамаксэ пурыса. Соос бен отысь кошкины чыдозы-а ма! Уйшор берозь но пукыны ээпсы вань* (Крас. 1953) ‘Когда уходил утром на работу, [Васьлей] попросил затопить баню, говорит, что-то сполоснуться хочет. Я [тетя Дарья] бегом возвращаюсь с молотьбы, второпях топлю баню, а сам делся куда-то! Сидит, наверное, в конторе, покуривая закрутку размером с большой палец. Разве смогут они уйти оттуда! Имеют намерение и до поздней ночи сидеть’. Заметим, во второй части данного выражения отражаются изменения действительности и передающее восприятие этих изменений как причин и следствий некоторым наблюдателем, которым в нашем случае является агенс, исполнитель просьбы. Иными словами, значение разновременности, а точнее, предшествование антецедента консеквенту, является доминирующим таксисным значением каузативных конструкций. Это

обусловлено самой природой причинно-следственных отношений, которые часто трактуются в философии и логике через временную последовательность явлений действительности.

Явления антецедентности и консеквентности позволяют выделять строгие (сильные) и нестрогие (слабые) признаки каузативных конструкций. Строгий тип характерен для ситуаций, в которых одно действие (антецедентное) строго предшествует другому действию (консеквентному): «тогда и только тогда, когда каждый момент, в который имеет место А, находится ранее каждого момента, в который происходит В» [Полянский 1987: 243]. При нестрогой разновременности в каузативной конструкции отсутствует строгая временная регламентация границ действий. В зарубежной литературе о каузативах для обозначения данных типов каузации со строгим и слабым характером были предложены термины *launch / trigger* ‘запуск’ и *entrainment* ‘захват’ *causation* соответственно [Salo 2003: 85; Stefanowitsch 2002]. Так, в ситуации *Роман Петрович нёркак потйз: кёня ке минут талэсь азьло адъём суредъёсыз куалектытйзы <...> Паймеменыз Роман Петровичлэн синкашьёсыз ик лёбак жсутскизы* (Пер. 1984) ‘Роман Петрович вздрогнул: увиденные несколько минут назад картинки вынудили испугаться <...> От удивления даже брови Романа Петровича вспушились’ антецедентом выступает первая часть ситуации. Ознакомление с каузативной конструкцией предшествующего события помогает уяснению ситуации во второй части.

Каузативные конструкции демонстрируют большое разнообразие межкатегориальных связей, одни из которых характерны для большинства консеквентных парадигматических вариантов конструкций, а другие обусловлены типом и семантикой компонента консеквента и являются специфическими лишь для отдельных видов каузативных конструкций [Терешина 2008: 126].

Несомненно, межкатегориальные связи категории каузативного залога имеют более широкий спектр. В рамках нашего исследования мы очертили лишь самые яркие проявления межкатегориальных связей. Но и они позволяют рассматривать каузативность как разновидность выражения в языке отношений между инициатором и объектом (или исполнителем) действия, которое

выражается не только с помощью каузативных маркеров, но посредством всей группы морфологических значений. Задачей каузативных форм является не утверждение или отрицание данных, а отражение в языке факта произведения действия через кого-нибудь или изменения состояния объекта. Каузативность предполагает наличие каузативного глагола, имеющего характер принудительного воздействия на объект.

2.2. К вопросу о происхождении суффикса каузативного залога *-m(ы)-*

Как уже отмечалось выше, суффикс *-m(ы)-* в удмуртском языке имеет не только залоговое значение, но еще употребляется для образования глаголов от именных частей речи (например, *вамьш* ‘шаг’ > *вамьштыны* ‘шагать’, чебер ‘красивый’ > *чебертыны* ‘украсить’ и др.), а также для образования транзитивных глаголов от интранзитивных (например, *пырыны* ‘заходить’ > *пыртыны* ‘занести’, *берганы* ‘бергатыны’ и др.). Об этих и других функциональных признаках исследуемого показателя речь пойдет в следующем разделе нашего диссертационного исследования.

Относительно происхождения формантов как каузативности, так и транзитивности в научном сообществе общепринято мнение о прафинно-угорском происхождении аффикса *-m(ы)-*. Более того, ученые подчеркивают, что финно-угорский **-t* использовался как в отглагольном, так и в отыменном словообразовании глаголов: фин. *-ta/-tä, -a/-ä, karistaa* ‘сыпать’ (ср. *karisee* ‘сыплется’); мд. *симдемс* ‘поить’ (от *симемс* ‘пить’); с. *gollete* ‘позолотить’ (от *golle* ‘золото’); к. *бурдны* ‘выздоровливать’ (от *бур* ‘хороший’) [ОФУЯ 1974: 375; Lehtisalo 1936: 298].

Первым научным трудом в отечественной лингвистике, в которой проблеме происхождения и генезиса суффикса каузатива уделено отдельное внимание, является монография Б.А. Серебренникова «Историческая морфология пермских языков» (1963). Автор работы склоняется к местоименному происхождению уральского форманта каузативного залога **-t-*. С точки зрения исследователя,

кз. *pyrtny* ‘внести’ отличалось от *pyrny* ‘входить’ первоначально использованием указательного местоимения ближнего локального плана *-ta* ‘этот’. Именно на этой основе интранзитивное *pyrny* получило транзитивное значение *pyr-t-ny* ‘вносить’. Как отмечается автором, по той причине, что активность субъекта, с которой обычно связаны переходные глаголы, часто определяется значением побуждения к действию, значение транзитивности тесно связывается со значением побудительности [Серебрянников 1963: 337]. Следует подчеркнуть, что Б.А. Серебрянников, отмечая взаимосвязь переходных глаголов со значением побуждения к действию, подчеркивает, что суффикс *-t-*, являющийся маркером понудительности или переходности глаголов, может иметь один этимологический источник [Серебрянников 1963: 337].

Другая точка зрения связана с гипотезой отыменного происхождения рассматриваемого форманта. В частности, финский ученый Т. Лехтисало, найдя параллели понудительных глаголов во многих языках, отмечает, что «некоторые лапландские каузативные глаголы типа северолапл. *duolvedit* ‘марать’, ‘пачкать’ могли содержать морфему *-nt-*, элемент *-n-* в которой выражает собой отыменный суффикс с семой «превращаться во что-либо» (цит. по: [Серебрянников 1963: 338]). Учитывая вышесказанное, Б.А. Серебрянников выдвигает еще одну гипотезу, согласно которой суффиксы *-õd* (*-õt*), *-et* пермских глаголов представляют собой переосмысление древнего аффикса многократных глаголов *-nt-*. Позиция ученого определена функционированием в коми-зырянском языке глаголов многократного действия со значением интенсивно совершающегося события: кз. *kuzõdny* ‘упорно кашлять’, «а действие, совершаемое интенсивно, могло быть переосмыслено как побуждение к действию» [Серебрянников 1963: 338].

Реконструкцию понудительного суффикса в виде **-nt-* с фонетической точки зрения предлагает и К. Редей. Свою гипотезу венгерский ученый подтверждает наличием регулярных фонетических соответствий: к. *d* (*П t*) ~ у. *t* является регулярным отражением **nt* в суффиксальных слогах [Rédei 1964: 257].

Как отмечает К.Е. Майтинская, в финно-угорских языках флексии видового и залогового значений разграничены нечетко. Так, посредством прафинно-угорского форманта **-tt-* образуются глаголы, представляющие как залоговые, так и видовые значения. К примеру, использование суффикса *-t-* в переходном (каузативном) значении: к. *тыртны* ‘наполнять’ (от *тырны* ‘наполняться’) и в повторном значении: с. *bawkotit* ‘часто стрелять’, ‘хлопать’ (от *baw'ket* ‘хлопнуть’) [ОФУЯ 1974: 360]. Подобные факты позволяют исследователю утверждать об одном этимологическом источнике суффиксов видового и залогового значений. В то же время у отдельных аффиксов определилось только одно из этих значений. Так всего лишь залоговой семантикой обладает прауральский **-β* (**-w*) [ОФУЯ 1974: 360].

В качестве маркеров каузативного залога в удмуртском языке отдельными языковедами также выделяется форманты *-ekt*, *-ukt*: *вожектыны* ‘зеленеть, стать зеленым’ (от *вож* ‘зеленый’), *сьодэжтыны* ‘почернеть, стать черным’ (от *сьод* ‘черный’) [ОФУЯ 1976], *-t-* с предшествующей конечной гласной основы *-it-*, *-it-*, *-et-*, *-at-*, *-jat*: *p̄ir-t-* ‘вводить’ (от *p̄ir-* ‘входить’); *osk-it-* ‘уверять’ (от *osk-* ‘верить’) [Емельянов 1927: 69]. Наличие предшествующих гласных основ в морфемах объясняется их неорганической этимологией и присоединением к более древней форме аффикса: *-k-* < ф.-у. **-kk-*, *-t-* < ф.-у. **-tt* [Серебрянников 1963: 339].

Итак, вопреки наличию нескольких гипотез этимологии суффикса каузативного залога в пермском языкознании, на сегодняшний день вопрос остается спорным. Исследователями отмечается близость понудительного суффикса *-m(ы)-* с маркерами переходности и многократного вида глаголов, возможность отыменного и местоименного происхождения. Но до сих пор нет точного объяснения, почему в близкородственных коми и удмуртском языках каузативные и транзитивизированные суффиксы существенно различаются. Возможное толкование этого в развитии суффиксов обоих видов в прапермский период, когда *m*-овый формант совмещал оба значения. А закрепление «конкретной грамматической семантики за ними произошло позднее, в ходе самостоятельного развития языков» [Цыпанов 2002: 280].

Указанное предположение подтверждается также тем, что даже в пермских языках функционируют два вида суффиксов. Один из них – *-öm/-öd* выступает в коми языке в качестве каузативного, а в удмуртском языке аффикс *-em* является транзитивирующим; напротив, суффикс *-m-* в коми языке выражает транзитивированность, а в удмуртском – каузативность [Цыпанов 2002: 279–280].

Несомненно, аффикс *-m(ы)-* по своему происхождению древний, на что указывает то, что он функционировал и продолжает существовать во многих финно-угорских языках: венг. *iratni* ‘заставить писать’ (от *irni* ‘писать’), хантыйск. *wetlta-* ‘заставить убить’ (от *wet-* ‘убить’) и т.д. Использование аналогичных примеров с каузативными и рефлексивными глаголами отмечается в грамматиках финского языка: *tA* (*helis-tä, karis-ta, kaunis-ta, kansa-llis-ta*), *UttA* (*ava-utta, aj-el-utta*), *ttA* (*ammu-tta, kaiva-tta*), *tU* (*palel-tu, turmel-tu*), *U* (*asett-u, kaat-u*), *UtU*, *VntU* (*ava-utu, etsi-yty*) [Karlsson 1983: 261–262].

На древнее происхождение исследуемого маркера может указывать и то, что формант каузативности примыкает непосредственно к корню и стоит перед морфологическими показателями вида, наклонения, времени и т.д. [Лыткин 1957: 113].

Интересно отметить, что каузативные глаголы с формантом *-t-* используются также в тюркских и алтайских языках: тат. *Ул мине китан укытты* ‘Он заставил (попросил) меня прочитать книгу’, узб. *У менга хат ёздирди* ‘Он заставил (попросил) меня написать письмо’. Относительно происхождения форманта каузативных глаголов в татарском языке тюркологами отмечается, что первоначальное значение маркера было словообразовательным. Затем в ходе исторического развития, выраженного качественным и количественным изменениями морфемы, на основе деривационного аффикса возникли другие показатели понудительности [Гафарова, Гайнуллина 2017: 66; Фахрутдинова 1978: 152].

На основе материального сходства понудительных формантов в языках разных семей В.М. Иллич-Свитыч суффиксы каузатива приводит в качестве одного из пунктов доказательства родства алтайских, уральских, дравидийских,

индоевропейских, картвельских и семито-хамитских языков в свете теории родства языков ностратической семьи [Цыпанов 2002: 281].

Учитывая, что вопросы этимологии требуют отдельной методики проведения междисциплинарных исследований, в данной работе мы ограничимся лишь приведением краткого экскурса в историю изучения данного вопроса. Вне сомнения лишь то, что суффикс *-m(ы)*- имеет древнее – возможно, прауральское – происхождение.

2.3. Функциональная нагрузка суффикса *-m(ы)*-

В предыдущем разделе нашего диссертационного исследования мы сделали вывод о том, что изначально **-t* обладал не только формообразующими, но и деривационными признаками. Эта тенденция сохраняется и в системе современного удмуртского языка. Поэтому очень важно разграничивать залоговый маркер *-m(ы)*- от других показателей.

Учитывая, что не во всех случаях данный аффикс может быть формообразующим, В.И. Лыткин выделял собственно-понудительные и понудительно-транзитивные формы глаголов. Отличительной чертой собственно-понудительной группы глаголов, по мнению ученого, является их возможность образования как от транзитивных, так и от интранзитивных глаголов, а также одушевленный характер объекта действия (обычно лицо): *вуриськытыны* ‘заставить заниматься шитьем’ (от *вуриськыны* ‘заниматься шитьем’) или: *аратыны* ‘заставить снять урожай’ (от *араны* ‘снимать урожай’). Характерным признаком понудительно-транзитивной формы каузативных глаголов является образование с показателями *ыт-m(д)* исключительно от непереходных глаголов и неодушевленный характер объекта (допускается одушевленность объекта при использовании глагола в переносном значении): *вырытыны* ‘двигать, шевелить’ (от *вырыны* ‘двигаться, шевелиться’) или: *дэмзытыны* ‘зацепить’ (от *дэмзыны* ‘зацепиться’) [Лыткин 1957: 99–106].

В нашем диссертационном исследовании мы предлагаем выделять

деривационные, формообразующие и контекстуально-обусловленные значения суффикса *-m(ы)*-. Рассмотрим их подробнее.

А. Деривационное значение

Данное значение исследуемого маркера реализуется глаголами, образованными чаще всего от интранзитивных основ посредством суффикса *-m(ы)*-, и выражающими воздействие прямого характера субъектом на объект с целью изменения положения или состояния последнего. В основе деления глаголов на транзитивные и интранзитивные лежит синтаксическое различие – сочетаемость или несочетаемость глагола с прямым дополнением (см. об этом подробнее: [Оллыкайнен 1955: 7]). Глаголы, не способные иметь при себе прямого дополнения, следует относить к непереходным: *вераны мае?* ‘сказать что?’ (транзитивный) и *пырыны* ‘зайти’ (интранзитивный).

В удмуртском языке, так же, как в некоторых других финно-угорских языках, в частности, в финском, и непереходные по своей природе глаголы могут иногда употребляться в предложении в переходном значении. Это явление выходит за пределы способности глагола сочетаться с так называемым внутренним объектом, подобно словосочетаниям в русском языке «горе горевать», «век вековать». Особенно часто с прямым дополнением сочетаются непереходные глаголы движения: удм. *бертонзэ бертiйз* ‘прийти пришел (букв. свой приход пришел)’, *мынонзэ мыниiз* ‘уйти ушел (букв. свой уход ушел)»; фин. *Juoksin kaikki kaupat* ‘Я обегал все магазины’.

Транзитивность и интранзитивность глагола в удмуртском языке несет грамматикализованный характер, т.е. практически от всех непереходных глаголов при помощи суффикса *-m(ы)*- можно образовать переходные: *уськытыны* ‘уронить, выпустить, вытряхнуть, завести’ (от *усьыны* ‘падать, сниматься’); *поттыны* ‘вынести, вывести’ (от *потыны* ‘выйти, вырасти’); *выдтыны* ‘уложить спать, привести из стоячего положения в лежачее’ (от *выдыны* ‘лечь, ложиться’); *сайкатыны* ‘будить, разбудить’ (от *сайканы* ‘просыпаться’): *Таня сумкаысьтыз бинет поттiйз но Костялы мычиз* (Бадр. 2007) ‘Таня достала из своей сумки

сверток и протянула его Косте»; *Зубов кыысытыз кинжалзэ уськытйз* (Петр. 1948) ‘Зубов выронил из рук кинжал’; *Мырдэм соос кыкназы Ларисаен сайкатйзы Георгиез* (Арх. 2005) ‘Они вдвоем с Ларисой кое-как разбудили Георгия’; *Катътэммем Красноперовез Неверов аслаз нар вылаз выдтйз* (Самс. 1969) ‘Обессиленного Красноперова Неверов уложил на свои нары’ и др.

Важно также разграничивать глагольные формы, которые образованы от именных основ, но образуют глагольные пары интранзитивный – транзитивный глаголы: *каньылатыны* ‘облегчить, (с)делать полегче (получше)’ < *каньыланы* ‘облегчиться, стать (становиться) легче (лучше)’ (от *каньыл* ‘легкий’); *кужмоятыны* ‘усилить, (с)делать сильным (сильнее)’ < *кужмояны* ‘усилиться, становиться, стать сильным (сильнее)’ (от *кужмо* ‘сильный’); *небзтыны* ‘смягчать, (с)делать мягким (мягче)’ < *небзыны* ‘смягчаться, размягчиться’ (от *небыт* ‘мягкий’); *вакчиятыны* ‘укоротить, (с)делать коротким (короче)’ < *вакчияны* ‘укоротиться, становиться коротким (короче)’ (от *вакчи* ‘короткий’); *пересьмытыны* ‘состарить, (с)делать старым’ < *пересьмыны* ‘состариться, стать старым (старее)’ (от *пересь* ‘старый’); *узырмытыны* ‘обогащать, (с)делать богатым (богаче)’ < *узырмыны* ‘разбогатеть, стать богатым (богаче)’ (от *узыр* ‘богатый’); *умоятыны* ‘улучшить, (с)делать лучше’ < *умояны* ‘улучшиться, стать хорошим (лучше)’ (от *умой* ‘хороший’) и др. Например, *Поръёс дорын со* [Момыш-берды] *войскозэ эшино но кужмоятйз на* (Ар-Серги 1993) ‘У марийцев он [Момыш-берды] еще более усилил свое войско’; *Чай шунтэ, вераськонъёс дыггес кыстйськись дырез вакчиятыны юртто* (Векш. 2014) ‘Чай согревает, разговоры помогают сокращать долго тянущееся время’; *Солэн дышетэм эшьёсыз трослы узырмытйзы удмурт литератураез* (Петр. 1987) ‘Его обученные друзья намного обогатили удмуртскую литературу’; *Вань та ужрадъёс колхозъёслы зеч-зеч пыдъяськыны, калыклэсь улон-вылонзэ умоятыны, ужсан дисциплинаез жутыны юрттозы* (Пер. 1992) ‘Все эти мероприятия помогут колхозам встать на ноги, улучшить жизнь народа, поднять рабочую дисциплину’; *Сюлэмзэ егит кышномуртлэсь та улон пересьмытйз* (Вал. 2004) ‘Сердце молодой женщины эта жизнь, видимо, состарила’; *Галя, тодмо пияшез адзыса, луоз, вамышьёссэ*

вакчиятӱз (Мад. 1994) ‘Галя, наверное, увидев знакомого парня, сократила свои шаги’.

Кроме случаев транзитивности – интранзитивности, исследуемый маркер *-m(ы)*- очень часто употребляется для образования глагольных форм от именных частей речи. Данное деривационное значение маркера *-m(ы)* в удмуртской лингвистике впервые было отмечено в трудах эстонского ученого Ф.Й. Видеманна: «Mit dem *t* werden auch von Nomina und Adverben Zeitwörter mit der entsprechenden Bedeutung gebildet, z.B. *kotyrtyny*, umgeben, durchwandeln, umhergehen, von *kotyr*, *kotyryn*, um, umher⁷» [Wiedemann 1851: 119–121].

Аналогичное значение можно выделить и для родственного коми языка: «в коми языке для образования глаголов от имен существительных и прилагательных употребляется суффикс *-t*: *juõr-t-ny* ‘извещать’ (от коми *juõr* ‘весть’); *kuš-t-ny* ‘оголять’ (от *kuš* ‘голый’))» [Серебренников 1963: 339].

Подчеркнем, что для образования глаголов от имен прилагательных в удмуртском языке может использоваться не только суффикс *-m(ы)*-, но и другие аффиксы. Например, о возможности вербализации прилагательных при помощи форманта *-ект(ы)*-/–*экт(ы)*- пишут в своих исследованиях финские исследователи Р. Бартенс и Т. Уотила: «udmurtin johdin muodostaa adjektiivesta translatiivisia verbejä, jotka taipuvat konjugaation mukaan (*gord* ‘punainen’ → *gordektyny* ‘punertua, tulla punaiseksi’, *šöd* ‘musta’ → *šödektyny* ‘mustua’, *kös* ‘kuiva’ → *kösektyny* ‘kuivua, kuihtua’)⁸» [Bartens 2000: 277; Uotila 1933: 287].

В удмуртском языке чаще всего вербализуются имена существительные, прилагательные, наречия и послелогии [МУЯ 2011: 247]: *ивортыны* ‘извещать, оповестить’ (от *ивор* ‘новость’), *вамыштыны* ‘шагнуть’ (от *вамыш* ‘шаг’), *чебертыны* ‘украсить, нарядить’ (от *чебер* ‘красивый, красиво’), *котыртыны*

⁷ С помощью суффикса *t* могут быть образованы глагольные формы от имен существительных и прилагательных: например, *котыртыны* ‘окружить, обойти, пойти по кругу’, от слова *котыр* ‘круг, окружность’.

⁸ Удмуртский суффикс образует транслативные глаголы от имен прилагательных (*горд* ‘красный’ → *гордэктыны* ‘покраснеть’, *сьöd* ‘черный’ → *сьödэктыны* ‘почернеть’, *кös* ‘сухой’ → *кösэктыны* ‘сохнуть, высохнуть, высыхать; побледнеть’)

‘обойти, окружить’ (от *котыр* ‘кругом, вокруг’), *эукыртыны* ‘скрипеть’ (от *эукыр* ‘звукоподр. скрип, напр. телеги, обуви, деревьев’), *сьорланьтыны* ‘отстранить, отодвинуть назад’ (от *сьорлань* ‘в обратную сторону, назад’) и др.: *Со* [комендант] *ивортйз*, *туннэ*, *пе*, *быдэым но дуно адыми лыктоз* (Арх. 2005) ‘Он [комендант] уведомил о том, что сегодня придет великий и ценный человек’; *Вераськон сяменымы котыртйськом пичигес гинэ парк кузя* (Ар-Серги 1988) ‘В ходе беседы обходим маленький парк’; *Класс шыпак пуке, кытй-отй гинэ парта эукыртэ яке бумага чаштыртэ* (Крас. 1953) ‘Класс сидит тихо, временами только парта скрипит или бумага шуршит’; *Чебер дйсьськем нылъёс но нылкышноос удмурт кырзанэн возь вылэз шулдырто* (Мад. 1994) ‘Нарядно одетые девушки и женщины украшают поле удмуртской песней’.

Формант *-т(ы)*- имеет словообразовательный характер и в тех случаях, когда он используется для выражения однократного действия: *бекырьяны* ‘опрокидывать’ (многократное действие) – *бекыртыны* ‘опрокинуть’ (однократное действие), *быдэсьяны* ‘выполнять, исполнять’ (многократное действие) – *быдэстыны* ‘выполнить, исполнить’ (однократное действие): *Мунчо бераз* [Евдоким Егоров] *одйг сюмык курытсэ бекыртэм но зеч-зеч сиськем* ‘После бани [Евдоким Егоров] опрокинул одну рюмку горячительного и хорошо поел’ (Самс. 1989); *Пальто но табере сое* [Демиез] *уг чеберты ни, курмем мугорзэ гинэ чушка кадь* (Блин. 1986) ‘Даже пальто теперь его [Деми] уже не украшает, а лишь стыдит его грязное тело’; *Купец дйсьтытэкгес быдэстйз косонэз* (Леон. 1995) ‘Купец исполнил просьбу нерешительно’.

Безусловно, рассматривать глагольные единицы с деривационным аффиксом *-т(ы)*- в качестве каузативных глаголов некорректно по той причине, что в их семантике не содержится характер прямого побуждения к действию одним лицом другого.

Б. Контекстуально-обусловленные глаголы

Особую группу глаголов составляют контекстуально-обусловленные глаголы, т.е. глаголы, понудительный или непонудительный оттенок которых определяется контекстом. Так, если в предложении с глагольными единицами действие переходит на одушевленное лицо (человека), глагол имеет каузативное значение, если же в качестве агенса действия выступает неодушевленный предмет (событие, предмет, явление), значение понуждения исчезает: «*Ойдо али ик*», – *дыртытэ со Онтонэз* (Петр., 1987) ‘«Давай сейчас же», – торопит он Онтонэ»; *Ужысь бертыку 2-тй троллейбусэ пуксьылй но дыртытылй, дыртытылй троллейбусэз* (Матв. 1995) ‘Возвращаясь с работы, сел на 2-й троллейбус и торопил, торопил троллейбус’.

Основную часть данной группы составляют глаголы, которые непосредственно связаны с выражением или изменением психофизиологического состояния человека: *Зэм, Дангырез туж шуг оскытыны* (Кедра 1929) ‘Да, Дангыра очень сложно заставить поверить’; *Вир синкылиен бёрдытоз со* [Бог] *тонэ* (Вал. 2004) ‘Кровавыми слезами заставит он [Бог] тебя плакать’; *Пень пызь кышномуртэ кизынытэ но, кызытэ но* (Вал. 2004) ‘Зола заставляет женщину и чихать, и кашлять’; *Дангырлэн ваменъяськон сямъёсыз мумызэ куректыто* (Кедра 1929) ‘Упрямство Дангыра заставляет его мать переживать’. В приведенных предложениях действие переходит на человека, поэтому глаголы имеют каузативный оттенок. В следующих же примерах сема понуждения исчезает: *Першал доры пыри но оломаин зыраз, ай-яй-яй, куректытйз, синме ик кыни* (Крас. 1976) ‘Я зашел к врачу, и он чем-то помазал, ай-яй-яй, больно было, аж глаз(а) закрыл’; *Соку ик извозчиклэн шуш куараен кесяськемез вань чалмыт котырез куалектытйз* (Блин. 1986) ‘В тот же миг страшный крик извозчика напугал тихую округу’.

Сема понуждения исчезает при использовании глагола в переносном значении. Например, в предложении *Йырыныз шоналтыса, одйгзэ егит пияшез пукон вылысь* [Андрей] *султытйз*: «*Ныллы инты сёт!*» (Крас. 1976) ‘Кивнув головой, одного молодого парня [Андрей] заставил, попросил встать с места:

«Уступи место девушке!») глагол *султытыны* ‘заставить, попросить встать’ употреблен в прямом значении выполнения физического действия, что свидетельствует о его каузативном оттенке. А в выражениях: *Милициын учётэ султытйзы* (Четк. 1996) ‘В милиции поставили на учет’ и: *Мон, ведь, будэтй, ныд йылазы султытй* (Леон. 1995) ‘Я, ведь, вырастил, на ноги поставил’ фразы *учётэ султытыны* ‘поставить на учет’ и *ныд йылаз султытыны* ‘поставить на ноги’ используются не в значениях принуждения или физического воздействия на объекты, а в образных значениях контроля, воспитания и доведения до самостоятельности. Именно поэтому данные вербальные сочетания не рассматриваются в ряду понудительных.

Таким образом, к контекстуально-обусловленным глаголам мы относим те группы глаголов, которые в зависимости от контекста имеют или каузативный, или некаузативный оттенок. Если прямое дополнение включает в себя реального исполнителя действия, каузативная сема сохраняется; если же прямой объект обозначает неодушевленное начало (явление, предмет), то у глаголов каузативная сема двусубъектности с выраженным значением понуждения исчезает.

В. Формообразующее значение

Наибольший интерес в рамках нашего исследования представляют вербальные единицы, характеризующиеся наличием в каузативной семе прямого принуждения. Суффикс *-т(ы)*- в этом случае является формообразующим, т.к. он участвует в изменении грамматического значения слова.

Как уже отмечалось выше, каузативный залог используется в удмуртском языке, когда есть необходимость обозначить то, что субъект *А* побуждает (заставляет, приглашает, допускает, дает возможность), чтобы субъект *Б* выполнил некое волеизъявление. В этом случае имеется два действующих субъекта, один из которых является носителем действия и выражается прямым дополнением (агенс), другой побуждает к этому действию (каузатор), но действие одно – побуждение к определенному действию, и выражено это действие одним словом, совмещающим в себе оба значения и по-разному связанным в

предложении со словами, обозначающими субъекты *A* и *B*. Поэтому каузативный глагол всегда транзитивен, а в качестве агенса чаще всего выступает одушевленный объект. При этом, как подчеркивает коми исследователь Е.А. Цыпанов, причинами действий агенса в каузативных конструкциях могут быть не только непосредственное понуждение каузатора, но и внутренние основания, желания агенса, его допущения и разрешения [Цыпанов 2002: 276].: [Кышное] *адзись люказ, першалэз **отъитиз*** (Самс. 1989) ‘[Моя жена] собрала свидетелей, заставила позвать врача’; *Чорыгтэк бертэменыз*, [Евдоким Егоров] *кышнозэ пельнянь **пöратэм*** (Самс. 1989) ‘Из-за того, что пришел домой без рыбы, [Евдоким Егоров] заставил жену постряпать пельмени’; Однако, имеются случаи, когда роль агенса выполняется неодушевленным предметом, что обуславливается особыми условиями микроконтекста: *Дыртыто сое* [Натаровез] *выли палась лыктись йö гурезьёс* (Арх. 1963) ‘Вынуждают, понуждают спешить его [Натарова] приближающиеся впереди ледяные горы’; *Мишалэн шуак потэм боз куараез куалектытиз* (Самс. 1979) ‘Внезапно вырвавшийся низкий голос Миши заставил вздрогнуть’.

Каузативные отношения выражаются с помощью каузативной диатезы, в которой число актантов по отношению к исходной активной диатезе увеличивается на один: *Марья серем улсын Галяез одно ик **дйсяськытиз*** (Крас. 1976) ‘Марья, подшучивая, заставила (попросила) Галю одеться’. Можно утверждать, «что в таком случае новый актант не является непосредственным агенсом процесса, хотя он, являясь инициатором действия, всегда оказывает опосредованное, но часто более эффективное, более реальное воздействие на процесс» [Теньер 1988: 273]. Иными словами, с точки зрения синтаксиса, «каузативация – частный случай акцессивности, а глагол-каузатив – частный случай акцессива» [Касевич 1988: 216].

Таким образом, каузативность в удмуртском языке представляет собой лексико-грамматическую категорию, так как обладает специальным морфологическим маркером, определенной степенью абстракции, выражает обобщенное значение «побуждение субъектом объекта к действию или

изменению состояния». В основе каузативных конструкций функционирует каузативный глагол с грамматическим показателем понудительности.

Основными элементами субъектно-объектных отношений, определяемых каузативными глаголами, служат каузатор (Ca), агенс (Ag) и пациент (Pt) или объектив (Ob). Каузативные ситуации в зависимости от микроконтекста могут быть представлены и без вышеназванных элементов. Субъектно-объектные отношения между ними регулируются каузативными глаголами с оттенками принуждающего влияния:

Каузатор (I актанта) → Агенс (II актанта) → процесс → Пациент / Объектив.

Соотношение семантики и синтаксиса для каузативных конструкций предполагает, прежде всего, что первый актанта каузативной конструкции семантически интерпретируется как каузатор [Касевич 1988: 216].

В зависимости от наличия / отсутствия актанта каузативной ситуации, в современном удмуртском языке выделяется шесть типов каузативных конструкций: однообъектно-двусубъектные, однообъектно-односубъектные, однообъектно-бессубъектные, безобъектно-двусубъектные, безобъектно-односубъектные, безобъектно-бессубъектные. В следующем разделе рассмотрим каждый из них подробнее.

2.4. Типы каузативных конструкций удмуртского глагола

В лингвистике существует большое количество классификаций каузативных конструкций, характеризующих специфику отношений между компонентами каузативной ситуации. Но так или иначе все они сводятся к определению участников каузативной ситуации. К примеру, по классификации Е.Е. Корди, типы и подтипы ситуаций устанавливаются по трем семантическим параметрам:

а) семантический подкласс имени, обозначающего субъект причинности (учитываются признаки одушевленности / неодушевленности, личности / неличности, абстрактности / конкретности), в зависимости от этого ему приписывается семантическая роль агенса или причины;

б) семантический подкласс имени, обозначающего объект причинности: если это лицо, ему приписывается роль пациента, если не лицо, оно рассматривается как собственно объект;

в) семантический подкласс глагола в позиции по признаку контролируемости, связанному с мерой сознательного участия исполнителя действия (пациенса причинности) в каузативной ситуации (цит. по: [Бессонов 2017: 44]).

Традиционно базовыми участниками каузативной ситуации являются каузатор, объект каузации, средство / способ каузации. Проблема иерархии отношений между всеми элементами ситуации практически не изучена, но языковедами принято считать, что нулевой (исходной) позицией служит сама ситуация, каузатор занимает первую ступень, объект каузации – вторую, остальным элементам присущи более высокие ступени [Шустова 2020: 130].

Прежде чем приступить к описанию основных типов каузативных залоговых конструкций, рассмотрим участников каузативной ситуации.

Субъект (каузатор, каузант) – лицо, предмет или явление, которое оказывает влияние на объект каузации. Это понятие также связывается с терминами – актор, инициатор, источник действия, активный (или агентивный) участник каузативной ситуации.

По мнению С.В. Шустовой, каузатор в каузативной структуре должен удовлетворять трем признакам агентивности: а) всегда являться одушевленным лицом (признак агентивности); б) совершать действие, вызванное волевым импульсом (признак волевости); в) волеизъявление может сопровождаться речевым актом (признак инициативности) [Шустова 2006: 100].

В.В. Богдановым предполагается, что каузатор может быть не только агенсом. На этом месте может оказаться любой элемент с функцией каузации другого объекта [Богданов 1977: 82], в том числе предметы и явления неодушевленного характера. Другими словами, между агенсом и каузативностью наблюдается нечеткая корреляция.

В рамках нашего диссертационного исследования мы считаем, что в роли каузатора в удмуртском языке может выступать как лицо, так и неодушевленный предмет, явление или событие: *Ой, Дукъянай, [тон] куалектытїд* (Загр. 1997) ‘Ох, тетя Дукья, заставила [ты] вздрогнуть’; *Кин тодэ, оло, кышкан но дыртытїз* (Арх. 2005) ‘Кто знает, может, и страх заставил спешить’. Иногда каузатор может и не быть эксплицитно выраженным в структуре предложения. Подобное находит место в неопределенно-личных и определенно-личных предложениях: *Орден басьтыны лыктэмъёсты радэн султытїзы* (Гавр. 1982) ‘Пришедших получить ордены попросили (заставили) встать в ряд’.

Выражение признака одушевленности актора в каузативной конструкции может происходить при помощи антропонима или собственного имени, одушевленного нарицательного субстантива, обозначающего лицо или зооним, собственно-личных, неопределенных, вопросительно-относительных, реже указательных местоимений: *Иосиф Алексеевич куноез мукетыз сярись вератїз* (Черн. 1993) ‘Иосиф Алексеевич вынудил гостя рассказать про другое’; *Педунь агай эктытэ* (Загр. 1997) ‘Дядя Педунь Федя заставляет танцевать’; *Анна Васильевна ачиз дыртытэ* (Арх. 1963) ‘Анна Васильевна сама вынуждает торопиться’; *Кин ке дыртытэ* (Пер. 1992) ‘Кто-то заставляет спешить’; *Только... мон азьлон ик тодытїсько – Ёапук йыркурзэ берыктыны турттэ татын* (Медв. 1934) ‘Только... я заранее сообщаю (понуждаю знать) – Ёапук пытается здесь злобствовать’; *Соос машинаез дугдытыны косо* (Крас. 1976) ‘Они просят остановить (заставить остановиться) машину’.

Позицию неодушевленного каузатора способны заполнить следующие языковые средства: исчисляемый и неисчисляемый, неопределенный и отрицательный, отглагольный субстантивы: *Камашевлы со [сир зын] вордскем гуртсэ, егит дырзэ тодаз вайытїз* (Гавр. 1982) ‘Камашева это [запах смолы] заставило вспомнить его родную деревню, свою молодость’; *Погратозяз бызьытэ со [тарантас] чут Офонез ворттїсь вал сьёры* (Петр. 1987) ‘До изнеможения заставляет он [тарантас] бежать хромящего Офона за скачущим конем’. Кроме того, возможно использование инструментивов, когда субстантив

представляет сему «часть тела» (синекдоха) или предмет, являющийся орудием совершения акта каузации (метонимия); элементов, характеризующих значение природного производителя каузации. Хотя существует мнение, согласно которому, если субъектом каузации выступает природное явление или концепты неантропонимического свойства, возможность каузативной конструкции исключается. В этом случае актуализируются признаки произвольного и непроизвольного действий, т.е. фиксируется каузальность [Кацнельсон 2009: 85–86; Шустова 2020: 76].

Фундаментальное отличие между одушевленными и неодушевленными объектами состоит в том, что первые обладают собственным поведением и не нуждаются во внешнем движущем факторе; вторые, напротив, нуждаются.

Следующим актантом каузативной ситуации служит агенс (агентив) – активный участник ситуации, производящий действие, навязанное каузатором или инициатором, и осуществляющий контроль над ситуацией. По Т.М. Иевлевой, сема понудительности утрачивается и глагол воспринимается как просто транзитивный при условии выражения объекта действия неодушевленным объектом [Иевлева 1984: 124]. В.И. Лыткиным подобные вербальные единицы отнесены к понудительно-транзитивной группе каузативных глаголов [Лыткин 1957: 104].

Как показывают примеры из художественной литературы, в удмуртском языке в качестве агенса могут выступать не только одушевленные существительные (хотя в преобладающем большинстве случаев именно они являются агенсом), но и неодушевленные предметы. Последнее объясняется созданием такого художественного тропа как олицетворение: *Тӧл сына голык пистуосты Эктытэ усем чуж куаръёсты* (Вас. 1995) ‘Ветер расчесывает голые деревья, заставляет танцевать опавшие желтые листья’; *Вань та пыкльонъёс [Ӝапыклэсь] йырвизьзэ нӧсектыто* (Медв. 1934) ‘Все эти упреки заставляют гореть разум [Ӝапыка]’.

Разновидностями объекта каузации, т.е. лица, предмета или явления, выступающего в роли носителя состояния, пациентивного участника каузативной

ситуации, пациенса (пациенс – семантический падеж, обозначающий сущность, с которой случилось нечто или которая испытывает некоторое воздействие), производителя действия или агенса являются Пациенс или Объектив. Пациенс – объект воздействия, представленный одушевленным существом, Объектив – неодушевленным веществом. Эти два актанта являются пассивными участниками каузативной конструкции, форма которых подвергается изменениям.

В мордовских языках довольно распространено функционирование в качестве объекта Экспериенсива. Экспериенсив не контролирует и не производит действие, он находится в нем, испытывая различные чувства, переживания, эмоции. Другими словами, деятельность Экспериенсива чаще направлена не на внешний объект, а на самого себя. Иницирующей силой здесь выступает Перцептив. Это объектный актант, который вызывает чувственную, эмоциональную, психологическую реакцию Экспериенсива [Siirinen 2001: 31]. Семантическому наполнению каузативных глаголов соответствует сема чувственного восприятия, ощущения, переживания, психического, эмоционального и ментального действия [Мосина, Чинаева 2014: 62].

В современном удмуртском языке имеются единичные случаи выражения изменений чувственно-эмоционального характера: *Со [нянь] ик, самой со ик сюрмаськытэ Платоноваез* (Самс. 1979) ‘Это же [хлеб, урожай], именно это заставляет переживать (волнует) Платонову’; *Кызыы но өз туртты Яшка сое серекъятыны* (Гавр. 1986) ‘Как только не старался Яшка заставить ее смеяться’. Но случаи использования в каузативной семе единиц с модальным значением представляют немногочисленное количество для актуализации в нашем исследовании.

Объект каузации, который подвергается воздействию субъекта, в удмуртском языке чаще выражается номинативом в форме аккумулятива или падежом прямого объекта. Как отмечает В.А. Плунгян, семантическая роль прямого объекта выражается в роли пациенса или пассивного участника ситуации», подвергающегося изменениям в ходе не контролируемых им внешних воздействий [Плунгян 2003: 165]. Семантическая роль пациенса в ситуации

определяется семантикой соответствующего предиката [Кондратьева 2010: 76]. В одних случаях этот падеж не имеет грамматических показателей и не отличается от номинатива (*у Kno усьтытыны* ‘попросить открыть окно’, *õс тийятыны* ‘попросить сломать дверь’), в других случаях он оформляется аффиксами *-эз (-ез)* в единственном числе (*у Knoез усьтытыны* ‘попросить открыть окно’, *õсэз тийятыны* ‘попросить сломать дверь’), *-ыз, -ты* во множественном числе (*у Knoосты / у Knoосыз усьтытыны* ‘попросить открыть окна’, *õсъясты / õсъясыз тийятыны* ‘попросить сломать двери’). Использование грамматических показателей аккузатива объясняется стремлением говорящих обозначить конкретный или определенный объект. Значение прямого объекта может также содержать показатель аккузатива, выраженный сложением лично-притяжательного суффикса и форманта аккузатива [Вахрушев, Яшина 1980: 39]: *тушсэ мычытйз* ‘(он) попросил побрить (свою) бороду’.

А.П. Комаров отмечает, что объект действия остается активным исполнителем на протяжении всей ситуации, в то время как субъект действия только инициирует это действие [Комаров 1970: 85]. Такой тип отношений, по А. Стефановичу, обозначается как манипулирование [Stefanowitsch 2002].

Нельзя оставить без внимания ситуации, в которых номинативы в форме аккузатива указывают на перемены, которым подвергся объект действия в результате протекания этого действия. В зарубежном финно-угроведении данное явление рассматривается как объект-результатив: «*Patientti, tilan muutoksen läpikävijä, on myös TULOS-objekti, jonka tarkoite tulee verbin tarkoitaman toiminnan ansiosta olemaan⁹*» [ISK 2005: 885]. В подобных предложениях могут функционировать два логических объекта, где O1 – это объект, на который направлено действие, O2 – объект-результатив: *Нош тодйськод-а, малы та Вало шурмес (O1) Вало (O2) шуиллям?* (Клаб. 1983) ‘А знаешь ли ты, почему эту нашу речку Вало называли Вало?’. Надо заметить, что O1 всегда имеет грамматический

---

⁹ Пациенс, или объект, который подвергается изменению, это также и объект-результатив, основной функцией которого является выражение изменения действия.

показатель аккузатива, O2 не имеет. Подобные конструкции используются с глаголами интеллектуальной деятельности человека, а потому мы не можем рассматривать их в качестве источника каузативной ситуации.

Исходя из того, что морфологический каузатив реализуется в определенных синтаксических конструкциях, выражающих конкретные соответствия между участниками ситуации, в удмуртском языке выделяются различные типы таких соответствий между единицами синтаксического и логико-семантического уровней. К примеру, в «Морфологии удмуртского языка» (2011) на основе наличия / отсутствия элементов каузативной ситуации выделяются восемь типов конструкций [МУЯ 2011].

В нашей работе, опираясь на лингвистические данные, извлеченные из Национального корпуса удмуртского языка, мы выделили 6 типов каузативных залоговых конструкций удмуртского глагола.

1. Однообъектно-двусубъектные конструкции. Данный тип характерен для тех случаев, когда в каузативной конструкции отмечается опосредованное двусубъектное действие. Первый актанта, выраженный подлежащим, побуждает к выполнению действия второй актанта, выраженный прямым дополнением. Диатеза возникает, когда каузативный глагол образуется от транзитивных основ. Глаголы, образованные от переходных основ, становятся вдвойне переходными. Синтаксическая конструкция двубъектно-двусубъектного значения состоит из каузатора (Ca), агенса (Ag) и одушевленного пациенса (Pt) или неодушевленного объектива (Ob):

– **Ca** → **Ag** (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты) → **Pt** (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты, -ø): *Солэн [ко́чышлэн] сьод пытьыез <...> Мишаез (Ag) но Паримонэз (Pt), эшъяськытйз* (Бадр. 2007) ‘Её [кошачий] темный след <...> Мишу и Паримона заставил подружиться’; *Картэз (Ca) ни сое [Камаеваез] (Ag) кызьы но озьы сьолворем, аслаз фамилиеязя гожтытэм Мариназэ (Pt)* (Вал. 2004) ‘Ее муж и так, и сяк упрашивал ее [Камаеву], заставил записать Марину под своей фамилией’;

– **Ca** → **Ag** (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты) → **Ob** (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты, -ø): *Корреспондент татын көлэ, шуо, Петухов (Ca) сое [корреспондентэз]*

куноя, луоз, милемыз (Ag) выж (Ob) лэсьтымэ (Самс. 1989) ‘Говорят, корреспондент здесь ночует, наверное, Петухов его [корреспондента] угощает, а нас заставляет строить мост’; Субботае Евдоким Егоров (Ca) чукна ик кышнозэ (Ag) мунчо (Ob) эстытэм, берпумзэ, пе, югытэн гань-гань пыроно (Самс. 1989) ‘В субботу утром Евдоким Егоров попросил свою жену затопить баню, мол, в последний раз в баню надо сходить днем, никуда не спеша’; Макара уж дурьсы бертэм бере, Зоя (Ca) сое [Макарез] (Ag) колодча борды жильыен замок (Ob) поньтйз (Крас. 1976) ‘Когда Макара пришел с работы, Зоя попросила его [Макара] повесить на колодец замок с цепью’; Мон шодисько, выны, тон (Ca) монэ (Ag) созэ (Ob) но, тазэ (Ob) но вератыны турттйськод (Петр. 1985) ‘Я чувствую, брат мой, что ты хочешь заставить меня сказать и то, и другое’; Погоди, ваньми ке, мон (Ca) тонэ (Ag) Марафонской бег (Ob) лэсьтыто (Петр. 1948В) ‘Погоди, я, если смогу, заставлю тебя Марафонский бег организовать’.

Формы прямого и косвенного объекта в двубъектных конструкциях в удмуртском языке выражаются формами аккузатива [Лыткин 1957: 102], например: Со кужым (Ca) Ондйез (Ag) интыысьтымз лопкытоз но небыт жадемзэ (Ob) вунэтытоз (Медв. 1934) ‘Эта сила поднимет Андрея с места и заставит забыть слабую усталость’.

Надо заметить, что в удмуртском языке более часто употребляется конструкция с неодушевленным объективом, что объясняется отсутствием физической возможности сопротивления совершающемуся воздействию. При одушевленном пациенсе влияние агенса, инициированное каузатором, было бы затруднено. Как показывают примеры, прямой и косвенный объекты обозначаются субстантивами в формах субъектно-объектных падежей.

2. Однообъектно-односубъектное значение используется в каузативных конструкциях, где присутствуют всего два элемента ситуации:

– **Ca** → **Pt** (или **Ob**) (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты, -ø): Соослэсь [трактористьёслэсь] кылзйськыса, Ушаков (Ca) правленын куинь куреглы требование (Ob) гожтытйз (Крас. 1976) ‘Послушав их [трактористов], Ушаков

на правлении попросил написать требование на три курицы»; *Малы тыныд* (Ca) *сочинение* (Ob) *гожстыноно вал?* (Бадр. 2007) ‘Зачем тебе надо было заставлять написать сочинение?’; *Мон* (Ca) *аслам йырсиелэсь тыныд парик* (Ob) *лэсьтыто, ёош пластической операции ветлом...* (Нян. 1996) ‘Я попрошу сделать тебе парик из своих волос, на пластическую операцию вместе пойдем’. В данных выражениях, несмотря на отсутствие эксплицитно выраженного исполнителя действия, вербальная единица подразумевает наличие двух действующих лиц: каузатора и реального исполнителя действия.

– **Ag** (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты) → **Pt** (или **Ob**) (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты, -ø): *Чаг* (Ob) *тйни дышетскисьёсыз* (Ag) *нуллытйзы* (Черн. 1996) ‘Щепки вот заставили носить учеников’; *Председатель азын ас лулзэ утён понна ик тйни монэ* (Ag) *бумага* (Ob) *гожстытйз* (Самс. 1965) ‘Перед председателем, чтобы спасти свою душу, заставил меня бумагу написать’.

Агенс действия не отмечается намеренно, или предполагается обращение ко всем присутствующим в контексте: *Кин* (Ca) *выжез* (Ob) *кесятйз?* (Самс. 1989) ‘Кто заставил разобрать мост?’.

3. Однообъектно-бессубъектное значение характерно предложениям, в которых отсутствуют инициатор и исполнитель действия. Каузативная конструкция представляется одним объектом, подвергающимся внешнему воздействию, и образованным от транзитивной основы каузативным глаголом:

– **Pt** (или **Ob**) (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты, -ø): *Шайгу* (Ob) *гудытйзы* (Арх. 1963) ‘Заставили выкопать яму’; *Ойтөд, нянь ческыт потйз-а, өз-а солы* [Лаврентьевлы], *нош кускыз шөдэм: ёуказез ик площадка* (Ob) *лэсьтытйз* (Самс. 1965) ‘Не знаю, показался ли ему [Лаврентьеву] хлеб вкусным, но поясница его дала о себе знать: на следующий же день заставил площадку сделать’; *Ньылетй классысен экзаменын ог вить-куать чурьем гинэ диктант* (Ob) *гожстытйзы* (Черн. 1983) ‘На экзамене на четвертом классе заставили написать диктант объемом лишь в пять-шесть строк’; *Ёуказе нунал сярись* (Ob) *мед малпаськытоз* (Самс. 1965) ‘Пусть заставит думать о завтрашнем дне’.

4. Безобъектно-двусубъектное значение понудительного глагола

выражается при условии образования каузатива от интранзитивной основы. Морфема *-т(ы)-* выполняет двойную функцию, изменяя исходную интранзитивную основу глагола на транзитивную и наделяя ее каузативной семьей:

– **Са** → **Аг** (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты): *Оло тон* (Са), *нылдэ* (Аг), *Мукулчинлы вöсяськытод?* (Загр. 2004) ‘Может, ты заставишь свою дочь молиться Мукулчину?’; *Марья* (Са) *серем улсын Галяез* (Аг) *одно ик дйсяськытйз* (Крас. 1976) ‘Марья, подшучивая, заставила Галю одеться’; *Тоня* (Са) *сое* [Устиньяез] (Аг) *кунултыса султытйз*, *валес дораз нуиз* (Самс. 1965) ‘Тоня, взяв ее [Устинью] под руку, заставила ее встать, проводила до постели’; *Малы-о со* (Са) *калмезьёслэн Мусторзылы Ватка ожчиосмес* (Аг) *йыбырттытйз?* (Зах. 2000) ‘Почему он заставил воинов Ватка поклониться Богу калмезов?’; *Кабак вина бере кумышкаез жюземзы* (Са) *черклэн алтарь пушказ юись калыкез* (Аг) *шузимытйз* (Кедра 1929) ‘Употребление кумышки после водки заставило сойти с ума (довело до безумия) пьющий внутри алтаря народ’.

5. Безобъектно-односубъектное значение. В предложениях этого типа используется каузативный глагол, образованный от транзитивной единицы. Ни каузатор, ни пациент (или объектив) не называются, они восстанавливаются лишь из контекста:

– **Аг** (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты): *Егит пиез* (Аг) *одно ик витьытозы* (Вал. 2004) ‘Молодого парня обязательно заставят ждать’; *Сое* (Аг) *пианино шудэм улсын выльысь кыржэатйзы, эктытйзы, этюд возьматыны куризы* (Черн. 1983) ‘Его снова заставили спеть и станцевать под игру на пианино, попросили показать этюд’; *Оло семьяё мурт карыса, оло кызбы ке сямен кемалы люкиськемзэс шөдйськыса, сое* [Игнатий Ильичез] (Аг) *армие нырысьсэ кошкись муртэ кадь келязы, юртысь юртэ пыртаса, кыктой юмишатйзы* (Черн. 1989) ‘То ли оттого, что он семейный человек, то ли почувствовали предстоящую долгую разлуку, его [Игнатия Ильича] проводили так, как провожают человека, впервые уходящего в армию, заставили, заходя из одного дома в другой, танцевать два дня’; *Кинэ ке* (Аг) *лыдзыто-ай* (Гавр. 1982) ‘ Попрошу-ка кого-нибудь

прочитать’.

Названная конструкция чаще всего встречается в обобщенно-личных и неопределенно-личных предложениях: *Пие, тазы-а тонэ (Ag) ужато?* (Четк. 1996) ‘Сынок, так тебя работать заставляют?’; *Валэз кадь ужатйзы монэ (Ag), тон адыми мед луод шуыса (Ар-Серги 1988)* ‘Заставили меня работать как лошадь, говоря, чтобы я стал человеком’.

– **Са:** *Оля (Са) валаса озы вандытэм: солэн кадь кизер йырсиез пунэтэн уг нулло (Дан. 1991)* ‘Оля осознанно попросила так постричь: такие жидкие волосы, как у нее, в косички не заплетают’; *Анай луон (Са) сыче сюлмаськытйз, оло (Панф. 2008)* ‘Может, материнство заставило так волноваться’. Из содержания реплики: – *Мын ини, мын пуксы, Олексан, – дыртытйз Параска (Са) (Крас. 1976)* ‘– Иди уже, иди садись, Александр, – ускорила (заставила поторопиться) Прасковья’ очевидно, что агенсом действия служит персонаж Александр, хотя автором указывается только инициатор действия.

6. Безобъектно-бессубъектное значение. Все актанты в данных каузативных конструкциях отсутствуют, т.е. в предложении нет ни каузатора, ни агенса, ни пациенса (или объектива). Морфологическое содержание глагола с формантом *-т(ы)-* и ситуативный контекст служат подсказкой в предположении недостающих участников ситуации: *Чик чыдэтскытэк, пеймытысь пеймытозь ужатыса, уйин пытсэтын көлато (Кон. 1990)* ‘Совершенно не давая отдохнуть, заставляя работать от темна до темна, заставляют ночевать взаперти’; *Сюдены дорынлэсь зечгес судо, пыд йылысь усьымон уг ужато кадь (Четк. 1996)* ‘Кормят лучше, чем дома, кажется, работать до изнеможения не заставляют’; *Вот, шайтан басьтон, нош ик курадзйтоз ни, – малпаз Сидор ас понназ (Бадр. 2007)* ‘Вот, черт побери, снова заставит мучаться, – подумал Сидор про себя’; *Уг дыртыто, каньылля, мон вуэмъя гинэ сётъяло (Крас. 1991)* ‘Не торопят (не заставляют спешить), дают постепенно, по моей успеваемости’.

Таким образом, в конструкциях, где некоторые актанты опущены, их можно определить по грамматическим показателям единиц предложения, по глагольным

маркерам или в целом по рассматриваемому контексту. В частности, в выражении *Ревизор (Са) фонарикме (Об) куштытйз – тазалыкед ляб, шутэтскы, пе, фронтовик* (Самс. 1989) ‘Ревизор заставил выбросить мой фонарик – здоровье у тебя слабое, отдохни, мол, фронтовик’, на исполнителя действия указывает формант аккузатива *-е-* и показатель первого лица *-м-* в лексеме *фонарик-м-е* ‘мой фонарик’.

Агенс в предложении: *Тауз валантэм висёнлы кельше: я бёрдытэ, я кырзатэ* (ВД 1989) ‘Это похоже на неизвестную болезнь: то плакать заставляет, то петь’ – формально не выражен. Но о его наличии и форме представления можно предположить, ознакомившись с отрывком произведения Н. Байтерякова «Куинь кызыпуос улын» ‘Под тремя березами’ (1980), из которого взято выражение: «*Вань на угось егит дыр яратон но. Тауз валантэм висёнлы кельше: я бёрдытэ, я кырзатэ. Бугыртэ со вань мылкыдэз, сутэ сюлэмез, кытйяз бырон калэ но вуттэ*» ‘Есть ведь еще и юношеская любовь. Это похоже на неизвестную болезнь: то плакать заставляет, то петь. Вздурораживает она всю душу, обжигает сердце, иногда и до смерти доводит’.

В современных финно-угорских языках использование удвоенного аккузатива в каузативно-куративных конструкциях, по мнению Т. Микола, – не очень распространенное явление. Кроме как для удмуртского, тенденция к выражению агенса формой винительного падежа характерна лишь для некоторых саамских языков [Mikola 1995: 257]. В большинстве языков агенс имеет тенденцию к оформлению дательным падежом: к. *Me kiskeda pin' doctorly* ‘Я заставил / попросил вырвать зуб зубного врача’ [Bartens 2000: 146]. В некоторых языках функциональная нагрузка выражения агенса каузативных конструкций может перекладываться на инструменталь (например, в венгерском) либо на послеложные конструкции (в мордовских языках).

В текстах художественных произведений также часто используется каузативная конструкция, выраженная безличным глаголом каузативного залога или инфинитивом с суффиксом *-оно/-ёно*: *Нош кызы соосыз (Ag) ужатоно?* (Черн. 1989) ‘А как их заставить работать?’; *Сортировкаез (Об) бергатытоно*

вылэм, кӱйыз ӧжытак куашкасал, дыр (Крас. 1991) ‘Сортировку надо было попросить крутить, может быть, жира меньше стало бы’; *Выль лыктэм адямиез* (Аг) *эктытоно, нылъёс* (Крас. 1991) ‘Вновь пришедшего человека нужно попросить станцевать, девочки’.

Конструкции с каузативными глаголами функционируют во всех функциональных стилях языка, в литературных текстах, разговорно-бытовой речи, фольклорных и научных материалах, средствах массовой информации, текстах религиозного характера: *Кышнодэ эктыты, ой, урومه, кышнодэ эктыты, ой, урومه. Али гинэ эктытсал но, Чильнам айшетэз ӧвӧл* (Ялыке 1984) ‘Попроси жену (свою) станцевать, ой да, мой дружок, Попроси жену (свою) станцевать, ой да, мой дружок. Сейчас же попросил бы станцевать, да только нет у нее фартука с кружевом’; *Малы, учы, тон чирдӱськод, Сюлэмез бӧрзӱтӱськод?* (Калык кырзанысь) ‘Почему, соловушка, ты поешь, заставляешь сердце плакать?’; *Кышкатскем пудо уллӱез сямен, номырин дугдытыны уд быгаты ни вырзӱем корьӱсты* (Лям. 1976) ‘Как не остановить испугавшееся стадо, так не остановить уже освободившийся от затора плот’; *Курадзӱонъёс вуон нуналэ Со монэ вӧсяськон тылысаз пегзӱтысал уго, Аслаз улон интыяз монэ ватысал, из гурезьлэн йылаз монэ жӱутысал* (Псалт. 1999) ‘В день бедствия Он укрыл бы меня в скинии своей (заставил бы укрыться), спрятал бы меня в потаенном месте селения Своего, вознес бы меня на скалу’.

Каузативные глаголы также зафиксированы в текстах письменных памятников XIX–XX вв.: *Уальлӱн-ик со Христосӱз урсӱн жугытӱм* (Зак. Бож. 1912) ‘Он заранее заставил избить Христа плеткой’; *эй Иньмаре ас кужыменыд милдемыз Аслыд оскыты, мылкыдмес но дугдыты вал* (Ӝеч кыльӱс 1891) ‘Ой, Господи, своей силой заставь нас поверить в себя (в тебя), освятил бы наши души’ и др.

Несмотря на то, что все три элемента каузативной ситуации обычно располагаются в порядке Са–Аг–Pt (Об), в зависимости от темы и ремы выражения и в результате трансформаций порядок следования компонентов модели может изменяться. Они могут быть расположены, например, инверсией,

Ag–Ca–Pt (Ob): *Панихида лэсьтыны лыктэм поpez (Ag) бускельёс (Ca) гуртазы молебн (Ob) лэсьтытйзы* (Кедра 1929) ‘Пришедшего провести панихиду поpa соседя заставяли провести в деревне молебн’; *Тонэ (Ag) нокин (Ca) но уг дыртыты*, – *ини лякытэн вазиз председатель* (Пер. 1992) ‘Тебя никто и не заставляяет спешить, – уже вежливо сказал председатель’.

Указанные выше типы каузативных залоговых конструкций в художественной литературе представлены неравномерно (см. Таблицу 1). Максимальной дистрибутивной нагрузкой обладают безобъектно-двусубъектные конструкции (30,1%), на втором месте находятся безобъектно-односубъектные конструкции (20%), минимально представлены безобъектно-бессубъектные конструкции (10,3%) и однообъектно-двусубъектные конструкции (8,3%).

Таблица 1.

Частотность использования каузативных конструкций удмуртского глагола

Типы каузативных конструкций	Г. Медведев «Кыйкар бамын» (1934), (ед.)	Г. Красильнико в «Вуж юрт» (1976), (ед.)	Г. Перевошиков «Йыбыртты музейемлы» (1992), (ед.)	Общее количество (ед. / %)
Однообъектно-двусубъектное значение:	12	5	7	24 (8,3%)
а) Ca → Ag → Pt	4	2	4	10 (3,5%)
б) Ca → Ag → Ob	8	3	3	14 (4,8%)
Однообъектно-односубъектное значение:	21	16	13	50 (17,4%)
а) Ca → Pt (или Ob)	18	12	11	41 (14,3%)
б) Ag → Pt (или Ob)	3	4	2	9 (3,1%)
Однообъектно-бессубъектное	9	12	19	40 (13,9%)

Типы каузативных конструкций	Г. Медведев «Кыйкар бамын» (1934), (ед.)	Г. Красильнико в «Вуж юрт» (1976), (ед.)	Г. Перевошиков «Йыбыртты музеймлы» (1992), (ед.)	Общее количество (ед. / %)
значение: а) Pt (или Ob)	9	12	19	
Безобъектно-двусубъектное значение: а) Ca → Ag	37	23	27	87 (30,1%)
Безобъектно-односубъектное значение: а) Ag б) Ca	22	17	19	58 (20,0%) 31 (10,7%) 27 (9,3%)
Безобъектно-бессубъектное значение	9	7	14	30 (10,3%)
	110	80	99	289

На основе количественных подсчетов, отраженных в Таблице 1, можно сделать вывод, что каузативные конструкции в удмуртском языке в целом имеют невысокую плотность. Это, по-видимому, связано с интралингвистическими факторами языка. Важно также подчеркнуть, что в лексикографических трудах представлено примерно равное соотношение каузативных и рефлексивных глаголов. Так, в составе «Удмуртско-русского словаря» (2008) содержится около 729 вербальных единиц каузативного, что составляет 1,5 % от общего количества словарных статей словаря, и 863 единиц рефлексивного залога, что составляет 1,7 %. Данная тенденция позволяет утверждать, что маркеры каузативного залога обладают реляционным потенциалом, несмотря на это, в активной речи носителей удмуртского языка являются не очень продуктивными.

Выводы по главе 2

Категория каузативности представляет собой одну из сложных аспектов изучения лингвистики. В отечественной лингвистике она являлась предметом изучения в рамках различных подходов и направлений: логического (Н.Д. Арутюнова); функционального (Г.А. Золотова, Т.А. Кильдибекова, М.Ю. Селиванова и др.); онтологического (В.П. Недялков, Г.Г. Сильницкий и др.); лексико-грамматического (Е.Я. Гордон, Т.А. Кильдибекова, А.П. Чудинов, А.В. Филиппов, Н.П. Душина и др.); лексико-семантического (М.С. Танненцапф); сравнительно-типологического (Э.А. Галнайтите, Т.А. Абросимова, М.М. Булынина, М.Г. Сымулов и др.).

Несмотря на то, что каузативность в отечественном языкознании предполагает выражение разноуровневыми языковыми средствами (синтаксическими, лексическими и др.) с семой причинного воздействия, наиболее распространенным способом является выражение при помощи каузативных глаголов, что характерно и для удмуртского языка.

Категория каузативности в удмуртском языкознании выражается глаголами с формантом каузатива *-m(ы)*-. Большинство финно-угроведов происхождения данного форманта возводят к прафинно-угорскому периоду развития языка.

С точки зрения функциональной нагрузки, исследуемый аффикс может выражать: а) деривационное значение; б) реляционное значение; в) имеются также примеры, в которых функциональная нагрузка суффикса *-m(ы)*- обусловлена контекстом.

В качестве особенностей функционирования категории каузативного залога в удмуртском языке можно назвать следующие: возможность образования от транзитивных и интранзитивных, рефлексивных основ, единиц с формантами категории притворного действия; возможность выражать двойную форму понудительности при помощи редупликации каузативных морфем.

Участниками каузативных конструкций удмуртского глагола являются: каузатор (инициатор действия), агенс (актант, который подвергается

принуждению), перцептив (одушевленный объект воздействия), объектив (неодушевленный объект воздействия). Отношения участников каузативной ситуации определяются каузативным глаголом. В зависимости от наличия / отсутствия участников каузативной ситуации в современном удмуртском языке выделяется шесть типов каузативных конструкций: однообъектно-двусубъектное, однообъектно-односубъектное, однообъектно-бессубъектное, безобъектно-двусубъектное, безобъектно-односубъектное, безобъектно-бессубъектное значения.

Категория каузативного залога в удмуртском языке имеет межкатегориальные связи с такими категориями, как темпоральность, аспектуальность, модальность, что выражается в использовании различных областей языкового оформления каузативной ситуации.

ГЛАВА 3. ТИПЫ РЕФЛЕКСИВНЫХ ЗАЛОГОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ УДМУРТСКОГО ГЛАГОЛА

3.1. Категория рефлексивности в современном удмуртском языке

Традиционно под рефлексивностью в лингвистике понимается тип субъектно-объектных отношений, выражающих различные отношения действий к его субъекту или объекту. Начальная и конечная точка данных событий замыкается в самом субъекте и выполняется в его собственных интересах. Средством выражения рефлексивности служат рефлексивные глаголы, содержащие грамматический показатель рефлексивности.

В лингвистике выделяются несколько подходов к определению рефлексивности и рефлексивных глаголов – традиционный (залоговый), деривационный, семантический.

Традиционный подход характеризуется рассмотрением семантических подзначений рефлексивных глаголов в качестве отдельных залоговых форм глагола, например, в оппозиции действительный и страдательный, средний или медиопассивный залогов. Так, залоговые формы пассива представляют собой интранзитивные конструкции, но отличаются они субъектами действия. Агенса в пассиве подразумевается или принимается к глаголу в качестве инструмента, субъект-инициатор среднего залога исключается [James 2010: 39–53]:

- а) *Менеджер открывает двери* (актив);
- б) *Двери открываются* (медий или пассив);
- в) *Двери открываются менеджером* (пассив).

В рассмотренных выражениях временная характеристика глаголов ограничена настоящим временем. А между тем, автором отмечается, что в языкознании функционируют примеры, в которых рефлексивный формант

используется с глаголами совершенного вида в медиопассивном и страдательном залоге [James 2010: 39–53]:

- а) *Публика быстро раскупила книгу* (действительный залог);
- б) *Книга быстро раскупилась* (медиопассивный / страдательный залог);
- в) *Книга быстро раскупилась публикой* (страдательный залог).

Так, сочетание двух форм залогов в одном выражении приводит к двусмысленности. И подобные примеры широко используются в русской речи.

Сторонниками деривационного подхода (среди которых можно назвать Н.А. Янко-Триницкую, А. Israeli и др.) рефлексивные глаголы подразделяются на группы в соответствии со значением выражаемого маркера. Словообразовательное содержание глагола складывается из семантики основы и форманта возвратности глагола: например, в русском: *мыть* (себя) – *мыться* (собственно-возвратное), *пудрить* (лицо) – *пудриться* (посессивно-рефлексивное), *поднимать* (кого-то) – *подниматься* (автокаузативное) [Israeli 1997: 39]. Использование аффикса рефлексивности с определенным значением (рефлексивное, пассивное, среднее) в зависимости от контекста описывается большинством современных ученых.

Синтез указанных выше подходов характерен для исследований, в которых рефлексивные глаголы рассматриваются в призме семантического подхода. В частности, С. Кеммер называет средний залог (медий) универсальной категорией, объединяющей в себе все классы рефлексивных глаголов в разных языках. Общей формальной категорией для глаголов с поясняющим местоимением, по мнению исследователей, служит медиопассив [Kemmer 1993: 45–46].

Учитывая многообразие подходов к изучению залоговых форм, современные исследователи обратили внимание и на совершенствование терминологического аппарата. В частности, А. Израэли сужает условия использования терминов «рефлексивный» и «возвратный» глаголы. Так, исследователем понятие «рефлексивный глагол» используется только для обозначения собственно-рефлексивных (т.е. возвратных) глаголов [Israeli 1997:

48], что разграничивает глаголы с истинно рефлексивным содержанием от других единиц.

В традициях пермской лингвистики рефлексивность также рассматривается как действие, возвращающееся на субъект (подлежащее), который является в то же время и логическим объектом (дополнение) этого действия. Логические субъект и объект глагольного действия при этом могут совпадать в одном представлении. Иначе говоря, в рамках такого подхода «рефлексивными признаются все глагольные единицы, которые поддаются толкованию через основу глагола и сему себя (одеваться = одевать себя). Рефлексивный смысл глагола передается т.о. через однореферентность двух окружающих его семантических актантов, т.е. субъекта и объекта действия. Иными словами, один референт (участник описываемой ситуации) соответствует субъекту и объекту действия, т.е. актанты однореферентны [Писарева 2020: 24].

В литературном удмуртском языке глаголы рефлексивного залога образуются при помощи аффиксов *-ск(ы)- / -ськ(ы)-, -иськ(ы)- / -йськ(ы)-* [МУЯ 2011: 211], которые присоединяются к основе транзитивных глаголов, напр.: *дасяны* ‘готовить’ (транз.) – *дасяськыны* ‘готовиться’ (интранз.), *вурьны* ‘шить’ (транз.) – *вуриськыны* ‘заниматься шитьем’ (интранз.), *чүшыны* ‘вытереть’ (транз.) – *чүшиськыны* ‘вытереться’ (интранз.), *матэктыны* ‘приблизить’ (транз.) – *матэктйськыны* ‘приблизиться’ (интранз.) и др. Глаголы интранзитивного залога не имеют специальных показателей и выражаются нулевой морфемой.

Как и в случае с другими языками, рефлексивные глаголы удмуртского языка способствуют понижению синтаксической валентности, проявляющееся как в опущении актанта (*дйськыны* ‘одеваться’), так и в понижении его статуса (*изъёсын лэзьськыны* ‘кидаться камнями’). О возможности в содержании рефлексива совмещения актантом рефлексивной конструкции нескольких семантических ролей см. также труды Н. Герритсена [Gerritsen 1990: 5] и М.А. Шелякина [Шелякин 1991: 317].

Залоговые суффиксы рефлексивных глаголов имеют ряд особенностей функционирования в диалектном членении удмуртского языка. Так, суффикс

рефлекси́ва соответствует литературному варианту в сочетании с согласной основы *-ты-(ны)* в буйско-таныпском, татышлинском и красноуфимском говорах удмуртского языка: бт. *дышэт-ис'кы-ны* (удм. лит. *дышетскыны*) 'учиться, обучаться' (от *дышэты-ны* 'учить, обучать'); татш. *кут-ис'къ-нъ* (удм. лит. *кутскыны*) 'взяться, схватиться' (от *кутъ-нъ* 'поймать, схватить'); куф. *доҗис"кънъ* (удм. лит. *донгиськыны*) 'столкнуться' (от *доҗгънъ* 'столкнуть'), *алдас"кънъ* (удм. лит. *алдаськыны*) 'обманывать' (от *алданъ* 'обмануть') [Насибуллин 1978: 105, 113] и др. Сохранение данного аффикса наблюдается также в отдельных диалектах (кукморский говор, некоторые южные говоры), однако при этом отмечается выпадение конечного *-т(ы)* основы, напр.: кукм. *дышэ-с'къ-нъ* (но: *дышэть-нъ*) 'учиться, научиться', юж. (отдельные населенные пункты Алнашского р-на УР): *дышэ-с'кы-ны* (но: *дышэты-ны*) [Кельмаков 2006: 141].

В диалектах северного ареала конечная гласная *-ы-* основы инфинитива глаголов I спряжения с финальным *-ты* перед аффиксом *-с'к-*, если при этом не возникает труднопроизносимое сочетание согласных, выпадает. Нередко утрачивается и согласный *т* основы. Маркер возвратного залога при этом теряет свою палатальность, в результате чего *-с'к(ы)-* преобразуется в *-ск(ы)-*: сч. нч. *вутскыны*, вч. *вутскын* (< *вуттис'кыны*) 'успеть, успевать'; сч. нч. *с'отскыны*, вч. *с'отскын* (< *с'отис'кыны*) 'сдаться, покориться' [Карпова 2018: 335].

Другими диалектными корреспонденциями суффиксов рефлекси́ва *-ск(ы)-*, *-ськ(ы)-* являются следующие:

-чк(ъ) < *с'* в кырыкмасских, граховских говорах: кыр. *ку-чкъ-нъ* (от *кутъ-нъ* 'начать') (удм. лит. *кутскыны* 'начать'), грах. *дышэ-чк-и* (от *дышэ-чкы-ны*, ср. *дышэты-ны*) 'я выучился' [Атаманов 1981: 69]. В качестве исключения в верхнечепецких говорах: вч. *да-чкы-н* (от *дас'а-с'кы-н* 'готовиться') (удм. лит. *дасяськыны* 'готовиться'). При освоении заимствованных из русского языка возвратных глаголов в верхнеижских говорах: виж. *инт'эрэсова-чкы-ны* (удм. лит. *интересоваться карыны*) 'интересоваться', *договори-чкы-ны*

(удм. лит. *договориться карыны*) ‘договориться’, *бри-чкы-ны* ((удм. лит. *бриться карыны*) ‘бриться’; среднеижском диалекте (Завьяловский, часть Малопургинского р-на) и нылгинском говоре (южная часть Увинского р-на, частично Можгинский р-н): сриж. *расписачкыны* (удм. лит. *расписаться карыны*) ‘расписаться’, нылг. *окл'эмачкыны* (удм. лит. *оклематься карыны*) ‘оклематься’, сч. *завочкънь* (удм. лит. *заводиться карыны*) ‘завестись’ [Кельмаков 2006: 141]. Подтверждает это и Р.Ш. Насибуллин: «использование диалектного рефлексивного аффикса *-чк-* характерно при фонетико-морфологической адаптации русских возвратных глаголов» [ДА 2015: 99]. Бесермянскому наречию характерны фонетические варианты маркера рефлексивности *-чък(ъ)*, *-чик*, *-зык*: *ку-чък-ил'л'ам* (основа: *кут-*; удм. лит. *кут-йськ-ил'л'ам*, *кут-ск-ил'л'ам*) ‘они начали, оказывается’; *вэл-зык-ил'л'ам* (основа: *вэлд-*; удм. лит. *вёлд-йськ-иллям*) ‘они распространились’; *бэрик-чик-о* (основа: *бэръкт-*; удм. лит. *берыкт-йськ-о*) ‘оборачиваются’ [Кельмаков 2003: 127; Люкина 2016: 125].

-скы (с утратой *t*) в говорах на территории Малопургинского и Вавожского районов: сред. *дышэ-скы-ны* ‘учиться’ (удм. лит. *дышетскыны*) и др. [Кельмаков 2006: 141].

-к(ы)- (при сохранении корневого *t* или спорадическом изменении его в *к*) на большой территории срединных говоров Шарканского, Увинского, Селтинского, Завьяловского районов: *ват-кы-ны* ‘(с)прятаться’ (от *ваты-ны* ‘с(прятать)’), *ворт-кы-ны* ‘родиться’ (от *ворды-ны* ‘родить’), *вёлк-кы-ны* ‘распространяться’ (от *вёлды-ны* ‘расстелить, распространяться’), *питырк-кы-ны* ‘скатиться’ (от *питырты-ны* ‘скатать’). Важно отметить, что если перед формантом рефлексива стоит гласный звук, то никаких изменений не происходит.

-скы- с глагольными основами I спряжения с финальным *-ты* во многих северных говорах: сев. *дышэт-скы-ны* ‘учиться’ (от *дышэты-ны* ‘учить’, удм. лит. *дышет-скы-ны*), сев. *кут-скы-ны* ‘начать, взяться’ (от *куты-ны* ‘взять’, удм. лит. *кут-скы-ны*) и др.

-цкы- в некоторых говорах среднечепецкого диалекта: сч. *жсамырцкыны* (от *жабърскънъ*) ‘вцепиться, цепко схватиться’, сч. *вал'эцкънъ* (от *вал'ъс'кънъ*) ‘стлать, стелить постель’ и др.

Залоговые суффиксы рефлексивных глаголов имеют ряд особенностей в сочетании с основами на финальный согласный. Если перед финальным консонантом основы стоят *р, л, н*, происходит выпадение конечного звука *т* основы: *позыртыны* ‘скрутить’ – *позырскыны* ‘скрутиться’, *озёлтыны* ‘отодвинуть подальше’ – *озёлскыны* ‘отодвинуться подальше’, *паллянтыны* ‘отодвинуть влево’ – *паллянскыны* ‘отодвинуться влево’.

Спорадически данное явление встречается также в отдельных говорах северного диалектного ареала, в частности, в глазовском говоре среднечепецкого диалекта и в кезском говоре верхнечепецкого диалекта: сч.: гл. *дачкыны*, вч.: кез. *дачкын* (ср. *дас'ас'кыны*) ‘готовиться’. Причинами возникновения указанных форм в глазовском и кезском говоре, по мнению Л.Л. Карповой, может быть переселение группы удмуртского населения с территории центральной Удмуртии, в частности, с бассейна Кильмези в данный ареал [Карпова 2018: 335–336].

Рассматривая залоговые формы удмуртского глагола, невозможно оставить в стороне их возможность вступать в межкатегориальные связи с другими глагольными категориями. Характер данных отношений характеризуется «сильными» и «слабыми» связями. Как показывают результаты лингвистических данных, наиболее «сильными» связями категории вида считаются взаимодействие категории вида и залога. Именно поэтому суффиксы *-ск(ы)- / -ськ(ы)-, -иськ(ы)- / -йськ(ы)-* могут занимать в слове различную позицию, напр. в позиции перед аффиксом многократности глагола и после него: *сапта-ськы-л-ыны* и *сапта-ля-ськ-ыны* ‘пачкаться’. Маркер сохраняется и в других отглагольных формах, единицах других частей речи, образованных от возвратных глаголов: *Редакторъёсын кенешыны люкасцькылыкузы, тусын но укыр олома ой вал ни кадь* (Пер. 1984) ‘Когда собирались с редакторами посовещаться, и видом вроде не отличался’. Как видно из приведенного примера, препозиция видового маркера по отношению к рефлексивному маркеру позволяет

подчеркнуть многократное действие. Имеются также примеры, когда значение повторяющегося действия включается имплицитно уже в саму семантику глагольной формы: *Мертаса вузаськиськом, лыдьяса басьтйськом* (Арх. 1984) ‘Продаем, взвешивая, берем, считая’. Более подробно о «сильных» связях категории залога и вида в других языках можно посмотреть в трудах А.В. Бондарко [Бондарко 1976: 13–14], Н.И. Пушиной [Пушина 2000: 66] и др. Также подчеркнем, что Р.О. Якобсон отмечает у категорий залога и вида совместимость с любыми другими глагольными категориями [Якобсон 1972: 108].

Исследуя особенности межкатегориальных связей залоговых и видовых форм удмуртского языка важно подчеркнуть и то, что отдельные ученые этимологию возвратного суффикса *-ск(ы)- / -ськ(ы)-, -иськ(ы)- / -йськ(ы)-* возводят к прафинно-угорскому суффиксу многократного вида (см. об этом в следующем разделе). Это еще раз доказывает наличие залоговых и видовых связей.

Залоговые формы удмуртского рефлексива тесно связаны также с глагольным таксисом. Важно подчеркнуть, что уже в значение самого суффикса возвратности имплицитно может включаться значение продолженного действия: *Кöня уй чик уг көл ни тол куазь: пужьятске, чильпаське, керттйське* (Нян. 2016) ‘Сколько ночей не спит уже зима: вышивает, вяжет кружева, занимается рукоделием’. Не случайно ряд финно-угроведов отмечает возможности возникновения рефлексивных суффиксов от суффикса с первоначальным значением длительного, континуативного действия [Fokos-Fuchs 1913–1914: 120, 128]. О возникновении суффиксов удм. *-śk-* и к. *-ś* от одного праисточника с первоначальной семантикой длительности действия пишет в своих трудах и эстонский ученый Ф.Й. Видеманн [Wiedemann 1884: 85–86].

Глаголы рефлексивного залога вступают в межкатегориальные связи с временными формами глагола. Так, совершающееся до момента речи действие обозначается формой очевидно прошедшего времени: *Матвеев койка вылысь жьутйськиз, Световидов азе султйз* (Крас. 1991) ‘Матвеев поднялся с кровати, встал перед Световидовым’. Неочевидное прошедшее время рефлексивных залогов передает сообщения о действиях, имевших место в прошлом, и о фактах,

очевидцем и участником которых говорящий не был: *Уть ай, чанак соин адями ёвёл но кышнояськем ук!* (Пер. 1984) ‘Смотри-ка, именно поэтому человек, оказывается, и не женился’. Высокая плотность форм неочевидного прошедшего времени характерна для фольклорных текстов, например удмуртских народных сказок: *Одйг крестьян базаре мыныны дасяськем* ‘Один крестьянин приготовился пойти на базар’; *Вумуртлэсь со коньдон куриськоно кариськем* ‘Решился он попросить денег у Водяного’; *Одйг пол Италмас ас ёзо нылъёсын Эмезян, пе, мынэм кыдёкысь нюлэскы. Нырысьсэ ваче син пумиськем со отын Тодымтэ съөр пиен эмезё куак пёлын* (Петр. 1984) ‘Однажды Италмас со своими сверстницами пошла, говорят, пошла в дальний лес по малину. Впервые там среди кустов малины встретила она глазами с незнакомым парнем из соседних краев’.

Модальные значения намерения, попытки, желания, стремления к действию передаются вспомогательными глаголами рефлексивного залога *кариськыны, ёдьяськыны, дасяськыны* ‘решиться’: *Кызьы ке ми сузэреным дэра куоно кариським* (Черн. 1996) ‘Как-то решились мы с младшей сестрой соткать полотно’; *Ваньзэ куштыса, дорад пегзыны ёдьясько ни вал* (Пер. 1984) ‘Решилась уже, бросив все, сбежать к вам’; *Соку ук валэктыны дасяськы* (Бадр. 2007) ‘Тогда же приготовься объясниться’.

Императив рефлексивных глаголов наполнен семантикой совета, утешения: *Шудэд тонэ алдаз ке, Эн чигиськы, эн бёрды <...> Секыт нунал лыктйз ке, Чидатйськы, оскиськы* (Оки 1978) ‘Если судьба тебя обманет, Не сломайся, не плачь <...> Если наступит тяжелый день, Потерпи, доверься’.

Помимо наличия специальных грамматических маркеров, рефлексивные глаголы обладают рядом семантических значений. В разных языках эти семантические значения могут быть различными.

В научной литературе представлены различные лексико-семантические группы рефлексивных глаголов. В частности, для русского языка учеными выделяются следующие семантико-словообразовательные разряды рефлексивных глаголов, представляющих различные отношения действий к его субъекту или объекту: 1) собственно-возвратные; 2) косвенно-возвратные; 3) общевозвратные;

4) взаимновозвратные; 5) потенциально-активные; 6) возвратные глаголы качественно-характеризующего значения [Жеребило 2010: 62].

В научной литературе можно обнаружить и другие классификации рефлексивных глаголов: рефлексивные (собственно-возвратные), реципрокные, медиальные (средне- или общевозвратные), включенно-объектные, абсолютивно-потенциальные, косвенно-возвратные, потенциально-пассивные значения и др. [Генюшене 1983]. Существенно, что в языках разного типа одинаковые значения зачастую выделяются авторами независимо друг от друга, что может служить косвенным доказательством обоснованности их выделения.

В отдельных трудах представлены и более дробные лексико-грамматические разряды рефлексивных глаголов, например: возвратные (*закутаться, вытереться, маскироваться, отравиться, закрыться*), рефлексивные глаголы с партитивным объектом (*повернуться, распушиться*), декаузативные (*бросаться, торопиться, шататься*), бенефактивные (*прибраться, запастись*), посессивные (*излагаться, проиграться*), консеквенциональные (*держаться, схватиться*), каузативные (*бриться, увольняться, извиниться*), дейктические (*черниться, белеться, зеденеться*), волитивные и неконсеквенциональные (*светиться, хвастаться*), рецептивные (*вспомниться, слышаться*), квазипассивные (*нитки рвутся, посуда бьется*), агрессивные (*собака кусается, бабушка ругается*), реципрокальные (*обниматься, видеться*), мультипликативно-взаимные (*переглядываться, перебрасываться*), рефлексивные (*мне не работается, мне не спится*) [Марченко 2019: 23–32].

Хотя рефлексивные глаголы обладают возможностью выразить ряд многообразных значений, частью языковедов предпринимаются попытки установить некое инвариантное значение у форманта рефлексивности. Как правило, в качестве инварианта предлагается свойство интранзитивности [Виноградов 1972; Исаченко 2003: 352; Babby 1975: 324], рассматриваемое в качестве синтаксической или семантической непереходности. Как отмечает Л. Бэбби, в морфеме *-ся* русского языка содержится синтаксическое наполнение интранзитивности [Babby 1975: 324]. Ф.Ф. Фортунатовым также утверждается

снижение валентности глагольной единицы в рефлексивных глаголах: «общее значение образованного от переходных основ рефлексивного глагола состоит в том, что оно изменяет значение транзитивности признака в значение интранзитивности» [Фортуатов 1899].

Наличие различных классификаций лексико-семантических разрядов рефлексивных глаголов характерно и для удмуртского языка. В первой главе настоящего диссертационного исследования мы уже приводили основные подходы к изучению теории залога и залоговых конструкций удмуртского языка. Однако в указанном разделе мы намеренно не приводили классификации рефлексивных глаголов, предложенных удмуртскими лингвистами, поскольку это заняло бы несоразмерный по отношению к каузативному залогу объем. Здесь же мы попытаемся привести основные классификации, предложенные удмуртскими лингвистами.

Так, иллюстрацией одной из первых попыток вычленения грамматических значений рефлексивных глаголов являются рукописные памятники XVIII в., в которых страдательное значение отдельно не выделяется, но высказывается мысль об образовании страдательного на основе действительного значения [Могилинъ 1786; Сочиненія 1775]. Тенденция выделения страдательного значения рефлексивного глагола сохраняется в абсолютном большинстве других трудов.

С начала XX в. в удмуртском языкознании наблюдается введение исследователями среднего и возвратного или рефлексивного значения глагола. Следует отметить, что значения глаголов рассматривались в качестве самостоятельного залога, напр.: «Всех залогов пять: 1) действительный, 2) средний, 3) страдательный, 4) возвратный, 5) взаимный. Ввиду отсутствия внешнеразличительных признаков при определении залоговой принадлежности следует ориентироваться на семантическое наполнение глагола и рассматриваемый контекст» [Верещагин 1924]. В других работах вместо терминологии значений глагола дается подробное описание условий использования: «суффикс *ськы* используется для обозначения 1) действия, направленного на самого себя, 2) действия, выполняемого в паре с кем-то,

3) действия, имеющего более продолжительную длительность выполнения» [Яковлев 1931: 45].

В научной грамматике удмуртского языка выделяются страдательный и возвратный залого глагола. В страдательном значении, создающемся в определенных синтаксических условиях, глаголы выступают обычно в форме третьего лица (*Солэн (музьемлэн) азьло межаосын шадраяськемез огазын ужен ёошкытатйське* 'Ее (земли) шероховатости из-за межей выравниваются коллективным трудом'). Значениями возвратного залога глагола указываются собственно-возвратное (*ушьяськыны* 'хвалиться'), взаимно-возвратное (*чупаськыны* 'целоваться') значения, а также дополнительные группы глаголов, значения которых замыкаются в субъекте действия (*куриськыны* 'проситься') или характеризуют обычные занятия (*лыдзиськыны* 'заниматься чтением') [ГСУЯ 1962: 226–228].

Наиболее подробное описание семантической классификации возвратных глаголов в удмуртском языке представлено в трудах Г.А. Ушакова, И.А. Котковой и Н.В. Кондратьевой.

Г.А. Ушаков для удмуртского языка выделяет девять групп возвратных глаголов [Ушаков 1986: 114–115]:

- 1) собственно-возвратные (*пыласькыны* 'купаться', *мычиськыны* 'бриться');
- 2) общевозвратные (*пумитъяськыны* 'противиться', *чеберьяськыны* 'модничать');
- 3) активно-безобъектные (*атас кокчаське* 'петух клюется', *кочыш чабьяське* 'кошка царапается');
- 4) пассивно-безобъектные (*пияла сөриське* 'стекло бьется', *ву пальккаське* 'вода плещется');
- 5) взаимно-возвратные (*вазиськыны* 'обратиться', *зечьяськыны* 'здороваться');
- 6) косвенно-возвратные (*тыриськыны* 'укладываться', *вутскыны* 'стараться успеть');

7) возвратно-занятийные (*куиськыны* ‘заниматься ткачеством’, *куиськыны* ‘заниматься ткачеством’);

8) побочно-возвратные (*из борды шуккиськыны* ‘удариться о камень’, *гозые канжаськыны* ‘зацепиться за веревку’);

9) страдательные (*адями кыын лэсьтйське* ‘делается руками человека’, *машинаен быдэсьяське* ‘выполняется машиной’).

И.А. Котковой все глаголы разделяются на шесть значений [Коткова 1993: 25–26]:

1) собственно-возвратные (*буяськыны* ‘краситься, гримироваться’, *бирдыяськыны* ‘застегнуться на пуговицы’, *чушиськыны* ‘вытираться’);

2) взаимно-возвратные (*адзиськыны* ‘увидеться’, *юалляськыны* ‘расспрашивать’, *огазеяськыны* ‘объединиться’);

3) общевозвратные (*даньяськыны* ‘славиться, гордиться’, *малпаськыны* ‘думать, задуматься’, *йыркурьяськыны* ‘сердиться’);

4) глаголы безобъектного значения а) активно-безобъектные (*пушнераськыны* ‘жалиться крапивой’, *куртчылйськыны* ‘кусаться’, *йыгаськыны* ‘стучаться, биться’), б) пассивно-безобъектные (*сйньыс чигиське* ‘нитка рвется’, *ву пальсккаське* ‘вода плещется’);

5) возвратно-занятийные (*чужиськыны* ‘заниматься подметанием’, *вuzаськыны* ‘торговать, заниматься торговлей’, *лыдьяськыны* ‘считать, заниматься подсчетами’);

б) страдательно-возвратные (*Со вазиськонлы ответ сётйське со кылын ик, кычееен вазиськиз адями* ‘На обращение ответ дается на том языке, на каком обратился человек’, *Клуб кылдытйське пинальёсын* ‘Клуб организуется ребятами’).

Н.В. Кондратьевой в «Морфологии удмуртского языка» (2011) акцентируется внимание на пяти значениях рефлексивных суффиксов [МУЯ 2011: 212–219]:

1) собственно-возвратные с тотально-рефлексивным (*Дмитрий Кузьмичед син азын воштйськыны кутскиз* ‘Дмитрий Кузьмич начал меняться на глазах’) и

парциально-рефлексивным (*Йырыныз юн шуккиськем* ‘Головой сильно ударился’) значениями;

2) реципрокные (*Собере соос нюрьясько* ‘Потом они борются’);

3) медийные (*Юнме ваментйськиськод* ‘Понапрасну противишься’);

4) пассивные (*Мон вератэк но тодйськоды, луоз, кызьы лэсьтйсько пөртэм погромъёс* ‘И без меня, наверное, знаете, как совершаются разные погромы’);

5) автомативы (*Паймымон суред усътйське азьпалан* ‘Удивительная картина открывается впереди’).

В основе указанных классификаций лежит лексико-семантический подход. Он же является ведущим и в нормативных грамматиках коми языка, где отмечается пять групп глаголов: глаголы собственно-возвратного, средне-возвратного, взаимно-возвратного, страдательного и пассивно-возвратного значения. В.И. Лыткиным выделяется четыре значения: истинно возвратное (*кёмасьны* «обуваться»), взаимно-возвратное (*юксьыны* «разделиться, разводиться»), средневозвратное (*дорсьыны* «заниматься ковкой»), пассивно-возвратное (*менам узьсьома* «я, оказывается, проспал»). Т.М. Иевлева все глаголы подразделяет на три категории: 1) глаголы медиального (среднего) значения, 2) глаголы возвратного значения, 3) глаголы страдательного (пассивного) значения, отмечая, что «порядковые номера перечисленных значений соответствуют хронологии их появления и закрепления в истории коми языка [Цыпанов 2002: 319].

Близкая классификация возвратных глаголов предлагается и в грамматике марийского языка, где выделяются собственно-возвратное, средне-возвратное, страдательно-возвратное, взаимно-возвратное, общевозвратное значения возвратных глаголов [СМЯ 1961: 161].

Таким образом, проанализировав предложенные выше классификации, можно заметить, что в представленных научных трудах организация значений рефлексивных глаголов произведена через структуру отношений *субъект – действие – объект*. Однако все они базируются в основном на семантическом признаке самого глагола. Между тем наличие в языковой системе любого языка

различных уровней и грамматических категорий предполагает взаимодействие этих элементов. Более того, лингвистами допускается выделение связей не только отдельных компонентов, но и групп элементов, объединенных неким свойством. Так, связи между взаимодействующими языковыми элементами подразделяются на внешние и внутренние, т.е. выходящие за пределы этих групп и замыкающиеся внутри [Зернов 1986: 8]. Именно поэтому важно учитывать не только семантическую сторону глагола, но и опираться на понятие диатезы, при которой семантическая сторона рефлексива рассматривается в тесной связи с синтаксической структурой предложения (см. также: [Генюшене 1981: 163–165]). Данный подход будет реализован в третьем разделе данной главы.

3.2. К вопросу о происхождении суффиксов рефлексивного залога *-ск(ы)- / -ськ(ы)-, -иськ(ы)- / -йськ(ы)-*

Относительно происхождения суффикса возвратного залога *-ск(ы)- / ськ(ы)-, -иськ(ы)- / -йськ(ы)-* в финно-угроведении имеются разные точки зрения. Интерес исследователей к этому аспекту возвратности обусловлен, прежде всего, тем, что имеются две противоположные точки зрения относительно этимологии исследуемого суффикса. По одной из них, показатели рефлексивности / пассивности в современных финно-угорских языках относятся к разным праязыковым суффиксам. Согласно другой точке зрения, «в то время как для обозначения понудительно-переходных отношений использовались разные суффиксы, которые имели словообразовательный характер, почти с уверенностью можно сказать, что для выражения пассивно-возвратных связей применялся главным образом один суффикс (*-β/-w*), который, по-видимому, был вполне обобщен. Следовательно, весьма вероятно, что противопоставление страдательно-возвратных залоговых значений нейтральному имело характер грамматической категории» [ОФУЯ 1974: 361]. В частности, Т. Лехтисало в работе «Über die primären uralischen ableitungssuffixe» исследуемый аффикс возводится к уральскому языку-основе (цит по: [Алатырев 1959: 117]).

Более того, суффиксы, которые можно отнести к прафинно-угорскому $*\text{-}\beta/\text{-w}$, и сегодня встречаются в финно-угорских языках: ф. $\text{-u}/\text{-ü}$ (и в составе ряда сложных суффиксов): *näkyä* ‘виднеться’ < *näke-* ‘видеть’, *jakautua* ‘делиться’ < *jakaa* ‘делить’; с. -u , $\text{-}\beta$ (и в составе сложных суффиксов): *gaw'dnu-* ‘найтись’ < *gaw'dnâ* ‘найти’, *körüttuvat* ‘шиться’ < *körriüt* ‘шить’; мд. -v : *лазовомс* ‘расколоться’ < *лазомс* ‘расколоть’: мс. $\text{-}\beta$: *χülaβ-* ‘слышаться’ < *χül-* ‘слышать’ [ОФУЯ 1974: 378]. Здесь также важно подчеркнуть, что некоторые ученые, в частности Й. Дьёрке, исследуемый показатель рассматривает в рамках чередования ступеней, а именно: он не считает $\text{-}\beta$ самостоятельным формантом, а этот суффикс им отнесен к слабой ступени от $*\text{-p}$ [ОФУЯ 1974: 378].

Аффиксу -ськ(ы) - удмуртского языка соответствует залоговый суффикс рефлексива -сь- в коми языке: *вурны* ‘шить’ – *вурсьыны* ‘заниматься шитьем’, *копыртны* ‘наклонить, сгибать’ – *копрасьны* ‘сгибать-ся, наклоняться’ [Алатырев 1959: 117]. В.И. Лыткин на основе этих соответствий считал эти два форманта исторически едиными, возникшими на общепермской основе [Лыткин 1995: 85].

Й. Буденцом этимология маркера рефлексивности связывается с суффиксом $\text{-}\ddot{z}$ - (ср. *улыны* ‘жить’, *улзыны* ‘воскреснуть, ожить’) [Budenz 1894], данная гипотеза поддерживается и в трудах Д.Р. Фокош-Фукса [Fokos-Fuchs 1913–1914]. Однако данное предположение не поддерживается всеми учеными, в частности, удмуртскому лингвисту В.И. Алатыреву кажется не совсем убедительным ввиду того, что суффиксы -ськ- и $\text{-}\ddot{z}$ - по происхождению являются разными, имеют разные особенности употребления и функции, напр.: *тöлйськыны* ‘заниматься веянием’ – *тöлзыны* ‘испариться’ [Алатырев 1959: 117].

Наиболее подробно происхождение рефлексивных суффиксов описано в трудах Ф.Й. Видеманна, Д.Р. Фокош-Фукса и Б.А. Серебренникова. К примеру, Й. Синнеи и Б.А. Серебренниковым показатели возвратности возводятся к современным рефлексивам общепермского суффикса многократности $*\text{-}\acute{s}k\text{-}$ и его позиционному варианту -sk [Szinyei 1922: 103, 123–124; Серебренников 1963: 324]. По мнению ученых, при помощи данных маркеров действительные глаголы наделяются семой возвратности, страдательности и взаимности. Ученым

в качестве залоговых суффиксов также выделяются *-ašk* для глаголов второго спряжения с основой на *a-* (*vorsany* ‘закрыть, запереть’ – *vorsaškyny* ‘закрыться, запереться’), *-jašk* (где элемент *j* суффикс многократности) у глаголов, оканчивающихся в инфинитиве на *-jany* (*nimazjany* ‘обособить, отделить’ – *nimazjaškyny* ‘обособиться, отделиться’), и *-mjašk* для глаголов притворного действия (*užamjaškyny* ‘делать вид, что работаешь’) [Серебренников 1963: 333–334]. Указанная точка зрения представлена и в «Грамматике вотяцкого языка» (1927) А.И. Емельянова, который подчеркивает, что суффикс многократного вида *-šk-* в 1920-х годах уже почти утратил значение многократного и использовался в удмуртском языке в качестве рефлексивно-пассивных. *-šk-* образуется из сочетания *-išk-*, *-išk-*, конечная гласная основа в которых при отсутствии впереди двух трудно произносимых согласных выпадает. В этом случае звуковой состав суффикса претерпевает некоторые изменения: 1) если консонант основы перед суффиксом *-t*, то он или а) палатализуется под влиянием сосоедного *-ś* и образует с ним глухую аффрикату *ts̥*: МУ. *beritiškə > *berit̥škə* ‘возвращается’; или б) под влиянием *-ś* теряет свою палатализацию и обретает твердость: *uatiskem > *uatiskem* ‘скрылся’. Аналогичные фонетические изменения следуют, если консонант основы перед суффиксом *d*: *vordiškid* > *vort̥škid* ‘родился’ [Емельянов 1927: 66].

Как отмечает А.И. Емельянов, маркер рефлексивности содержится и в форманте притворности действия: «*-mjašk* распадается на три составных элемента: формант причастия *-m-*, аффикс местоименных образований *-ja* и суффикс рефлексивности *-šk*. Примеры: *ibi+l+išk-* ‘перестреливаться’, *šukki+r+j+a+šk-* ‘биться’, *lop+t+ir+j+a+šk-* ‘порхать’, *kurek+j+a+šk-* ‘горевать’ и др. [Емельянов 1927: 70].

По мнению академика Б.А. Серебренникова, суффикс финно-угорского происхождения *-šk-* использовался и для построения новой формы настоящего времени в удмуртском языке: *muništō* ‘я иду’ [Серебренников 1963: 325].

Таким образом, в финно-угорской лингвистике на сегодняшний день представлены различные точки зрения относительно происхождения удмуртского

рефлексивного *-ск(ы)- / -ськ(ы)-, -иськ(ы)- / -йськ(ы)-*. Изучение данного вопроса требует глубоко всестороннего анализа сравнительно-исторического характера. Учитывая, что наше исследование в большей степени ориентировано на синхроническое изучение залоговых форм удмуртского глагола, в данном разделе был предложен лишь краткий экскурс научных гипотез относительно происхождения исследуемого маркера.

3.3. Типы рефлексивных конструкций удмуртского глагола

Прежде чем перейти к описанию основных рефлексивных залоговых конструкций удмуртского глагола, важно подчеркнуть, как и в случае с каузативными формами, о наличии в системе удмуртского языка словообразовательной функции исследуемого маркера. Указанные суффиксы довольно подробно рассмотрены в трудах удмуртского лингвиста А.А. Поздеевой [Поздеева 1975: 138], которая в своих исследованиях говорит о наличии сложных аффиксов *-аськ-*, *-яськ-* (суффикс *-ськ-* с предшествующими глаголообразовательными суффиксами *-а-* и *-йа-* (граф. *-я-*)) [Поздеева 1975: 138]. Хотя, с нашей точки зрения, в отдельных примерах исследователем не разграничиваются собственно словообразовательные и формообразующие функции исследуемого показателя. Чтобы быть корректным в отношении цитирования, в данном разделе примеры приводятся в соответствии с описанием А.А. Поздеевой [Поздеева 1975: 133–138]. Так, при помощи указанных выше маркеров могут образоваться глагольные формы от других частей речи [Поздеева 1975: 133–138]:

1. От имен существительных: *лул-ск-ыны* ‘вздохнуть, перевести дыхание’ (от *лул* ‘душа, дыхание’); *тыл-ск-ыны* ‘разжечь, развести огонь’ (от *тыл* ‘огонь, освещение, энергия’); *бурдъ-яськ-ыны* ‘покрыться перьями’ (от *бурд* ‘перо’); *кортчог-аськ-ыны* ‘пригвоздиться’ (от *кортчог* ‘гвоздь’); *эйчы-яськ-ыны* ‘хитрить’ (от *эйчы* ‘лиса’); *синм-аськ-ыны* ‘влюбиться’ (от *син* ‘глаза’); *гырпумъ-яськ-ыны* ‘облокотиться’ (от *гырпум* ‘локоть’); *беглой-яськ-ыны* ‘стать беглым’

(от *беглой* ‘беглец’); *тушмонъ-яськ-ыны* ‘враждовать’ (от *тушмон* ‘враг’) и др.

В отдельных случаях использование суффикса *-аськ-*, по мнению исследователя, осложняется маркером *-м-* или *-йськ-* с предшествующим *-т-*: *жсож-тйськ-ыны* ‘огорчиться’ (от *жсож* ‘печаль’) и *ож-маськ-ыны* ‘сражаться’ (от *ож* ‘война’).

2. От имен прилагательных и качественных имен: *куата-ськ-ыны* ‘капризничать’ (от *куатали* ‘капризный’); *жечъ-яськ-ыны* ‘здороваться’ (от *жеч* ‘хороший’); *азьтэмъ-яськ-ыны* ‘лениться’ (от *азьтэм* ‘ленивый’); *шузи-яськ-ыны* ‘дурачиться’ (от *шузи* ‘глупый’); *чеберъ-яськ-ыны* ‘прихорашиваться’ (от *чебер* ‘красивый’) и др.

Данная группа слов с суффиксом *-ск(ы)-* имеют транслативное значение, т.е. становится таким, что содержится в основе производящего слова: *умой-ск-ыны* ‘похорошеть, исправиться’ (от *умой* ‘хороший’), *веськыт-ск-ыны* ‘постройнеть, выпрямиться’ (от *веськыт* ‘стройный, прямой’), *чалмыт-ск-ыны* ‘успокоиться, замолчать, утихнуть’ (от *чалмыт* ‘тихий, спокойный, молчаливый’) и др.

3. От местоимений: *олокинъ-яськ-ыны* ‘высокомерничать, зазнаваться’ (от *олокин* ‘кто-то’); *монъ-яськ-ыны* ‘зазнаваться, важничать’ (от *мон* ‘я’); *ачимъ-яськ-ыны*, *ачидъ-яськ-ыны*, *ачизъ-яськ-ыны* ‘своевольничать, делать по-своему’ (от *ачим* ‘я сам(а)’, *ачид* ‘ты сам(а)’, *ачиз* ‘он, она сам(а)’) и др.

4. От наречий и изобразительных слов: *матын-ск-ыны* ‘приблизиться, подойти’ (от *матын* ‘близко, недалеко’); *азьлань-ск-ыны* ‘двигаться вперед’ (от *азьлань* ‘вперед’); *ваменъ-яськ-ыны* ‘упрямиться, поступать наперекор’ (от *вамен* ‘поперек’); *пумитъ-яськ-ыны* ‘сопротивляться, возражать, быть против кого-либо (чего-либо)’ (от *пумит* ‘против’); *кулэ-яськ-ыны* ‘испытывать нужду (необходимость)’ (от *кулэ* ‘надо, нужно, необходимо’); *вёл-ск-ыны* ‘расстилаться (о тумане, дыме), разноситься (о запахе)’ (от *вёл* ‘просторно, свободно’) и др.

5. От отдельных действительных причастий на *-ись-*, *-сь-*: *тодйсь-яськ-ыны* ‘показать себя всезнающим, соваться не в свое дело’ (от *тодйсь* ‘знающий’) и др.

С нашей точки зрения, несмотря на то, что в указанных примерах исследуемые суффиксы прежде всего обладают словообразовательным значением, в них имплицитно присутствуют и залоговые значения.

Отдельного внимания требуют также глагольные единицы, образующие пары транзитивный – интранзитивный глагол. По мнению А.А. Поздеевой, в этом случае «возможны два варианта развития сюжета» [Поздеева 1975: 133–138]:

а) если обозначается состояние субъекта, вызванное каким-либо конкретным поводом, то вербальная единица обозначает его как общее, неограниченное явление: *малпа-ськ-ыны*¹⁰ ‘подумать, задуматься, размышлять’ (от *малпаны* ‘думать, соображать, мечтать’); *курекь-яськ-ыны* ‘тревожиться, горевать, беспокоиться’ (от *куректыны* ‘печалиться, переживать’) и др.

б) аффиксы вносят некоторое изменение в семантическое содержание глагола, образуя синоним к нему, или расширяют его значение: *серекь-яськ-ыны* ‘насмехаться’ (от *серекьяны* ‘смеяться’); *ваз-иськ-ыны* ‘обратиться к кому-либо’ (от *вазыны* ‘отозваться, откликнуться’); *пыр-иськ-ыны* ‘включиться, принять участие’ (от *пырыны* ‘войти, въехать, поступить’) и др.

В этих случаях наличие рефлексивного суффикса способствует уменьшению валентности глагола.

Проанализировав художественные произведения классиков удмуртской литературы, включенные в состав Национального корпуса удмуртского языка, печатные средства массовой информации, издания научного и учебно-методического характера, нами выделены следующие типы рефлексивных залоговых конструкций, содержащие в своей структуре глагольные единицы со следующими значениями.

---

¹⁰ Здесь и далее морфемное членение слова представлено в соответствии с источником [Поздеева 1975: 133–138].

3.3.1. Конструкции с глаголами рефлексивного значения

Возвратные глаголы рефлексивного значения основываются на диатезе, в котором субъект и объект действия совпадают: S=O.

Иначе говоря, «первый актант является тем же лицом, что и второй» [Теньер 1988: 259]. Как показывают лингвистические материалы, действительная активность при этом непосредственно переходит, возвращается на субъект, как бы на самого себя: *мисътаськыны* ‘мыться’, *дйсяськыны* ‘одеваться’, *сынаськыны* ‘расчесываться’. Актантами действия здесь выступают одушевленные лица (существительное или местоимение).

На основе анализа степени воздействия вербальной единицы к действительному и воображаемому миру (референциального анализа) выделяются три значения рефлексивных глаголов:

а) тотально-рефлексивное, при котором действие субъекта целиком возвращается на него самого. Глаголы в конструкциях с этим подзначением чаще можно заменить сочетанием «глагол+усилительно-личное местоимение *ассэ ачиз* ‘сам себя’» [МУЯ 2011: 213]: *Митрошин сэргын пуке, интыяз шымыртйськем, сумказэ пыдъёсыз куспы донгем* (Черн. 1989) ‘Митрошин сидит в углу, скорчился на стуле, сумку поставил между ногами’; *Воксё воштйськиз та Пантелей* (Бадр. 2007) ‘Совсем изменился этот Пантелей’;

б) парциально-рефлексивное, когда действие выполняется некоторой частью тела субъекта или оборачивается на его определенную часть или поверхность [МУЯ 2011: 213]: *Кема бергаз эмеспи луонмы синучкон азын: мычиськиз, йырсиэ, оло, сизьым пол сыназ, дыр, ни...* (Нян. 1996) ‘Долго крутился наш будущий зять перед зеркалом: побрился, волосы, наверное, семь раз расчесал’; *Гриша нылаш азе пыдесьяськиз но каллен гинэ зыгыртйз сое* [Нылашез] (Ар-Серги 1993) ‘Гриша встал на колени перед девушкой и обнял ее [Девушку]’; *Солдат Макаровлэн кияз кырмиськиз* (Петр. 1948) ‘Солдат схватился за руку Макарова’; *Пислэг мисътаськиз но корка пыриз* (Ар-Серги 1993) ‘Пислэг умылся и вошел в дом’;

в) побочно-возвратное, которое отдельными исследователями рассматривается как подгруппа парциально-рефлексивных глаголов. Семантика данной группы глаголов включает значения, выражающие вызванные вследствие соприкосновения с некой преградой действия: *салиськыны*, *шуккиськыны* ‘удариться’, *канжаськыны* ‘споткнуться’, *мыриськыны* ‘натолкнуться’, *могзиськыны*, *донгиськыны* ‘столкнуться’ и др. Например: *Лобзэны медэ вал но, ньөр борды шуккиськиз, тыбыр вылаз усиз* (Крас. 1953) ‘Намеревался взлететь но ударился о ветку, упал на спину’; *Гирой канжаськиз но ымнырыныз лымые усиз* (Крас. 1962) ‘Гирой споткнулся и упал лицом в снег’; *Өсэти пырыкуз ик, Володя азысьтыз борддоре донгиськоно кадь луиз вал* (Самс. 1979) ‘Входя в двери, Володя чуть не столкнулся со стеной’.

Как показывают примеры из художественной литературы, рефлексивные залоговые конструкции с глаголами рефлексивного значения в своей структуре могут иметь следующие лексико-семантические группы вербальных единиц:

1. Глаголы со значением «производить туалет»: *мычиськыны* ‘бриться’, *бабыльтиськыны* ‘завиваться’, *гылтиськыны* ‘ополаскиваться’, *буяськыны* ‘краситься’, *зыраськыны* ‘натираться’, *майталаськыны* ‘намылиться’, *миськиськыны* ‘умыться’, *сынаськыны* ‘расчесываться’, *чүушиськыны* ‘вытираться’ и др.: *Бамзэ миськем бераз, саес пумыныз чүушиськиз* (Медв. 1989) ‘После того как умылся, вытерся рукавом’; *Андрей но гылтиськыны малпаз – укыр эжокыт кабинаын, шоканы ик секыт* (Нян. 1996) ‘И Андрей решил ополоснуться – в кабине очень душно, даже дышать тяжело’; *Чигем йыр сынзэ сэрапалтись но выленыз, Петялэн сётэменыз, сынаськыны кутскиз* (Самс. 1965) ‘Отбросила свою сломанную расческу и начала расчесываться новой, подаренной Петей’.

2. Глаголы со значением «действие со своей одеждой»: *бирдыяськыны* ‘застегнуться на пуговицы’, *дйяськыны* ‘одеться’, *кутчаськыны* ‘обуться’, *биниськыны* ‘замотаться’, *еаськыны* ‘затянуться ремнем’, *азьвесяськыны* ‘одеться в серебряное’, *зарнияськыны* ‘одеться в золотое’, *кылиськыны* ‘раздеться’ и др.: *Мати ури-бери кутчаськиз* (Черн. 1996) ‘Мати быстро обулась’; *Аслэсьтыз ачиз возьдаськыса, Вася пумозяз өз ни кылиськы, кальсон коже мунчое пыриз, отын*

гинэ кылисъкиз (Крас. 1971) ‘Постеснявшись самого себя, Вова не разделся полностью, ушел в баню в кальсонах, и там только разделся’; *Бирдыясъкытэк-мартэк Аля съёры бызиз* (Самс. 1989) ‘Не застегнувшись на пуговицы, побежал за Алей’.

3. Глаголы со значением «нанесение себе вреда»: *вандйськыны* ‘порезаться’, *коралскыны* ‘пораниться (топором)’, *агуласькыны* ‘отравиться’, *пёсьвуаськыны* ‘обжечься’, *наштаськыны*, *нориськыны*, *нёдаськыны*, *няняськыны*, *паньсаськыны*, *саптаськыны*, *сарпаськыны* ‘испачкаться’, *сёриськыны* ‘испортиться’: *Демилэн сюлэм быректэм вуэн пёсьвуаськиз кадь* (Блин. 1986) ‘Казалось, что сердце Деми обожгло горячим кипятком’. *Прозоров сюен наштаськем киоссэ аяз вольяз* (Самс. 1979) ‘Прозоров вытянул вперед испачканные землей руки’.

Надо заметить, что глагольная форма в предыдущем выражении используется с уточняющим косвенным дополнением *сюен* ‘землей’, что придает выражению конкретику характера нанесенной грязи. Но аналогичную конструкцию можно было бы выразить отыменным глаголом, основа которого как раз выражает сему покрытия поверхности: *буёласькыны* ‘вымазаться краской’, *дэрияськыны* ‘запачкаться грязью’, *кыедаськыны* ‘запачкаться навозом’, *меласькыны* ‘запачкаться мелом’, *сираськыны*, *смолаяськыны* ‘запачкаться смолой’, *тэкиласькыны* ‘вымазаться дегтем’, *узвесьяськыны* ‘быть покрытым свинцом’, *шумаськыны* ‘вымазаться сажей’, *юрсираськыны* ‘просмолиться’.

Отдельную группу составляют разновидности лексем со значением колоризации: *гордмаськыны* ‘запачкаться красной краской (цветом)’, *чужмаськыны* ‘запачкаться желтой краской (цветом)’, *лызмаськыны* ‘запачкаться синей краской (цветом)’, *льольмаськыны* ‘запачкаться розовой краской (цветом)’, *тёдьмаськыны* ‘запачкаться белой краской (цветом)’, *съёдмаськыны* ‘запачкаться черной краской (цветом)’ и др.: *Волостной старшина чуланысь гордмаськем песьтэр шедьтйз* (Петр. 1987) ‘Волостной старшина нашел в чулане пестерь, запачканный в красный цвет’; *Бетонэн курмем спецовкаен, дэриен саптаськем, машина чынэн съёдмаськем муртлэн кяз ужан дйсьсэ куштэмез но*

мисьтаськемез бере сёт али чебер сяська но учкы, кыче шулдыр луоз солэн тусыз, мылкыдыз (Арх. 1963) ‘Дай красивый цветок в руки человеку, снявшему с себя испачканную бетоном спецовку и умывшемуся от запачканного грязью и черной краски от дыма машины, и посмотри, каким радостным станет его вид и настроение’.

4. Глаголы, обозначающие когнитивные процессы, происходящие в субъекте: *валатскыны* ‘догадаться, сообразить’, *визьмаськыны*, *визьнодаськыны*, *визьматскыны* ‘образумиться’: *Олексан пинал визьмыныз озьы вераське. Визьмаськоз али* (Крас. 1976) ‘Олексан смолоду так говорит. Образумится еще’.

5. Глаголы, обозначающие физические процессы, происходящие с субъектом: *губыртйськыны*, *купырскыны* ‘сгорбиться’, *кунгырскыны* ‘скорчиться’, *някыртйськыны*, *мыкырскыны*, *улланыськыны* ‘наклониться’, *урдсйнскыны* ‘накрениться’, *шобырскыны* ‘укрыться’, *шонерскыны* ‘выпрямиться’, *канжаськыны* ‘споткнуться’, *кормаськыны* ‘чесаться’, *куртчиськыны* ‘вцепиться зубами’, *ошиськыны* ‘вешаться’, *шуккиськыны* ‘удариться’ и др.: *Остап сое [Зуевез] матаз мыкырскыны косйз* (Петр. 1948) ‘Остап попросил его [Зуева] наклониться поближе’.

Возможно, к данной группе глаголов можно отнести глагольные формы, обозначающие совершающиеся в интересах самого субъекта действия: *Ыжгонлэсь куэм вуж шобретэн шобырско* (Крас. 1976) ‘Укрываются сотканным из овечьей шерсти старым одеялом’; *Соиз [Семон] собере возытлы чидамтэеныз коргид сиге ошиськиз* (Ар-Серги 1993) ‘Тот [Семон] потом от невыносимого стыда на чердаке конюшни повесился’; *Гуртысь котькуд семья маиныз ке но ушьяськыны быгатэ* (Крас. 1953) ‘Любая деревенская семья сможет чем-нибудь похвастаться’; *Паша тракторной бригадае прицепщике куриськиз* (Ар-Серги 1993) ‘Паша попросился в тракторную бригаду прицепщиком’.

В современном удмуртском языке указанные лексико-семантические разряды глаголов имеют разную частотность употребления. Результаты специального исследования, сделанного методом сплошной выборки, представлены в Таблице 2.

Частотность использования конструкций с глаголами рефлексивного значения

Типы рефлексивных конструкций	Г. Медведев «Кыйкар бамын» (1934), (ед.)	Г. Красильников «Вуж юрт» (1976), (ед.)	Г. Перовошико в «Йыбыртты музейемлы» (1992), (ед.)	Общее количество (ед.)
Конструкции с глаголами рефлексивного значения:	232	172	169	573
а) глаголы со значением «производить туалет»	21	23	27	71
б) глаголы со значением «действие со своей одеждой»	24	17	13	54
в) глаголы со значением «нанесение себе вреда»	33	28	26	87
г) глаголы, обозначающие когнитивные процессы, происходящие в субъекте	36	42	37	115
д) глаголы, обозначающие физические процессы, происходящие с субъектом	118	62	66	246

3.3.2. Конструкции с глаголами медиального значения

Особое место в категориальной структуре глаголов удмуртского языка занимает медиальное значение возвратного глагола, которое Б.А. Серебренниковым выдвигается как основное. В других работах употреблены также названия «медий», глаголы среднего [Глезденев 1921: 34–35] или средне-возвратного значения [Алатырев 1983: 582; Каракулов 2001: 170–171; МУЯ 2011: 215]. Действительно, медиальное значение глагола в научной литературе часто отождествляют со значением среднего залога. Но отличие его состоит в том, что указанная форма показывает осуществление субъектом действия в его пользу и в его интересах, так что оно включает понятие о говорящем, выражаемое соответствующим личным субстантивом. Субъект действия рассматривается в качестве конечной цели «для меня» (или «для себя») [Теньер 1988: 156, 188].

Термин «медий» восходит к грамматическому строю древнегреческого языка. Медиальная форма глагола «управляла винительным падежом прямого дополнения и вносила в язык, выражающий то или иное событие мира, момент зарождения этого события самим миром. Через медиальность язык отражал важную особенность мировосприятия человека дотехногенного общества – то, что происходит в мире – свойство и зарождение самого мира, проявление мира как живого, обладающего энергией и волей (волящего) организма. Мир воспринимается одушевленно-деятельным, порождающим свои проявления служит Космос. Человек в нем включен в бытие, подчинен его законам. Его положение нецентрировано в едином Космосе [Смирнова 1998].

Наиболее удачными определениями медиума можно считать те, в которых в качестве существенных признаков указываются: ограниченность действия, обозначенного формой медиума, сферой субъекта и потому направленного на субъект или на объект, находящийся в особой связи с субъектом. Другими существенными признаками называются: заинтересованность субъекта, непереходность, возвратность, взаимность действия [Дешериева 2021: 97].

В монографии С. Кеммер, посвященной медиальному залогу или медию в разноструктурных языках, обобщены и теоретически изучены отличительные особенности глаголов среднего залога разных языков. Как отмечает автор, в языке функционируют две семантические константы события, выражаемого медиумом: 1) инициатор действия является конечным пунктом его или выделенным единством; 2) событие характеризуется низкой степенью разработанности [Kemmer 1993: 243].

В удмуртском языке медиальное значение, как и во многих других языках, характеризуется «внутренней диатезой» субъекта (S→) и включает в себя ряд значений, которые объединяет общее содержание действия субъекта, тогда как объект действия оказывается в принципе несущественным: *Кӧня уй чик уг кӧл ни тол куазь: пужъятске, чильпаське, керттйське* (Нян. 2016) ‘Сколько ночей не спит уже зима: вышивает, вяжет кружева, занимается рукоделием’.

Так, с учетом выражаемой глаголами значений, в удмуртском языке выделяются следующие группы рефлексивных глаголов с медиальной семой:

1. Глаголы медиально-занятийной семантики, выражающие постоянно или в течение длительного времени длящееся занятие людей. Чаще глаголами этой группы выражается:

– род профессиональной деятельности: *дуриськыны* ‘заниматься кузнечным делом’, *вузаськыны* ‘заниматься продажей’, *визнаськыны* ‘заниматься рыбной ловлей’, *лэсьтйськыны* ‘заниматься строительством’, *суредаськыны* ‘рисовать’, *стругаськыны*, *такыласькыны* ‘строгать’, *шериськыны* ‘заниматься точкой’, *липиськыны* ‘заниматься кровельным делом’, *туйиськыны* ‘заниматься толчением, конопачением’ и ведение целительной деятельности, знахарской практики: *абызаськыны* ‘заниматься знахарством’, *тунаськыны-пелляськыны* ‘заниматься знахарством’, *вегнаськыны*, *веднаськыны* ‘заниматься колдовством’ и др.: *Толялэн дядяз Бызаралэн кебитаз дуриськыны кутскем бере, со* [Микол] *Лепсеен эшъяськыны шӧтаз* (Самс. 1969) ‘Когда дядя Толи начал заниматься кузнечным делом в кузнице Бызары, он [Микол] начал дружить с Лепсеем’; *Ӧшен ик пелляськыса-пӧртмаськыса но дауртйзы* (Самс. 1989) ‘Вместе же

занимались знахарством’.

– занятие декоративно-прикладным творчеством: *вуриськыны* ‘заниматься шитьем’, *етйнаськыны* ‘заниматься тереблением льна’, *каиськыны*, *пужыятійськыны* ‘вышивать’, *керттійськыны* ‘вязать’, *куиськыны* ‘заниматься ткачеством’, *лөддїськыны* ‘заниматься тереблением’, *лусйиськыны* ‘тесать’, *пунїськыны* ‘заниматься витьем’, *согьяськыны* ‘заниматься чесанием (льна, конопли)’, *сэстїськыны* ‘заниматься трепанием льна, конопли’, *тугиськыны* ‘заниматься шерстобитием’, *черсїськыны* ‘заниматься прядением’, *чильпаськыны* ‘заниматься вязанием кружев’ и др.: *Анаеныз атаез кужмысь косыса но дораз пукиз – черсїськиз, куиськиз, пужыятїськиз* (Черн. 1989) ‘Несмотря на настойчивые просьбы родителей, она сидела дома – пряла, ткала, вышивала’; *Котьма карыны кыыз мынїз: вуриськыны но, чильпаськыны но* (Гавр.-Реш. 2005) ‘Руки были умелы на что угодно: и шить, и кружева вязать’.

– ведение бытовых и садово-полевых работ: *октїськыны*, *утялскыны*, *утялтїськыны* ‘убираться’, *зуродаськыны* ‘заниматься стогованием’, *люктаськыны* ‘заниматься поением (скота)’, *кышьяськыны* ‘заниматься ремонтом одежды’, *мажсаськыны*, *маштаськыны* ‘грести, сгребать’, *мерттїськыны* ‘заниматься посадкой’, *мисьтаськыны* ‘заниматься стиркой’, *назиськыны*, *ныркиськыны* ‘месить, раскатывать тесто’, *пуктїськыны* ‘заниматься посадкой’, *сузяськыны* ‘чистить’, *турнаськыны* ‘косить’, *уриьскыны* ‘заниматься прополкой’, *утюгаськыны* ‘гладить’, *чужиськыны* ‘подметать’, *кизиськыны* ‘сеять’, *котїськыны* ‘замесить тесто’, *кораськыны* ‘заниматься рубкой’, *кутсаськыны* ‘заниматься молотьбой’, *пориськыны* ‘заниматься выкорчевыванием’, *пöраськыны* ‘заниматься приготовлением еды’, *сиктаськыны* ‘заниматься починкой’, *сайкиськыны* ‘заниматься корчеванием’, *пыжиськыны* ‘стряпать, заниматься выпечкой’ и др.: *Соин ик, пе, таё интыосын кусоен турнаськиськом* (Загр. 2004) ‘Поэтому, говорит, в таких местах косою косим’; *Кышноез, анаез но пичи нылыз – ваньзы кухняын пöрасько* (Ар-Серги 1993) ‘Его жена, мама и младшая дочь – все готовят (занимаются готовкой) на кухне’; *Солэн [табалэн] кык пöртэм палыз: одйг палаз пыжиськиськод, мукет палзэ тылын пыжо*

(Гряз. 1996) ‘У нее [сковороды] две стороны: на одной стороне стряпаешь, другую сторону на огне нагревают’.

– ведение преступной деятельности: *вораськыны* ‘заниматься воровством’, *вураськыны* ‘заниматься вымогательством’, *курокаськыны* ‘разбойничать’, *лушкаськыны* ‘воровать’ и др.: *Сандырлэсь та уе лушкаськыны вуылэмзэ но шараяны өз малпа* [Сидор] (Бадр. 2007) ‘[Сидор] и не подумал огласить то, что Сандыр в эту ночь ходил воровать’.

Очень часто данная группа глаголов употребляется для обозначения продолжающегося действия. Так, в предложениях *Воргоронъёс бергало юртъер котыртйзы, лусйисько, йыгасько* (Ар-Серги 1988) ‘Мужчины крутятся вокруг дома, строгают, стучат’ и: *Азьлань мынэ ке но, ялан ог интыяз лёгаське кадь потэ* (Крас. 1955) ‘Хоть и идет вперед, кажется, что все топчется на месте’ подчеркивается затянувшийся, не кратковременный процесс действий субъекта.

Важно подчеркнуть, что в исследуемых конструкциях синтаксический строй предложения не предполагает наличие дополнения. Сравним: *Кöня ке минут куиньназы ик шыпытэн сиськизы* (Крас. 1953) ‘Некоторое время все трое ели в тишине’ и: *Фактически вераса, нылаш эскимоска сие вал* (Нян. 1996) ‘Фактически, девочка ела эскимоску’. Глаголы *сиськыны* и *сиыны* в этих примерах на русский язык переводятся одинаково, однако в их семантике есть небольшая разница: аффикс *-ськ-* наделяет лексему *сиыны* значением ‘принимать пищу в целом’.

2. Глаголы с семой изменения пространственной локализации, направления движения субъекта: *азьпалскыны, азьпалтйськыны, азьвылтйськыны* ‘продвинуться вперед’, *берланьскыны* ‘продвинуться назад’, *ватйськыны* ‘спрятаться’, *возьматскыны, возьматйськыны* ‘показаться’, *йырчукинскыны* ‘полететь верх тормашками’, *озёлскыны* ‘отдвинуться подальше’, *уськытскыны, уськытйськыны* ‘броситься вниз’, *чигнатскыны* ‘пятиться назад’, *шамбалскыны* ‘отлететь в сторону’, *ышытскыны* ‘исчезнуть’, *зйртйськыны* ‘выброситься’, *палэнтйськыны* ‘отстраниться’, *сэрпалтйськыны* ‘броситься в сторону’, *палдурскыны* ‘отстраниться’, *паллянтйськыны* ‘отойти влево’ и др.:

Калык, сутскыса музэн, шуак озёлскиз (Пер. 1984) ‘Народ, словно ошпарился, резко отошел подальше’; *Ватйськыны быгато, иське* (Пукр. 1997) ‘Значит, умеют прятаться’; *Малы со [Жакы] ёзьёсызлэсь палэнтйськиз?* (Черн. 1989) ‘Почему она [Жакы] отстранилась от сверстников?’; *Тимофей Прохорович, султыса возматскы калыклы, кыче бертйд фронтысь* (Петр. 1983) ‘Тимофей Прохорович, покажи, встав, народу, каким ты вернулся с фронта’.

3. Глаголы с семой выражения внутреннего качества субъекта, изменения его психо-физиологического состояния (обретения или утери качества, свойства): *буйгатскыны, диватскыны* ‘успокоиться’, *кышкатскыны* ‘испугаться’, *веськатйськыны* ‘успокоиться’, *кежегьяськыны* ‘суетиться, горячиться’, *кушерскыны* ‘встревожиться’, *лябзытйськыны* ‘расслабиться’, *паймытскыны* ‘удивиться’, *алекьяськыны* ‘нервничать’, *даньяськыны* ‘гордиться’, *кушек-тйськыны* ‘тревожиться’, *либатйськыны* ‘успокоиться’, *лöpкаськыны* ‘воодушевиться’, *синвуаськыны* ‘прослезиться’, *возьдаськыны* ‘стесняться’, *лекьяськыны* ‘злиться’ и др.: *Ой бен кышкатскизы соос мынэсьтым, ой кыче кышкатскизы* (Нян. 1996) ‘Ох, испугались они меня, как испугались’; *Зэм, нырысь-валысь талэсь въздаськыли* (Панф. 2008) ‘И вправду, сначала этого стеснялась’; *Малы со [ош] сокем лекьяське зоотехниклы, ньöрын шуккылэмысьтыз-а яке солэсь кытчы нуыны турттэмзэ вала-а?* (Самс. 1965) ‘Почему он [бык] так злится на зоотехника, из-за того, что его ударили прутом или оттого, что понимает, куда его пытаются вести?’.

Наиболее распространенным способом образования вербальных единиц этой группы является вербализация именных частей речи, при которой, как уже было сказано выше, исследуемый маркер одновременно может выполнять две функции – словообразовательную и формообразующую. Чаще всего данные глагольные формы выражают эмоциональное состояние субъекта или его смену, например, *маскарьяськыны* ‘развлекаться’ (от *маскара* ‘забавный’), *шулдырьяськыны* ‘веселиться’ (от *шулдыр* ‘веселый’), *мудроньяськыны* ‘мудрствовать’ (от *мудрон* ‘мудреный’), *чурытаськыны* ‘скудиться’ (от *чурит* ‘скупой’), *шугьяськыны* ‘беспокоиться’ (от *шуг* ‘сложно’): *Егитъёс*

шулдырьясько (Ар-Серги 1988) ‘Молодежь веселится’; *Соос маскарьясько, серекъяло, олокызы но шудо* (Пукр. 1997) ‘Они развлекаются, смеются, играют по-разному’.

В некоторых случаях производящими основами могут служить наречия и послелогии: *ваментійськыны* ‘упрямиться, стать поперек’ (от *вамен* ‘через’), *пумитъяськыны* ‘сопротивляться’ (от *пумит* ‘против’) и др.: *Онтон ѓз пумитъяськы, соку ик шудыны карисъкиз* (Крас. 1955) ‘Онтон не сопротивлялся, решил тогда же сыграть’; *Анаез валаз: Яшка ваментійськиз ке, котъмар вера солы – аслэсьтыз кароз* (Крас. 1971) ‘Его мама поняла: если Яшка будет сопротивляться, что угодно ему говори – поступит по-своему’.

4. Глаголы с семой начала действия, намерения, прекращения, фазовой характеристики глагольных действий: *быдэскыны* ‘готовиться’, *дугдытскыны* ‘перестать’, *жэгатійськыны* ‘задержаться’, *жогатійськыны* ‘торопиться’, *кутскыны* ‘начать’, *басътійськыны, кутіськыны* ‘взяться’ и др.: *Школаын но, Можга педучилищеын дышетскыкум но, мон кылбуръёсгес гожъялляй, нош Литературной институтысен веросьёс борды басътійськи* (Нян. 1996) ‘Во время учебы и в школе, и в Можге я писала стихи, но с Литературного института взялась за написание рассказов’.

5. Глаголы с семой наделения субъекта неким предметом или лишения его: *кышнояськыны* ‘жениться’, *сяськаяськыны* ‘расцвести’, *бурдъяськыны* ‘опериться (о птицах)’, *лысвуасъкыны* ‘покрыться росой’, *люгыяськыны* ‘облепиться репьями’, *шукыяськыны* ‘вспениться’, *куштійськыны* ‘избавиться’ и др.: *Леналэсь мон уг куштійськисъкы ук...* (Пукр. 1997) ‘Я ведь не отказываюсь от Лены’; *Капчияк шокчиз Макси: солэн малпанэз быдэсме кадъ, со [Макси] кышнояськоз егит ныллы, солэн луоз егит кышноез!* (Нян. 1996) ‘С легкостью вздохнул Макси: похоже, сбывается его задумка, он [Макси] поженится на молодой девушке (букв. обзаведется молодой женой), у него будет молодая жена’; *Укно улын льѓмпу сяськаяськем* (Арх. 2005) ‘Под окном расцвела (покрылась цветами) черемуха’.

Глаголы с этим значением, как правило, образуются от существительных. В

качестве подлежащего используются как одушевленные, так и неодушевленные лица (или предметы) или местоимения.

Как отмечает авторский состав «Морфологии удмуртского языка», к этой же группе можно отнести глагольные формы, использующиеся в переносном значении [МУЯ 2011: 216]: *Со дыръя ик колхозмы но пыдъяськыны кутскиз* (Ар-Серги 1993) ‘В это же время наш колхоз начал вставать на ноги (перен.)’; *Жогак чай юыса, со* [Павел Игнатьевич] *жёк съёры выжыаськиз* (Черн. 1989) ‘Быстро выпив чаю, он [Павел Игнатьевич] пустил корни (перен.) за столом’; *Мылкыдмы бурдъяськиз* (Бадр. 2007) ‘Наше настроение окрылилось (перен.)’.

6. Глаголы с медиально-возвратной семой, что одновременно соответствует коннотативным признакам медиального и возвратного значений: *дышетскыны* ‘учиться’, *сётскыны* ‘сдаться’, *медъяськыны* ‘наняться’, *берытскыны* ‘превратиться’, *бушатскыны* ‘освободиться’ и др. Действие глагольных единиц выполняется на пользу субъекту, от этого возникает направленность действий на себя: *Калык өз сётскы тушмонлы* (Арх. 2005) ‘Народ не сдался врагу’; *Чош школаын дышетским* (Ар-Серги 1988) ‘В школе вместе учились’.

7. Глаголы, семантическое наполнение которых включает императивный смысл: *кылзйськыны* ‘слушать, следовать’. Как правило, данная лексема образует в предложении речевую конструкцию, состоящую из деепричастия и зависимых от него слов: *Кузёзылэсь кылзйськыса, люкаськемъёс кенос азе тубизы* (Емел. 2012) ‘Послушав хозяина, собравшиеся поднялись к амбару’ или: *Соослэсь кылзйськыса, Ушаков правлениын куинь куреглы требование гожтытйз* (Крас. 1976) ‘Послушав их, Ушаков в правлении вынудил выписать требование на трех куриц’.

8. Глаголы с безобъектным значением:

– глаголы с активно-безобъектной семой, обозначающие характерные субъекту свойства, проявляющиеся в способности совершать действие. Дополнительным признаком является отсутствие объекта в структуре отношений. Данная группа глаголов в научной литературе именуется также как

«абсолютивные возвратные конструкции» [Сай 2008].

Примерами активно-безобъектных единиц служат глаголы-дериваты зоонимов, посредством которых обозначается поведенческий код животного мира, к примеру, *лекаськыны* ‘бодаться’, *чыжаськыны* ‘лягаться’, *чабъяськыны* ‘царапаться’, *шепертійськыны* ‘нахохлиться’, *ураськыны* ‘грызться’, *пузкарьскыны* ‘рыться в песке (о птицах)’, *кокчаськыны* ‘клеваться’, *чоґиськыны* ‘вылупиться’ или свойства представителей флоры *пушнераськыны* ‘жалиться’ и др.: *Чоґи сиыку, пинальёслэн кымесазы пуньыен шуккыло: «Ошти лекаське!»* (Крас. 1976) ‘Когда едят «чоґи», ложкой ударяют по лбам детей: «Бычок бодается!»»; *Бадзым ош <...> азь пыдыныз чабъяське* (Самс. 1965) ‘Большой бык <...> передней ногой бьется об землю’; *Мукет скальёс но чыжаськыны, быжсынызы шонаны шотазы* (Самс. 1969) ‘И другие коровы начали лягаться и качать хвостом’;

– глагольные формы с пассивно-безобъектной семой, обозначающие свойства субъектов через действия, вызванные внешними условиями (причинами): *пальккаськыны* ‘расплескиваться’, *чигиськыны*, *тійяськыны* ‘ломаться’, *шонаськыны* ‘качаться’. В выражениях: *Но отын ву ярдурозь ик пальккаське* (Черн. 1989) ‘А там вода до берегов расплескивается’ и *Пуртсэ но кияз чигиськыса кылем ньёрзэ сэрпалтыса, корказ пыриз* (Нян. 1996) ‘Выкинув нож и сломанную в руках ветку, зашел домой’ расплескивание воды и разлом ветки оказываются вызванными внешними воздействиями. Побудителем в первом примере, возможно, служит ветер, во втором – антропогенный фактор.

9. Глаголы с семой автомативного, импульсивного действия, производимых субъектами самостоятельно по внутренним причинам. Настоящее семантическое значение единиц предполагает неодушевленность субъекта или выражение отдельной частью тела человека. Действие совершается как бы по себе: *Гурт пумысь пичи вырйылын эґоген бадзымесь андан машинаос адскизы* (Петр. 1948) ‘Вскоре на пригорке на окраине деревни показались большие стальные машины’; *Мыжыкъёсыз лосыр кырмиськизы, пиньёсыз эґикыр-р! куртчиськизы* (Пукр. 1997) ‘Кулаки с хрустом вцепились, зубы со скрипом вгрызлись’ или: *Ос каллен гинэ усътійськиз но, шулзэктэм тусо Сашко пыриз*

(Ар-Серги 1988) ‘Медленно открылась дверь и вошел побледневший Сашко’. Глаголы с семой автомативного действия финскими лингвистами рассматриваются как глаголы-автомативы [Bartens 2000: 288–289; Koivisto 1995: 263–312].

Ввиду того, что семантическое значение и грамматическое оформление глаголов-автомативов схоже с пассивными значениями, истинный смысл лексем зависит от контекстуального содержания ситуации. В ситуациях, выраженных пассивным глаголом, выражаются действия, совершаемые одушевленными лицами, а в структуре предложения используется косвенное дополнение. В предложениях с автомативными глаголами неодушевленный субъект действия зачастую не выражается, и поэтому логический объект, служащий одновременно подлежащим, рассматривается как производитель действия.

Количественная нагрузка глаголов разных лексико-семантических разрядов представлена в Таблице 3.

Таблица 3.

Частотность использования конструкций с глаголами медиального значения

Типы рефлексивных конструкций	Г. Медведев «Кыйкар бамын» (1934), (ед.)	Г. Красильников «Вуж юрт» (1976), (ед.)	Г. Перевощиков «Йыбыртты музейемлы» (1992), (ед.)	Общее количество (ед.)
Конструкции с глаголами медиального значения:	215	247	196	658
а) глаголы медиально-занятийной семантики, выражающие постоянно или в течение длительного времени длящееся	53	71	59	183

Типы рефлексивных конструкций	Г. Медведев «Кыйкар бамын» (1934), (ед.)	Г. Красильников «Вуж юрт» (1976), (ед.)	Г. Перовощиков «Йыбыртты музеймлы» (1992), (ед.)	Общее количество (ед.)
занятие людей				
б) глаголы с семой изменения пространственной локализации, направления движения субъекта	76	87	58	221
в) глаголы с семой выражения внутреннего качества субъекта, изменения его психофизиологического состояния (обретения или утери качества, свойства)	33	29	22	84
г) глаголы с семой начала действия, намерения, прекращения, фазовой характеристики глагольных действий	14	13	16	43
д) глаголы с семой наделения субъекта неким предметом или лишения его	8	3	9	20
е) глаголы с медиально-возвратной семой	4	4	9	17
ж) глаголы, семантическое наполнение которых включает императивный смысл	15	25	4	34
з) глаголы с безобъектным значением	5	6	5	16

Типы рефлексивных конструкций	Г. Медведев «Кыйкар бамын» (1934), (ед.)	Г. Красильников «Вуж юрт» (1976), (ед.)	Г. Перевощиков «Йыбыртты музеймлы» (1992), (ед.)	Общее количество (ед.)
и) глаголы с семой автомативного, импульсивного действия, производимых субъектами самостоятельно по внутренним причинам	7	9	14	30

3.3.3. Конструкции с глаголами реципрокного значения

Реципрокное значение возвратных глаголов основывается на глагольной диатезе, выражающей действия двух или нескольких лиц, являющихся объектами взаимных действий ($S_1=O_2$, $S_2=O_1$). Подобные отношения обозначают также как взаимные или взаимно-возвратные, что подчеркивается множественно-дистрибутивными агенсами (выраженными множественным числом существительных или однородными подлежащими – существительными в единственном числе): *Кытысь ке Кам йылысь зуч пи но Днепр дурьсь украинец одйг атайлэн пиосыз кадь эшъяськизы* (Петр. 1948) ‘Русский парень с верховьев Камы и украинец с берегов Днепра дружили будто сыновья одного отца’ или: *Урамысь адямиос ваньзы дырто кытчы ке, ог-огенызы шалтыр верасько тодмотэм кылын* (Ар-Серги 1988) ‘Все люди на улице спешат куда-то, друг с другом разговаривают на незнакомом языке’.

Принципиально важное значение имеет и выбор термина для наименования этого значения рефлексивного залога. Нельзя не согласиться с мнением В.П. Недялкова о том, что реципрок – это регулярно выражающая симметричное отношение между актантами ситуации, которую также можно назвать канонической реципрокальной ситуацией [Недялков 1991: 276–281]. Кроме того,

в лингвистике употребляются понятия «взаимный залог», «социатив», «кооператив».

Как отмечает Л. Теньер, «между возвратной диатезой и взаимной наблюдается сходство в том смысле, что и для той, и для другой характерна комбинация активного процесса и пассивного. Однако в случае рефлексива активный процесс, по крайней мере психологически, предшествует пассивному, поскольку очевидно, что нельзя получить удар, прежде чем он будет нанесен самому себе, в то время как в случае взаимной диатезы активный и пассивный процессы одновременны. Отсюда следует, что взаимная диатеза всегда может быть представлена только в форме множественного числа, поскольку речь идет о двух параллельных процессах, в то время как рефлексив может быть представлен и в форме единственного числа и в форме множественного числа в зависимости от того, идет ли речь об одном или нескольких актантах, которые направляют действие на самих себя» [Теньер 1988: 266]. Именно по этой причине следует различать рефлексивное значение залога во множественном числе и реципрок.

Социатив – это тип реципрокного значения рефлексива, обозначающий симметричное отношение между актантами с одной и той же семантической ролью [Недялков 1991: 277]. Симметричность отношений в данном случае может быть выражена через значения «совместно», «взаимосвязанно», «упорядоченно в пространстве или времени». Например, в выражении *Тани пумиськоз со* [Онтон] *агаеныз* (Самс. 1979) 'Вот встретится он [Онтон] со своим братом' симметричную роль выполняют Онтон и его старший брат, а именно представители родственных отношений «старший и младший брат». В выражении *Жытазе нош пумиськизы соос* [Яша но Тоня] (Самс. 1979) 'Вечером они [Яша и Тоня] снова встретились' представлен субъектный социатив.

Так, реципроком обозначается симметричное отношение между участниками с различными семантическими ролями, а социатив выражает симметричное отношение между актантами с одной и той же семантической ролью. Ввиду того, что реципрок и социатив в удмуртском языке близки по своим

значениям, на наш взгляд, целесообразнее рассматривать их в удмуртском языке во взаимосвязи под понятием «реципрок».

В удмуртском языке встречаются реципрокные конструкции, глагольная единица в которых используется в единственном числе: *Гадь тыр лулскыса, со* [Глаша] *Олексан пала берыктійськыз но, кизэ каллен гинэ лэзьыса, бордаз* ***зыгыртійськыз*** (Крас. 1962) 'Вздохнув полной грудью, она [Глаша] повернулась к Олексану и, плавно опустив руки, прижалась к нему'. Ср. *Немецъёс жеч мылкыдын люкиськызы Ларисаен* (Арх. 2005) 'Немцы доброжелательно расстались с Ларисой'. Предикаты-сказуемые, требующие двух сопряженных актантов, каждый из которых совершает одно и то же действие, принято называть симметричными [Дешериева 2021: 94].

Проанализировав глагольные формы с реципрокной семой в современном удмуртском языке, нами выделяются следующие семантические подтипы глаголов:

1. Глаголы физического действия: [Петя Макаров] *Галяен мыжгаськыны кутскизы* (Самс. 1965) '[Петя Макаров] с Галей начали биться кулаками'; *Пинальёс жугисько, лэся* (Бадр. 2007) 'По-моему, дети дерутся'; *Ма соиз чок, дунне вылын ялан зыгырьяськыса но чупаськыса гинэ уд улы* (Крас. 1962) 'Ну ладно с этим, на земле только обнимаясь и целуясь не проживешь'; *Миколэн Толя <...> суй комокен лэзяськыса шудыны кутскизы* (Самс. 1969) 'Толя с Колей начали играть, кидаясь комками земли'; *Пиос но нылъёс пыласько, шудо, вуэн пазясько* (Нян. 1996) 'Девочки и мальчики купаются, играют, водой брызгаются'.

2. Глаголы социального действия: *Нылыз но маиз но, вакчи визь, шедьтэм ведь кинэн кузьяськыны* (Блин. 1986) 'И дочь его неразумная («букв. короткий ум»), нашла ведь с кем сойтись'; *Гавриловен Лиана, парьяськемзы бере, городэ ик кылызы* (Вал. 1991) 'Гаврилов с Линой после того, как поженились, остались в городе'; *Нош пересьёс уг чыдо люкиськыны, капка азьысь жус вылын пуко* (Ар-Серги 1988) 'А старикам невмочь расстаться, сидят на лавке за воротами'; *Нырысь ик, Ижевскын пумисько Лариса но Георг* (Арх. 2005) 'В

первую очередь, Лариса и Георг встречаются в Ижевске»; *Асьме калыкъёс курадзьыкузы но, шумпотыкузы но валчясыкыны тыршо* (Черн. 1983) 'Наши народы и в горе, и в радости стараются объединиться'; *Пизы кулйз но, Гирой асьсэ гуртысьтызы ик палкышноен кушласькиз* (Крас. 1976) 'После смерти сына Гирой сошелся с одинокой женщиной из своей же деревни'.

3. Глаголы речи и вербального действия: *Котыр пуксиськом но вожен-вожен мадиськиськом, кин кызьы нуналзэ ортчйтйз* (Пукр. 1997) 'Садимся в круг и поочередно рассказываем, кто как провел день'; *Собере со* [Вишняк Георгий] *юаллясыкыны кутскиз пиез сярысь, нылыз но эместиез сярысь* (Арх. 2005) 'Потом он [Вишняк Георгий] начал расспрашивать про сына, дочь и зятя'; *Мон янгыш... Быгатод ке... – могъиз Лариса. – Вай бур кидэ! – жечьясыкызы соос* (Арх. 2005) 'Я виновата... Если сможешь... – запнулась Лариса. – Дай правую руку! – они поздоровались'; *Сиён сйя, – вазиз со* [Галина Кузьминична] *картэзлы но собере гинэ Павел Игнатъевичен жечбурьясыкиз* (Черн. 1989) 'Обед стынет, – обратилась она [Галина Кузьминична] к мужу и только после этого поздоровалась с Павлом Игнатъевичем'.

На первый взгляд возвратный глагол *вераське* 'разговаривает, говорит' в высказывании *Вераське Устинов* 'Говорит Устинов' тоже представляет глагол реципрокного значения. Но такой семантикой он обладает только в ситуациях, предполагающих коммуникацию нескольких лиц, например: *Та нылашен ми куинь час гинэ тодмо ай, нош вераськиськом вашкала эшьёс кадъ ини* (Ар-Серги 1988) 'С этой девушкой мы знакомы всего лишь всего три часа, но общаемся уже как давние друзья'. А в первом примере это отражает лишь однонаправленность речевой деятельности, что характерно монологическим текстам официально-делового стиля. Глагол обозначает не взаимовозвратное, а одностороннее действие.

В рамках изучения реципрокного значения рефлексивных конструкций отдельное внимание следует уделить ингерентным, ингерентно-контекстуальным и контекстуальным глаголам. Так, на основе актуальности / потенциальности реципрокальной семы для языков флективного и синтетического строя

В.Н. Картавец выделяет следующие группы глаголов [Картавец 2020], которые могут быть актуальны и для удмуртского языка:

а) ингерентные, или глаголы с присутствующей вне зависимости от контекста и типа структурной схемы реципрокной семой: *чупаськыны* ‘целоваться’, *ӱзыгыръяськыны* ‘обниматься’ и др.;

б) ингерентно-контекстуальные, или глаголы, выражающие реципрокное значение («полусимметричные» реципроки в терминологии Ю.П. Князева [Князев 2007]). Например, из грамматического оформления предложений *Тодматском, – шуыса, профессор Кирлоен ӱечьяськиз* (Медв. 1989) ‘Со словами «будем знакомы» профессор поздоровался с Кириллом’ или: *Георгий, небыт пальпотыса, ӱечьяськиз нылмуртэн* (Арх. 2005) ‘Георгий с легкой улыбкой поздоровался с девушкой’ следует, что совершаемое персонажами приветствие являет действие одностороннего характера. Это не означает, что Кирилл (в предл. 1) и девушка (в предл. 2) тоже приветствуют профессора (в предл. 1) и Георгия (в предл. 2). В этом случае субъектам *профессору* и *Георгию* приписывается большая активность, чем субъектам в следующих выражениях, где наблюдаются все признаки реципрокной ситуации: *Машина доры вуыса, Богданова тодмаз со веськырес мыйыко пиез, соос ӱечьяськизы* (Арх. 1984) ‘Дойдя до машины, Богданова узнала того стройного усатого парня, они поздоровались’ или: *Валериен Ольга ӱечьясько* (Бадр. 2007) ‘Валерий с Ольгой здороваются’. Показателем служит множественная форма подлежащего и глагольных единиц;

в) контекстуальные, или глаголы, реализующие взаимность действий при условии наличия в контексте специальных лексических маркеров, усиливающих степень взаимности действий: *куспазы* ‘между’, *ог-огмы, ог-огды, ог-огзы (шоры)* ‘друг (на) друга’, *ваче* ‘с ним вместе, вдвоем’. Например, *Нырыз йылсаськемын, кынмеменыз мугорыз дырекъя, пиньёсыз ваче йыгасько* (Крас. 1971) ‘Нос заострен, от холода тело (его) дрожит, зубы между собой стучат’; *Ӧс дорын воргоронъёс чильым ӱындо, кусказы верасько* (Самс. 1965) ‘Мужчины у двери курят трубку, беседуют между собой’; *Озыы соос кусказы герӱаськизы* (Гавр.-Реш. 2005) ‘Так они между собой (друг с другом) связались’; *Ог-огзы шоры*

кесясько, сяласько, мыжгаськем-чыжаськем каро но ог-огзы шоры маин шедем зйръясько (Ар-Серги 2003) ‘Друг на друга ругаются, плюются, дерутся-пинаются и кидаются друг в друга тем, что под руку попадетя’; *Куаръёс* <...> *оло толэзьлэсь азвесьсэ куспазы люко*, *оло ог-огзы азын чеберенызы ушьясько*, *лэся* (Крас. 1953) ‘Листья не то делят между собой лунное серебро, не то хвастаются друг перед другом своей красотой’.

На основе приведенных примеров можно заметить, что все глагольные формы в своем лексическом значении имеют сему взаимности, на основании чего они объединяются в класс реципрокных единиц. С точки зрения уровневой организации системы языка «ингерентные» и «ингерентно-контекстуальные» классы включают средства, выражающие взаимность действий морфологическим способом. Выражение реципрокности глаголами «контекстуального» класса расширено синтаксическим способом.

Количественная нагрузка различных лексико-семантических групп глаголов реципрокного значения представлена в Таблице 4.

Таблица 4.

Частотность использования конструкций с глаголами реципрокного значения

Типы рефлексивных конструкций	Г. Медведев «Кыйкар бамын» (1934), (ед.)	Г. Красильников «Вуж юрт» (1976), (ед.)	Г. Перовошико в «Йыбыртты музьемлы» (1992), (ед.)	Общее количество (ед.)
Конструкции с глаголами реципрокного значения:	102	111	119	332 (17,4%)
а) глаголы физического действия	26	32	48	106
б) глаголы социального действия	20	12	18	50
в) глаголы речи и	56	67	53	176

Типы рефлексивных конструкций	Г. Медведев «Кыйкар бамын» (1934), (ед.)	Г. Красильников «Вуж юрт» (1976), (ед.)	Г. Перевощиков в «Йыбыртты музеймлы» (1992), (ед.)	Общее количество (ед.)
вербального действия				

3.3.4. Конструкции с глаголами имперсонального значения

Имперсональное значение возвратного залога в удмуртском языке, аналогично коми языку, основывается на рецессивной диатезе: Агент |↔|.

Рецессивная диатеза (иначе безличный пассив) обозначает действие, при котором, с одной стороны, число валентностей глагола уменьшается на единицу. Например, двухвалентные и одновалентные в норме глаголы могут употребляться как одно- и нуль-валентные [Теньер 1988]. Другой отличительной особенностью имперсонального значения является отсутствие в предложении подлежащего, выраженного формой номинатива. Действие глагола совершается как бы произвольно, имманентно, по не зависящим от носителя действия причинам внешнего характера. Настоящие вербальные конструкции не имеют указания ни на источник действия, его иницирующего, ни на объект действия [Цыпанов 2002: 337].

По мнению коми исследователя Е.А. Цыпанова, исследуемые конструкции в коми языке могли возникнуть на основе влияния грамматики русского языка. Как отмечает лингвист, на это указывает отсутствие имперсонального значения в грамматическом строе удмуртского и марийского языков [Цыпанов 2002: 336].

Опираясь на тексты художественных произведений литературы и периодических изданий на удмуртском языке, мы также уже можем говорить о функционировании имперсонального значения в литературном удмуртском языке. Очевидно, развивается оно так же, как и в коми языке, под влиянием грамматической составляющей русского языка. Приведем примеры: *Улйськыз ук, номыре адзъитэк* (Крас. 1991) ‘Жилось ведь, ничего не видя’; *Жадеменым озьы*

кылійське ни, дыр, – ассэ ачиз буйгатійз Дима (Загр. 1997) ‘От усталости так слышится, наверное, – успокоил себя Дима’; *Эх, оломае но адзиськиз, чидаськиз ведь* (Ар-Серги 1988) ‘Эх, всего навидались и натерпелись’.

Важно также подчеркнуть, что носитель действия в конструкциях с глаголом имперсонального значения чаще не обозначается, но его можно определить из контекста. Данная тип конструкций имеет самую низкую дистрибутивную нагрузку среди остальных типов рефлексивных конструкций (см. Таблицу 5).

3.3.5. Конструкции с глаголами пассивного значения

Одним из семантических значений суффикса возвратного залога глагола в удмуртском языке служит пассивное значение, которое в ранних трудах по удмуртскому языкознанию рассматривалось в качестве отдельного залога, затем – страдательным [Алатырев 1983: 582; МУЯ 2011: 218; Ушаков 1982: 95–96] или страдательно-возвратным значением возвратного залога [Коткова 1993: 26].

Близкое определение пассивного залога приводится и в лингвистических словарях: «Пассив – то же, что залог страдательный: *Пассивный* 1. Относящийся к страдательному залогу, характеризующийся формальными и семантическими свойствами страдательного залога, входящий в парадигму страдательного залога. 2. Содержащий форму страдательного залога; такой, в котором подлежащее обозначает не деятеля, а объект действия, выраженного сказуемым» [Ахманова 1966: 314].

Как и в других языках, пассивная семантика рефлексивного глагола в удмуртском языке основывается на пассивной диатезе: O←, где объект подвергается действиям со стороны субъекта. Чаще всего глаголы употребляются в формах 3-го лица единственного и множественного числа. Субъект предложения, выражаемый формой творительного падежа (т.е. дополнением), трактуется как семантическая категория, обобщающая различные репрезентации источника или носителя действия. Объект действия выражается существительным

в номинативе (т.е. подлежащим) и обобщает различные представления того участника ситуации, на которого направлено действие.

«Пассивная диатеза имеет место, когда первый актант претерпевает действие, производимое другим актантом. Таким образом, пассивная диатеза обратна активной, поскольку переход действия в пассивной диатезе представляется происходящим в обратном направлении: первый актант, от которого исходит действие в активной диатезе, в пассивной оказывается, наоборот, его конечной точкой» [Теньер 1988: 257].

Рассмотрим на примере. *Дышетісь лекція лыд́зе* ‘Учитель читает лекцию’ – активная конструкция: *дышетісь* – подлежащее – субъект; *лыд́зе* – глагольная форма активного залога; *лекція* – прямое дополнение, выраженное формой винительного падежа – объект. Приведенной конструкции соответствует пассивная конструкция *Лекція дышетісен лыд́зиське* ‘Лекция читается учителем’, где *лекція* – подлежащее – объект; *лыд́зиське* – глагольная форма возвратного залога; *дышетісен* – агентивное дополнение, выраженное формой творительного падежа – субъект.

В предложениях с рефлексивным залогом пассивного значения, как отмечает С.Д. Кацнельсон, выражаются скрытые грамматические категории [Кацнельсон 2009: 83]. К примеру, формальная структура выражений *Культура вань калыкъёсын кылдытійське* ‘Культура создается народами’ и *Шуръёс чыписько адями киосын* ‘Реки запруживаются людскими руками’ совпадает. Но в содержательном и семантическом аспекте структуры этих выражений расходятся. Обнаруживается отличие в лексическом наполнении форм творительного падежа. *Калыкъёс* и *адями киос* – это номинативы с разными категориальными признаками. *Калыкъёс* относится к разряду номинативов со значением исторической общности людей и социальных общностей. *Киос* относится к номинативам, обозначающим инструменталь со значением подчиняющегося субъекту неотчуждаемого предмета. Поскольку *калыкъёс* – это лицо, то творительный падеж лица в сочетании с пассивным глаголом однозначно разъясняется как обозначение агенса. Творительный падеж в случае с *киос*

выражает орудийность или инструментальность. Скрытые категориальные признаки, таким образом, выступают как различители инструментальности и агентивности. Представляют интерес и использующиеся в выражениях предикаты. Так, глаголы *кылдытйське* и *чытйське* имеют однородное семантическое значение образования, создания, основания чего-либо. Но использование предиката *чытйське* ограничивается значением «запрудить, прудить, загоразивать».

В отличие от индоевропейских языков, в финно-угорских языках пассивным значением чаще всего обладает только то действие, производителем которого является одушевленное лицо (человек). На материале произведений удмуртских авторов можно выявить, что в исследуемом языке в рефлексивных конструкциях, содержащих в своей структуре глаголы с пассивным значением, производитель действия чаще всего отсутствует, но его легко восстановить из рассматриваемого контекста: *Котькуд культура план нимысьтыз сётйське ук* (Черн. 1989) ‘По каждой культуре выдается отдельный план’; – *Сыче ужъёс, младшой сержант, лэсьтйсько командая* (Ар-Серги 1988) ‘Такие дела, младший сержант, совершаются по команде’. Очевидно, что в данных выражениях производителями действий в отношении плана по культуре (в предл. 1) и дел (в предл. 2) является определенная группа людей.

Использование бессубъектных пассивных конструкций представляется в том, чтобы «обозначить только само действие, не указывая на действующее лицо» [Тагиль 2002: 81]. Это говорит о том, что из субъектно-объектных отношений, выраженных некой деятельностью, «устраняется» один из участников действия. В терминологии В.А. Плуногяна такое свойство пассивных конструкций со значением пассивной деятельности субъекта носит название «понижающей деривации» [Плуногян 2003: 212–214]. Из этого следует, что причинами, сопутствующими появлению и успешному функционированию безличных пассивных конструкций в языках, могут быть не только отсутствие желания конкретизировать субъекта действия, но и экономия усилий говорящего или нежелание делиться информацией [Михайлова 2007: 126]. Как подтверждает Л.Л. Буланин, двучленная пассивная конструкция без члена предложения,

выражающего субъекта действия, является наиболее распространенной [Буланин 1976].

И, хотя, на современном этапе развития грамматического строя удмуртского языка пассивный залог как отдельная грамматическая категория глагола официально не выделяется, уже можно утверждать о расширении пассивных значений. Связано это с частым использованием глаголов пассивного значения в текстах официально-делового стиля и в материалах, переведенных с русского языка на удмуртский [МУЯ 2011: 218], или, как замечает Г.А. Ушаков, «в большинстве случаев в текстах, созданных по аналогии с русским языком [Ушаков 1986: 113–114].

Финский исследователь Р. Бартенс также указывает на использование в удмуртском языке пассивного значения с помощью рефлексивных глаголов: *Refleksiivijohtimille tyypilliseen tapaan udmurtinkin šk-johdin voi saada passiivijohtimen funktion: badzym no piči bukvaos guć kylyn gožjan praviloosja ik gožtiško* ‘isot ja pienet kirjaimet kirjoitetaan venäjän kielen kirjoitussääntöjen mukaan’ (*gožtiškyny – gožtyny* ‘kirjoittaa). Passiivilause on agentiton. 1962 tosin esittää agentillisiakin passiivilauseita, joissa agentti on merkitty instrumen- taalisijaiseksi, mutta tällaiset passiivilauseet ovat tyypillistä käännöskieltä, venäjän passiivilauseen mallin mukaisia: *Avtonomnoj respublikalen Verhovnoj Sovetěz graždanjosyn nyl arly byrjiške* ‘Autonomisen tasavallan Korkeimman Neuvoston valitsevat kansalaiset neljäksi vuodeksi’¹¹ [Bartens 2000: 284].

---

¹¹ Как это типично для рефлексивных суффиксов, морфологический маркер *-ськ(ы)-* может участвовать в выражении пассивного значения: *badzym no piči bukvaos žuč kylyn gožsjan praviloosja ik gožtišsko* ‘прописные и строчные буквы пишутся в соответствии с правилами правописания русского языка’. В пассивной конструкции указание на агент чаще всего отсутствует. Согласно Грамматике 1962-го года, в пассивных конструкциях может быть указан агент, морфологически маркированный падежом инструменталь: автономной республикалэн Верховной Советэз гражданёсын ньыль арлы бырйишке ‘Верховный Совет автономной республики избирается гражданами на четыре года’.

Основными структурными типами конструкций с глаголами пассивного значения являются двучленные и трехчленные. Двучленные пассивные конструкции содержат в своем составе сказуемое и дополнение: *Татын виль шахта лэсьтійське, нокыёе юртъёс уг адъисько* (Пукр. 1997) ‘Здесь новая шахта строится, никаких домов не видно’; *Шуо, социализмын котькинлы но ужамезъя сётійське* (Пукр. 1997) ‘Говорят, в социализме каждому по его работе дается’. Трехчленные пассивные конструкции содержат в своем составе сказуемое, подлежащее и дополнение, например: *Соиз валамон ини, шуръёс чыписько адыми киосын, корабльёс кылдо адыми визьмын, книгаос гождтійсько адыми сьолмын – котькытын адыми* (Вал. 2004) ‘Это понятно, реки запруживаются людскими руками, корабли создаются людскими умами, книги пишутся людскими сердцами – на каждом шагу человек’.

На основе анализа лингвистических материалов можно сделать вывод, что наиболее распространенный тип пассивных конструкций речи – двучленный. Сферой их применения является преимущественно письменная речь – научная и официально-деловая. Это проявляется, прежде всего, в языке средств массовой информации, в публицистике: *Куназьмурт луыны мылкыд карисьёс кинюртэмъёс люканы кутскизы Ижкарын но. Ужрад кызьы но кытын нуиське?* (Иворъёс) ‘Кандидаты на должность Главы начали сбор подписей. Где и как ведется этот порядок?’; *19-тій августозь шаерамы радъяське «Беги за мной» чошатскон* (УД 2021: 1) ‘Марафон «Беги за мной» в республике продлится до 19-го августа’ и др.

Важно подчеркнуть, что использование пассивных конструкций чаще всего характерно для языка научных, научно-методических изданий. В качестве подлежащего в предложениях чаще используются неодушевленные существительные, в предложении также встречаются обстоятельства места: *Инъет луйсь но выліі уровенен ужъёсты быдэстыны 45 минутэн сётійське. Ужамез дунъяку, котькуд шонер сётэм валэктонлы балл йылтыны сётійське* (Бус. 2020: 5) ‘На выполнение упражнений базового и повышенного уровня сложности выделяется 45 минут. При оценивании работы за каждый правильный ответ дается балл’ и др.

Как уже отмечалось выше, в состав «Удмуртско-русского словаря» (2008) включено 863 единиц рефлексивного залога, что составляет 1,7 % от общего количества словарных статей. Среди них количество глаголов рефлексивного значения насчитывает около 357 единиц, медиальных – 471 и реципрокных – 35. Но надо заметить, что подсчеты являются условными ввиду того, что истинное значение вербальных единиц рефлексивного залога определяются условиями контекста. Вычислить объем рефлексивных глаголов имперсонального и пассивного значения представляется невозможным по той причине, что они обуславливаются условиями синтаксической организации предложения.

С целью выявления дистрибутивной нагрузки каждого из указанных типов рефлексивных залоговых конструкций удмуртского глагола методом сплошной выборки мы проанализировали произведения Г. Медведева «Кыйкар бамын» (1934), Г. Красильников «Вуж юрт» (1976), Г. Перевощикова «Йыбыртты музеймы» (1992). Выбор авторов продиктован тем, что они представляют разные периоды развития удмуртского языка, а также являются представителями разных диалектных зон.

Используя метод количественного анализа, было выявлено, что наибольшей частотностью обладают конструкции с глаголами медиальной семы (34,5%); на втором месте расположились конструкции с глаголами рефлексивной семы (30,1%). Конструкции, содержащие в своей структуре глаголы реципрокного значения, составляют 17,4% от исследуемого корпуса примеров. Конструкции с глаголами пассивного значения составляют 16%. Здесь важно заметить, что два произведения из трех по своему жанру являются классикой социалистического реализма, где, несомненно, встречается больше конструкций с пассивным значением. И наименьшей дистрибутивной нагрузкой обладают конструкции, содержащие в структуре глаголы имперсонального значения (2,0%). Результаты исследования представлены в Таблице 5.

Частотность использования рефлексивных конструкций удмуртского глагола

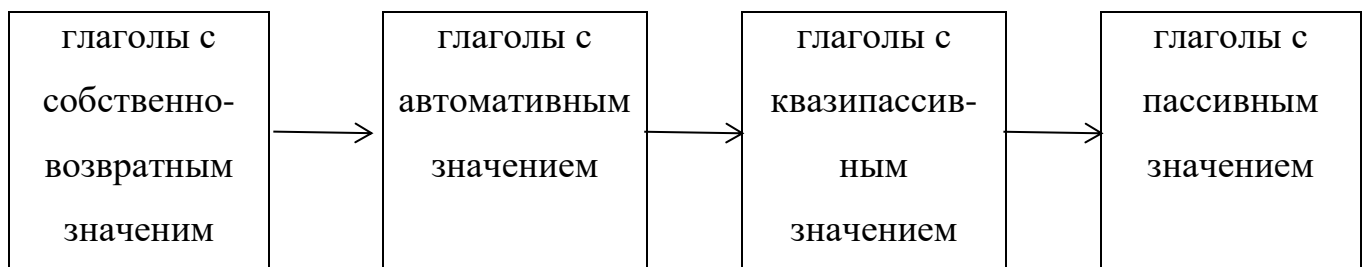
Типы рефлексивных конструкций	Г. Медведев «Кыйкар бамын» (1934), (ед.)	Г. Красильников «Вуж юрт» (1976), (ед.)	Г. Перевощико в «Йыбыртты музеймлы» (1992), (ед.)	Общее количество (ед. / %)
Конструкции с глаголами рефлексивного значения	232	172	169	573 (30,1%)
Конструкции с глаголами медиального значения	215	247	196	658 (34,5%)
Конструкции с глаголами реципрокного значения	102	111	119	332 (17,4%)
Конструкции с глаголами имперсонального значения	14	12	12	38 (2,0%)
Конструкции с глаголами пассивного значения	78	106	119	303 (16,0%)
	782	563	559	1904

Рассматривая функционирование рефлексивных конструкций в удмуртском языке, важно подчеркнуть, что их количественное соотношение будет иметь разные показатели в зависимости: а) от жанрового своеобразия текста; б) от исторического этапа развития удмуртского языка. Как подчеркивает финский исследователь В. Койвисто, любое развитие рефлексивных значений глагола – это долгий исторический процесс, который можно проследить на основе синхронических процессов в морфологии и семантике языка: «Refleksiivien historiallista kehityslinjoja joutuu tutkimaan niiden synkronisen ja sematiikan

perusteella¹² [Koivisto 1995: 316]. Рассматривая исторический путь развития семантических значений рефлексивных глаголов прибалтийско-финских языков, ученый выделяет следующие линии развития (см. Схему 1).

Схема 1.

Развитие семантических значений рефлексивных глаголов (см. [Koivisto 1995: 320]).

На основе анализа лингвистических данных удмуртского языка, можно предположить, что близкий к предложенному финским исследователем В. Койвисто путь трансформаций значений рефлексивных глаголов от собственно-возвратных к пассивным значения характерен и для удмуртских глаголов. Но решение этого вопроса требует специальных научных исследований в диахроническом аспекте, что может стать перспективой дальнейших исследований в изучении теории залога и залоговых конструкций.

¹² Исторические линии развития рефлексивных значений следует изучать на основе их синхронности и семантики.

Выводы по главе 3

Рефлексивным залогом в удмуртском языке обозначается тип субъектно-объектных отношений, в котором выражаются различные отношения действий к его субъекту или объекту. Логические субъект и объект глагольного действия при этом совпадают. Морфологическим маркером обозначения рефлексивного залога в литературном удмуртском языке является маркер *-ск(ы)- / -ськ(ы)-*. В диалектах представлен целый ряд суффиксов с различной огласовкой. Помимо формообразующего значения данный суффикс может выражать деривационное значение. Так, при помощи суффикса *-ськ(ы)-* вербализуются именные части речи.

Происхождение форманта рефлексивного залога трактуется с разных точек зрения. Некоторыми лингвистами отмечается общепермское (В.И. Лыткин), другими – общефинно-угорское (Й. Синнеи, Б.А. Серебренников) и уральское (Т. Лехтисало) происхождение аффикса, который, по мнению исследователей, мог включать в себя значения многократности и длительности.

По принципу дифференциации залоговых значений глаголов, а также с учетом признаков отношения дискретность / недискретность субъекта и объекта действия нами выделяются следующие типы рефлексивных залоговых конструкций удмуртского глагола, содержащие в своей структуре глаголы с:

а) рефлексивным значением, которые могут быть представлены группами тотально-рефлексивных, парциально-рефлексивных и побочно-рефлексивных глаголов;

б) медиальным значением. В этом случае форма глагола указывает на произведенное субъектом действие в его пользу и в его интересах;

в) реципрокным значением, с помощью которых выражается действие двух или нескольких лиц, являющихся объектами взаимных действий;

г) имперсональным значением. В предложениях с глаголами имперсонального значения выражается непроизвольное, имманентное действие, не зависящее от носителя действия и причин внешнего характера;

д) пассивным значением. В этом случае объект действия, выраженный существительным в номинативе, подвергается действиям со стороны субъекта, выраженного формой творительного падежа.

Как видно из лексико-семантической классификации глаголов рефлексивного залога, к рефлексивному залогу отнесены выделяемые ранее в качестве самостоятельных категорий глаголы страдательно-возвратного и страдательного залога. Основанием для объединения в общую группу является то, что границы между возвратными и страдательными глаголами оказываются размытыми по причине приобретения залоговости от общего формального признака, суффиксов *-ськ(ы)* / *-ск(ы)*-, *-иськ(ы)* / *-йськ(ы)*-. Кроме того, было выявлено, что высказывания со страдательными и пассивными конструкциями для разговорной речи не типичны, а возникающие в последнее время в литературе, средствах массовой печати и текстах официально-делового стиля пассивные конструкции являются результатом влияния русского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение функционирования глагольных единиц и грамматических глагольных категорий в языкознании представляет собой одну из сложных и актуальных для решения задач языкознания, поскольку данная часть речи играет важную роль в коммуникативном пространстве.

Основы изучения залоговых форм были заложены древнеиндийскими, древнегреческими, римскими грамматистами. Однако в отдельную категорию, обладающую лексико-грамматическими признаками, исследуемые формы впервые выделены в работе «Грамматика Славенския правильное Синтагма, потщанием многогрешного мниха Мелетия Смотрицкого» (1648). Новую точку зрения в изучение категории залога внес М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» (1755).

Исследования XIX в. характеризуется тенденцией к уточнению лексико-грамматического содержания понятия *залог* по типу отношения действия к объекту. Определенный вклад в исследование вопроса внесли А.Х. Востоков, И.П. Мучник, Г.П. Павский, Ф.И. Буслаев, Н.П. Некрасов, А.В. Попов и др.

В XX в. вопросы изучения категории залога отражены в трудах Ф.Ф. Фортунатова, С.О. Карцевского, В.К. Поржезинского, Г. Суита, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, А.А. Потебни, А.А. Шахматова, С.П. Обнорского, А.В. Бондарко, Л.Л. Буланина В.В. Виноградова и др.

Отдельного внимания требует универсально-типологическая концепция залогов и диатез, на базе которой осуществляется описание залоговых конструкций. Автором универсальной теории залога является А.А. Холодович, который впервые освещает сущность залога как морфологической категории в ее соотношении с синтаксическими и семантическими уровнями языка. Данные подходы отражены и в исследованиях современных авторов.

В истории изучения категории залога в удмуртском языкознании, насчитывающей более чем двухвековую историю своего развития, выделяются три этапа:

а) первый этап (со второй половины XVIII века по 1851-й г.) характеризуется определением терминологии для залоговых форм, а также попыткой выявить их грамматическое выражение.

б) для второго этапа (с 1851 г. по 1957 г.) характерно более пристальное внимание к семантической стороне языковых явлений, а также к разработке терминологии на удмуртском языке;

в) на третьем этапе (с 1957 г. по настоящее время) при изучении грамматической категории доминирует структурно-семантический принцип, предусматривающий равное внимание к структуре и семантике единицы. Важную роль здесь играет труд В.И. Лыткина «Понудительный залог в пермских языках» (1957), в котором формулируются основные критерии выделения понудительного залога, определяется содержание термина «залог».

На основе анализа лингвистических данных, собранных из литературного удмуртского языка, было выявлено, что в исследуемом языке категория залога, обладающая морфологическими, синтаксическими и семантическими признаками, представлена системой бинарных оппозиций каузативного – некаузативного, рефлексивного – нерефлексивного залогов, каждый из которых имеет свое грамматическое выражение.

Морфологическим показателем категории каузативности в литературном языке является суффикс *-m(ы)*-. Этимология данного показателя, наделяющего глагольные основы значением понуждения, восходит к прафинно-угорским языкам, на что указывают имеющиеся аналоги маркера каузативности в других финно-угорских языках. Нами приводятся основные характеристики категории каузативного залога, среди которых отмечаются следующие: возможность образования от транзитивных и интранзитивных, рефлексивных основ, единиц с формантами категории притворного действия, способность глагольной основы

выражать вторичную (двойную) форму понудительности при помощи редупликации морфемы каузатива.

Структурными элементами каузативных конструкций в удмуртском языке являются каузатор (инициатор действия), агенс (одушевленный актант принуждения), перцептив (одушевленный актант воздействия) или объектив (неодушевленный актант воздействия). В зависимости от наличия / отсутствия указанных актантов каузативной ситуации, в литературном удмуртском языке выделяется шесть типов каузативных конструкций: однообъектно-двусубъектные, однообъектно-односубъектные, однообъектно-бессубъектные, безобъектно-двусубъектные, безобъектно-односубъектные, безобъектно-бессубъектные.

Морфологическими показателями категории рефлексивного залога в литературном языке являются суффиксы *-ськ(ы)-*, *-ск(ы)-*, *-иськ(ы)-*, *-йськ(ы)-*, которые, в зависимости от диалектных особенностей, могут иметь иную огласовку. Глагольные единицы, маркированные показателями рефлексивности, участвуют в реализации рефлексивных конструкций, в структуре которых используются глаголы с рефлексивным, медиальным, реципрокным, имперсональным, пассивным значениями. Для каждого типа конструкций характерны свои лексико-семантические группы глаголов.

На основе анализа лингвистических данных было выявлено, что категория залога в удмуртском языке вступает в межкатегориальные связи с аспектуальностью, темпоральностью, таксисом, модально-бытийными (объективная и субъективная модальность) отношениями, залоговостью, персональностью.

Интересно отметить, что в составе «Удмуртско-русского словаря» (2008) содержится около 729 вербальных единиц каузативного, что составляет 1,5 % от общего количества словарных статей словаря, и 863 единиц рефлексивного залога, что составляет 1,7 %. Количество рефлексивных глаголов рефлексивного значения насчитывает около 357 единиц, медиальных – 471 и реципрокных – 35. Но надо заметить, что подсчеты являются условными ввиду того, что истинное значение вербальных единиц рефлексивного залога определяются условиями

контекста. Вычислить объем рефлексивных глаголов имперсонального и пассивного значения представляется невозможным по той причине, что они обуславливаются условиями синтаксической организации высказываний.

Таки образом, в результате проведенного исследования впервые в истории удмуртского языкознания:

а) описаны каузативные и рефлексивные конструкции в литературном удмуртском языке;

б) обобщена и систематизирована история изучения глагольной категории залога в отечественном и удмуртском языкознании;

в) проведена попытка разграничения принципов словообразовательных, формообразующих и контекстуально-обусловленных функций форманта каузативного залога;

г) определены и описаны морфологические показатели, включая диалектные корреспонденции, и семантические значения категории каузативности и рефлексивности;

д) изучены лексико-семантические группы глаголов, участвующих в формировании рефлексивных конструкций; среди рефлексивов реципрокного значения впервые выделяется социатив, обозначающий симметричное взаимоотношение актантов с симметричными семантическими ролями;

е) определены условия и особенности функционирования рефлексивных конструкций с глаголом пассивного значения;

ж) выявлены основные межкатегориальные связи категории залога.

Полученные результаты диссертационного исследования позволяют наметить некоторые перспективы дальнейшего изучения глагольной категории залога в удмуртском языке. Материалы и выводы текущей работы могут служить частью теоретической и практической основы для дальнейших научных изысканий. Последующие исследования залоговости могут быть продолжены в аспекте выявления межкатегориальных связей с другими грамматическими категориями, а также в рамках изучения вопросов грамматической синонимии каузативных и рефлексивных конструкций.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- бавл. – бавлинский говор
 бт. – буйско-танпыпский говор
 букв. – буквально
 в. – век
 венг. – венгерский язык
 виж. – верхнеижский говор
 вч. – верхнечепецкий говор
 гл. – глазовский говор
 грах. – граховский говор
 диал. – диалектный
 др. – другие
 к. – коми язык
 кез. – кезский говор
 кз. – коми-зырянский язык
 кукм. – кукморский говор
 кыр. – кырыкмасский говор
 литер. – литературный вариант
 мар. – марийский язык
 мд. – мордовский язык
 мс. – мансийский язык
 нылг. – нылгинский говор
 нч. – нижнечепецкий говор
 нылг. – нылгинский говор
 с. – саамский язык
 сев. – северный говор
 северолапл. – северолапландский

см. – смотри

ср. – сравни

сред. – срединное наречие

сч. – среднечепецкий говор

сриж. – среднеижский говор

тат. – татарский язык

татш. – татышлинский говор

т.д. – так далее

т.е. – то есть

узб. – узбекский язык

удм. – удмуртский язык

фин. – финский язык

ф.-у. – финно-угорский праязык

хантыйск. – хантыйский язык

эрз. – эрзянский язык

юж. – южный говор

Ag – агенс, агентив

Ca – каузатор

Ob – объектив

Pt – пациенс, пациентив

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ар-Серги 1988 = Ар-Серги В. Лыдья, лыдья, кикые: повестьёс, веросьёс / В. Ар-Серги. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 212 с.
2. Ар-Серги 1993 = Ар-Серги В. Тулкымъёс вылын – пыжед: повесть, веросьёс, кылбуръёс / В. Ар-Серги. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 223 с.
3. Ар-Серги 2003 = Ар-Серги В. Ноктюрен: веросьёс / В. Ар-Серги. – Ижевск: Удмуртия, 2003. – 304 с.
4. Ар-Серги 2005 = Ар-Серги В. Пичи пи но Полкан: повесть / В. Ар-Серги. – Ижкар: Ижевская республиканская типография, 2005. – 102 с.
5. Арх. 1963 = Архипов Т.А. Адымилэн чеберез: роман / Т.А. Архипов. – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1963. – 288 с.
6. Арх. 1984 = Архипов Т.А. Вормы астэ ачид: повесть / Т.А. Архипов. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 276 с.
7. Арх. 1985 = Архипов Т.А. Лудзи шур дурын: роман-диалогия / Т.А. Архипов. – Устинов: Удмуртия, 1985. – 522 с.
8. Арх. 2005 = Архипов Т.А. Ортчеменыз пумиськон: повесть, веросьёс / Т.А. Архипов. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 280 с.
9. Бадр. 2007 = Бадретдинов У.Ш. Ёушъял вордйське веньёстэк: повестьёс, веросьёс, пьесаос / У.Ш. Бадретдинов. – Ижевск: Удмуртия, 2007. – 248 с.
10. Байт. 1980 = Байтеряков Н.С. Куинь кызыпуос улын: веросьёс / Н.С. Байтеряков. – Ижевск: Удмуртия, 1980. – 59 с.
11. Блин. 1986 = Блинов П. А. Улэм потэ: роман / П.А. Блинов. – Устинов: Удмуртия, 1986. – 168 с.
12. Бус. 2020 = Бусыгина Л.В. Эскерон-дуньян ужъёс. Удмурт литература. 10-тй класс: Методикая пособие / Л.В. Бусыгина. – Ижевск: Удмуртия, 2020. – 56 с.

13. Вал. 2004 = Валишин Р.Г. Тӧл гурезь: повесть, веросьёс, дневникысь люкетъёс, статья: [для среднего и старшего школьного возраста] / Р.Г. Валишин; [послесл. А. С. Зуевой-Измайловой]. – Ижевск: Удмуртия, 2004. – 352 с.
14. Вас. 1995 = Васильев Ф.И. Кылбуръёс / Ф.И. Васильев; [люказ, поттыны дасяз, азыкыл, валэктонъёс гожтӥз Алексей Ермолаев]. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 847 с.
15. Векш. 2014 = Векшина М.М. Сюресчиос; Борддоръёс: веросьёс / М.М. Векшина // Кенеш. – 2014. – № 1. – С. 40–47.
16. ВД 1989 = Выль дунне. Удмурт верос: Антология. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – 368 с.
17. Гавр. 1982 = Гаврилов И.Г. Вордӥськем пальёсын: роман-трилогия / И.Г. Гаврилов. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 734 с.
18. Гавр. 1986 = Гаврилов И.Г. Люкам сочинениос. Куинь томен. – Устинов: Удмуртия, 1986. – Т. 1. – 495 с.
19. Гавр.-Реш. 2005= Гаврилова-Решитько М.В. Эшъяськонлэн шунытэз: очеркъёс, тодэ ваёнъёс / М. Гаврилова-Решитько. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 224 с.
20. Гряз. 1996 = Грязев Г.Г. Кирень куректон: очеркъёс, повестьёс / Г.Г. Грязев. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 280 с.
21. Дан. 1991 = Данилов Г.Д. Кырӥзэ кырӥзан; Пинал мылкыд – юмал йӧлпыд: повестьёс / Г.Д. Данилов. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 313 с.
22. Держ. 2014 = Державина М. Машина «миськизы»: серемес веросьёс / М. Державина // Кенеш. – 2014. – № 1. – С. 94–101.
23. Емел. 2012 = Емельянов К.В. Кулак кен: кузьмадӥс / К.В. Емельянов // Кенеш. – 2012. – № 1. – С. 10–32.
24. Ерм. 2016 = Ермолаев А.А. Удмурт литература но сое кылдытӥсьёс / А.А. Ермолаев. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2016. – 544 с.
25. Загр. 1997 = Загребин Е.Е. Тулыс зор: пьесаос, веросьёс: [для среднего и старшего школьного возраста] / Е.Е. Загребин. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 416 с.

26. Загр. 2004 = Загребин Е.Е. Яратонэ тон, вожанэ...: веросьёс, очеркъёс, пьесаос / Е.Е. Загребин. – Ижевск: Удмуртия, 2004. – 431 с.
27. Зак. Бож. 1912 = Закон божий: Книжка с картинками для маленьких детей. На вотском языке глазовского наречия, 1912. – Режим доступа: <http://lingvodoc.ispras.ru/> (дата обращения: 22.12.2021)
28. Зах. 2000 = Захаров П.М. Эбга: кык действиен эпической трагедия / П.М. Захаров. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 224 с.
29. Ёеч кыльёс 1891 = Наставление христианское святителя Тихона: Святой Тихонлэн ёечлы дышетэм кыльёсыз: на вотском языке. – Казань: Изд. Православ. миссионер. о-ва, 1891.
30. Кедра 1929 = Кедра М. Секыт зйбет: роман / М. Кедра. – Ижевск: Удкнига, 1929. – 227 с.
31. Клаб. 1983 = Клабуков А.Н. Палбам: повесть / А.Н. Клабуков. – Ижевск: Удмуртия, 1983. – 70 с.
32. Кон. 1990 = Коновалов М.А. Гаян: проза: [романъёс но веросьёс] / М.А. Коновалов. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 385 с.
33. Крас. 1953 = Красильников Г.Д. Огшоры нунал: веросьёс / Г.Д. Красильников. – Ижевск: Удмуртской книжной издательство, 1953. – 88 с.
34. Крас. 1955 = Красильников Г.Д. Веросьёс / Г.Д. Красильников. – Ижевск: Удмуртской книжной издательство, 1955. – 63 с.
35. Крас. 1962 = Красильников Г.Д. Тёлсяська: роман / Г.Д. Красильников. – Ижевск: Удмурт книжной издательство, 1962. – 252 с.
36. Крас. 1971 = Красильников Г.Д. Кошкисез мед кошкоз: веросьёс / Г.Д. Красильников. – Ижевск: Удмуртия, 1971. – 176 с.
37. Крас. 1976 = Красильников Г.Д. Вуж юрт: дилогия / Г.Д. Красильников. – Ижевск: Удмуртия, 1976. – 410 с.
38. Крас. 1991 = Красильников Г.Д. Тонэн кылысько: проза: [роман, повесть но веросьёс: для среднего и старшего школьного возраста] / Г.Д. Красильников. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 401 с.
39. Леон. 1995 = Леонтьев А.К. Сюрес усътйське мынйсьлы: покчи но

шоро-куспо арлыдо нылпиослы вашкала дыръёсы луэм уж сярысь кузьмадёс-дауркыл: (исторической повесть-легенда) / А.К. Леонтьев. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 192 с.

40. Лям. 1976 = Лямин М.А. Шудбур понна: повесть / М.А. Лямин. – Ижевск: Удмуртия, 1976. – 464 с.

41. Мад. 1994 = Мадьяров Г.М. Аналтэм сясыка: повесть / Г.М. Мадьяров. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 184 с.

42. Матв. 1995 = Матвеев С.В. Шузи: роман, повесть, веросьёс / С.В. Матвеев. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 288 с.

43. Медв. 1934 = Медведев Г.С. Кыйкар бамын: «Лоэя бесмен» романлэн 2-тй люкетэз / Г.С. Медведев. – Ижевск: Удгиз, 1934. – 304 с.

44. Медв. 1959 = Медведев Г.С. Бадзым нунал: роман / Г.С. Медведев. – Ижевск: Удмуртской кн. изд-во, 1959. – 267 с.

45. Нян. 1996 = Нянькина Л.С. Ваёбыж кар: веросьёс, повесть / Л.С. Нянькина. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 177 с.

46. Нян. 2016 = Нянькина Л.С. Кёня уй чик уг көл ни тол куазь...: кылбур / Л.С. Нянькина // Кенеш. – 2016. – № 8. – С. 97.

47. Оки 1978 = Оки А. Тон юад мынэсьтым. – Кылбурьёс, веросьёс, гожтэтьёс / А. Оки. – Ижевск: Удмуртия, 1978. – 140 с.

48. Панф. 2008 = Панфилова Е.В. Мумы: повесть / Е.В. Панфилова. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – 63 с.

49. Пер. 1984 = Перовошиков Г.К. Гужем лымы: повесть / Г.К. Перовошиков. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 262 с.

50. Пер. 1992 = Перовошиков Г.К. Ёыбыртты музъемлы: роман-тетралогия: [для среднего и старшего школьного возраста] / Г.К. Перовошиков. – Ижевск: Удмуртия, 1992. – 497 с.

51. Петр. 1948 = Петров М.П. Улон понна: веросьёс но очеркёс / М.П. Петров. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. – 142 с.

52. Петр. 1983 = Петров М.П. Ёрдон азын: повесть, поэмаос, кылбурьёс, веросьёс / М.П. Петров. – Ижевск: Удмуртия, 1983. – 260 с.

53. Петр. 1984 = Петров М.П. Италмас: легенда на русском и удмуртском языках / М.П. Петров. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 47 с.
54. Петр. 1987 = Петров М.П. Вуж Мултан: роман: [для среднего и старшего школьного возраста] / М.П. Петров. – Устинов: Удмуртия, 1987. – 359 с.
55. Псалт. 1999 = Псалтирь. – Режим доступа: http://finugorbib.com/bible/udmurt/19_Psa26_na.html (дата обращения: 15.11.2021)
56. Пукр. 1997 = Пукроков Ф.П. Кизили ныл: роман, повестьёс: [для среднего и старшего школьного возраста] / Ф.П. Пукроков. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 312 с.
57. Самс. 1965 = Самсонов С.А. Яратйсько тонэ...: повесть / С.А. Самсонов. – Ижевск: Удмуртия, 1965. – 224 с.
58. Самс. 1969 = Самсонов С.А. Кам вадьсын гудыръя: повесть / С.А. Самсонов. – Ижевск: Удмуртия, 1969. – 167 с.
59. Самс. 1979 = Самсонов С.А. Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромо: роман / С.А. Самсонов. – Ижевск: Удмуртия, 1979. – 383 с.
60. Самс. 1989 = Самсонов С.А. Вужер: повестьёс / С.А. Самсонов. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – 360 с.
61. Тим. 2020 = Тимирзянова И.Ф., Семёнова И.А. Эскерон-дуньян ужъёс. Литературной лыдзиськон. 3-тй класс. Методикая пособие / И.Ф. Тимирзянова, И.А. Семёнова. – Ижевск: Удмуртия, 2020. – 48 с.
62. УД = Удмурт дунне: вань удмуртъёслэн газетсы / Гос. Совет Удмурт. Респ., Правительство Удмурт. Респ. – Ижевск, 2021. – № 30.
63. Черн. 1983 = Чернов П.К. Атай музъем: очеркъёс / П.К. Чернов. – Ижевск: Удмуртия, 1983. – 150 с.
64. Черн. 1985 = Чернов П.К. Дор: повестьёс / П. Чернов. – Устинов: Удмуртия, 1985. – 256 с.
65. Черн. 1987 = Чернов П.К. Кион кар: куинь люкетэн повесть: [для среднего и старшего школьного возраста] / П.К. Чернов. – Ижевск: Удмуртия, 1987. – 296 с.
66. Черн. 1989 = Чернов П.К. Тулысын сйзылыозь: роман / П.К. Чернов.

– Ижевск: Удмуртия, 1989. – 384 с.

67. Черн. 1993 = Чернов П.К. Пилемо дауръёс: повесть / П.К. Чернов. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 160 с.

68. Черн. 1996 = Чернов П.К. Казак воргорон: повестьёс: [для среднего и старшего школьного возраста] / П.К. Чернов. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 478 с.

69. Ялыке = Приходите, гости дорогие!: песни, сказки, пословицы / сост. Т.Г. Перевозчикова. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 173 с.

70. Иворъёс = Иворъёс – Режим доступа: <https://udmtv.ru/video/> (дата обращения: 15.09.2021)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абросимова Т.А. Способ выражения каузативности во французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.А. Абросимова; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л., 1954. – 16 с.
2. Алатырев В.И. Вопросы удмуртского языкознания / В.И. Алатырев. – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1959. – Т. 1. – 215 с.
3. Алатырев В.И. Первая научная грамматика 1775 года и развитие удмуртского языкознания / В.И. Алатырев // 200 лет удмуртской письменности. – Ижевск: Удм. НИИ ист., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР, 1976. – С. 15–37.
4. Алатырев В.И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка / В.И. Алатырев. – Ижевск, 1983. – 32 с.
5. Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса итальянского языка / Т.Б. Алисова. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 294 с.
6. Амаатов А.М. Семантика и синтаксис сложных предикатов с каузативным и побудительно-волитивным значением: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.М. Амаатов; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2000. – 20 с.
7. Аринштейн 1985а = Аринштейн В.М. Особенности образования производных каузативных значений у глаголов различных валентностных классов / В.М. Аринштейн // Семантика и функционирование английского глагола. – Горький: Изд-во ГГПИ, 1985. – С. 3–11.
8. Аринштейн 1985б = Аринштейн В.М. Семантико-синтаксические особенности конструкций с каузативными глаголами воздействия в современном английском языке / В.М. Аринштейн // Семантика слова и предложения. – Л., 1985. – С. 3–14.
9. Атаманов М.Г. Граховские говоры южноудмуртского наречия / М.Г. Атаманов // Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1981. – С. 45–96.

10. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
11. Ачаповская Ю.Б. Каузативные глаголы во французском языке (на примере материалов faire и laisser) / Ю.Б. Ачаповская // Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп, 2006. – № 4. Режим доступа: www.vestnik.adygnet.ru/files/2006.4 (дата обращения: 23.05.2021 г.)
12. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 416 с.
13. Баратян Н.Р. Связь переходности-непереходности с категорией каузативности в современном английском языке / Н.Р. Баратян // Вопросы лексикологии и синтаксиса романо-германских языков. – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1963. – С. 81–89.
14. Басова Р.В. Категория страдательного залога в современном английском языке / Р.В. Басова. – Л.: Наука, 1967. – 115 с.
15. Бегова С.К. Типология языковых средств выражения категории каузативности в разносистемных языках (на материале русского, английского и адыгейского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.К. Бегова; Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2002. – 25 с.
16. Безенова М.П. «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Зеч кыльёс. Святой Тихонэн зечлы дышетэм кыльёсыз»): глагольная морфология / М.П. Безенова // Урало-алтайские исследования. 2018. – № 1 (28). – 2018. – С. 7–23.
17. Бессонов Н.Ю. Конструкции с каузативными глаголами-связками в английском и украинском языках: дис. ... канд. филол. наук / Н.Ю. Бессонов; Донецкий национальный университет. – Донецк, 2017. – 260 с.
18. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В.В. Богданов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 204 с.
19. Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола / Н.Н. Болдырев. – СПб. – Тамбов: Изд.-полиграф. центр ТГУ, 1995. – 140 с.
20. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол / А.В. Бондарко,

Л.Л. Буланин. – Л.: Просвещение, 1967. – 190 с.

21. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1976. – 255 с.

22. Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – С. 234–243.

23. Бондарко А.В. Темпоральность / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 5–58.

24. Бондарко А.В. К вопросу о системе анализа аспектов языка и речи в функциональной грамматике / А.В. Богданов // Традиционное и новое в русской грамматике: Сборник памяти Веры Арсеньевны Белошапковой. – М., 2001. – С. 31–42.

25. Боронникова Н.В. Лекции по истории лингвистики / Н.В. Боронникова, Ю.А. Левицкий. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 224 с.

26. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии / Л.Л. Буланин. – М.: Просвещение, 1976. – 208 с.

27. Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка: учебное пособие для преподавателей. Ч. 2. Синтаксисъ. – М.: Унив. тип., 1858. – 428 с.

28. Васильев Л.М. Семантика русского глагола: Учеб. пособие для слушателей фак. повышения квалификации / Л.М. Васильев. – М.: Высш. шк., 1981. – 184 с.

29. Васильев Л.Г., Ткачева Ю.С. Дипломатический дискурс: смысловые аспекты расхождения во мнениях / Л.Г. Васильев, Ю.С. Ткачева // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2021. – № 2 (69). – С. 157–165.

30. Вахрушев В.М., Яшина Р.И. Словосочетания в удмуртском языке: (к 80-летию профессора Петра Николаевича Перевощикова) / Науч.-исслед. ин-т при

Совете Министров Удмурт. АССР; под ред. В.М. Вахрушева и Р.И. Яшиной. – Ижевск: Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров УАССР, 1980. – 172 с.

31. Веливченко В.Ф. Языковые средства реализации каузативно-следственных отношений в тексте (На материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Ф. Веливченко; Киев. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Киев, 1990. – 17 с.

32. Вендлер З. Причинные отношения / З. Вендлер // НЗЛ. Вып. 18. – М.: Прогресс, 1986. – С. 264–277.

33. Верещагин Г.Е. Руководство к изучению вотского языка / Г.Е. Верещагин. – Ижевск: Удкнига, 1924. – 120 с.

34. Верещагин Г.Е. Удмурт грамматика: 2 кылын – удмурт кылын, дэюч кылын / Г.Е. Верещагин // Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В.М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 1: Труды по языкознанию. – Ижевск: ИИЯЛ УрО РАН, 2002. – С. 160–290.

35. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1972. – 613 с.

36. Востоков А.Х. Сокращенная русская грамматика / А.Х. Востоков. – СПб.: Тип. департам. народного просвещения, 1831. – 226 с.

37. Вригт Г.Х. фон Логико-философские исследования: Избр. тр.: Пер. с англ. / Общ. ред. Г.И. Рузавина и В.А. Смирнова; Сост. и авт. предисл. В.А. Смирнов. – М.: Прогресс, 1986. – 600 с.

38. Вялкова В.Б. Семантическая структура предложения с синтетическим каузативом / В.Б. Вялкова // Семантика и функционирование английского глагола. – Горький: Изд-во ГГПИЯ, 1985. – С. 36–44.

39. Гаврилова Н.В. Морфологические и неморфологические средства выражения темпоральности в конструкциях каузативно-результативного комплекса / Н.В. Гаврилова // Парадигматические и синтагматические аспекты морфологических форм. – Иваново: Изд-во ИГУ, 1988. – С. 11–19.

40. Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка / В.Г. Гак // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. – С. 5–15.

41. Гафарова В.Р., Гайнуллина Г.Ф. Залоговые аффиксы татарского языка: исторический экскурс / В.Р. Гафарова, Г.Ф. Гайнуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – С. 66–68.
42. Генюшене Э.Ш. К теории описания рефлексивных глаголов (на материале литовского языка) / Э.Ш. Генюшене // Залоговые конструкции в разноструктурных языках / Отв. ред. В.С. Храковский. – Л.: Наука, 1981. – С. 160–184.
43. Генюшене Э.Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов: дис. ... д-ра филол. наук / Э.Ш. Генюшене. – Вильнюс, 1983. – 391 с.
44. Главатских А.И. Удмурт грамматика: шор ёзо школаын 5 араз дышетскон книга. 1-тй люкет: Морфология / А.И. Главатских. – Ижкар: Кунлэн удмурт книга поттонэз, 1933. – 94 с.
45. Глезденев П. Краткая грамматика языка народа удмурт / П. Глезденев. – Вятка: Издание Вят. губерн. отд-ния Госиздата, 1921. – 55 с.
46. Гоголева Е.М. Дополнительная предикация в структуре простого предложения (инфинитивные конструкции): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.М. Гоголева. – М., 1981. – 19 с.
47. Гончаров Е.Б. Грамматическая категория залога как основное языковое средство отображения пространственной характеристики движения (на материале французского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Б. Гончаров; Киевский ун-т. – Киев, 1989. – 19 с.
48. Гордон Е.Я. Каузативные глаголы в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Я. Гордон. – М., 1981. – 23 с.
49. Горохов П.Д. Учебник удмурт языка / П.Д. Горохов. – Ижевск: Удкнига, 1929. – 232 с.
50. Грамматика Славенския 1648 = Грамматика Славенския правильное Синтагма / потщанием многогрешного мниха Мелетия Смотрицкого... – М.: Печатный двор, 1648. – С. 182.
51. Гречко В.К. Предложения с каузативными предикатами (на материале

немецкой научно-технической литературы) / В.К. Гречко // Иностраный язык в сфере научного общения. – М.: Наука, 1986. – С. 127–135.

52. Грицютенко И.Е. Лексико-семантические признаки и структура поля каузативных глаголов в современном русском языке / И.Е. Грицютенко, О.А. Хлебцова // Русское языкознание. – Киев: Выща шк., 1988. – Вып. 17. – С. 82–88.

53. ГСУЯ 1962 = Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., языка и лит.; Отв. ред. П.Н. Перевощиков. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. – 376 с.

54. Гухман М.М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках / М.М. Гухман. – М.: Наука, 1964. – 296 с.

55. Дешериева Т.И. Субъектно-объектные отношения в разноструктурных языках / Отв. ред. Г.А. Климов. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 168 с.

56. ДА = Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Выпуск V. Научное издание / Р.Ш. Насибуллин, С.А. Максимов, В.Г. Семенов [и др.]. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2015. – 256 с.

57. Долинина И.Б. Типы каузативных глаголов и характер значений рефлексивных глаголов / И.Б. Долинина // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / Отв. ред. А.В. Бондарко и др. – СПб.: Наука, 1991. – С. 36–345.

58. Душина Н.П. Каузативные глаголы: Семантика и грамматика. На материале поэзии Серебряного века: дис. ... канд. филол. наук / Н.П. Душина; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2004. – 23 с.

59. Евтюхин В.Б. Группировка полей обусловленности: причины, условие, цель, следствие, уступка / В.Б. Евтюхин // Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 138–169.

60. Емельянов А.И. Грамматика вотяцкого языка / А.И. Емельянов. – Ленинград: Изд. Ленингр. восточ. ин-та им. А.С. Енукидзе, 1927. – 160 с.

61. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. –

Изд. 5-е. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

62. Жуйков С.П. Основы грамматики удмуртского языка / С.П. Жуйков. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1937. – 47 с.

63. Журавлева О.Н. Семантика каузативных глаголов, сочетающихся с целевым инфинитивом / О.Н. Журавлева // Семантика. Функционирование. Текст. – Киров: Вятский гос. пед. ун-т, 2001. – С. 44–47.

64. Загуляева Б.Ш. Распространение тюркских суффиксов в удмуртских диалектах / Б.Ш. Загуляева // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т.2 / отв. ред. Г.В. Федюнева. – М.: Наука, 1990. – С. 69–72.

65. Зернов Б.Е. Взаимодействие частей речи в английском языке (статико-динамический аспект) / Б.Е. Зернов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 126 с.

66. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 350 с.

67. Иевлева Т.М. Синтаксис глагола в коми языке (связь глагола с подлежащим и дополнением): дис. .... канд. филол. наук / Т.М. Иевлева. – М., 1984. – 218 с.

68. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология / А.В. Исаченко: Ч. 1, 2 Изд. 2-е. – М: Языки славянской культуры, 2003 – 880 с.

69. Каракулова М.К., Каракулов Б.И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков / М.К. Каракулова, Б.И. Каракулов. – Ижевск: Удмуртский университет, 2001. – 232 с.

70. Карпова Л.Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние: дис. ... д-ра филол. наук / Л.Л. Карпова; УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск, 2018. – 562 с.

71. Карпувене Г.О. О понятии «каузативный глагол» / Г.О. Карпувене // Учен. зап. ВУЗов ЛитССР. Языкознание. – Вильнюс: Мокслас, 1988. – № 39. – С. 69–74.

72. Картавец В.Н. Реципрок как категория явной и скрытой грамматики: дис. ... канд. филол. наук / В.Н. Картавец; Воронеж. гос. университет. – Воронеж,

2020. – 243 с.

73. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В.Б. Касевич. – М.: Главная редакция восточной литературы из-ва «Нива», 1988. – 309 с.

74. Касевич В.Б. Императивность, каузативность, перформативность / В.Б. Касевич // Функционально-типологические аспекты анализа императива. – М.: АН СССР: Ин-т языкознания, 1990. – Ч. 2. – С. 85–90.

75. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 216 с.

76. Кельмаков В.К. Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте: Препринт / В.К. Кельмаков. – Ижевск, 2000. – 72 с.

77. Кельмаков В.К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 1 / Удмуртский государственный университет. Кафедра общего и финно-угорского языкознания / В.К. Кельмаков. – Ижевск, 2003. – 276 с.

78. Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. / В.К. Кельмаков. – Ижевск, 2006. – 385 с.

79. Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе / Ю.П. Князев. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 704 с.

80. Ковальская Л.Г. Предикаты каузации бытия и признака в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Г. Ковальская. – Пятигорск, 1985. – 16 с.

81. Комаров А.П. О лингвистическом статусе каузальной связи / А.П. Комаров. – Алма-Ата: Изд-во КГПИ, 1970. – 224 с.

82. Кондратьева Н.В. Туала удмурт кылысь залог каблэн пöрмемез но кутйськемез / Н.В. Кондратьева // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2009. – № 1. – С. 73–86.

83. Кондратьева Н.В. Межкатегориальные связи в удмуртском языке (на материале падежа прямого объекта): монография / Н.В. Кондратьева. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. – 249 с.

84. Корди Е.Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке / Е.Е. Корди. – Л., 1988. – 164 с.

85. Коткова И.А. Грамматические значения глаголов возвратного залога в современном удмуртском языке / И.А. Коткова // Вестник Удмуртского университета. – 1993. – № 6. – С. 24–27.

86. Кузнецова Н.Е. Оппозиция каузативов и рефлексивов в английском языке / Н.Е. Кузнецова, Н.В. Пухова // Язык. Текст. Стилль. – Курган: Изд-во КГУ, 2004. – С. 63–70.

87. Куликов Л.И. Каузатив в санскрите: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Л.И. Куликов; АН СССР. Ин-т востоковедения, – М., 1989. – 17 с.

88. Курбаназаров П.К. Синтаксические средства выражения типологической категории каузативности в языках разных систем (на материале современного английского и каракалпакского языков) / П.К. Курбаназаров // Вестн. Каракалп. фил. АН УзССР. – Нукус: ФАН, 1990. – № 3. – С. 120–125.

89. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.

90. Листунова Е.И. Типологические характеристики медиальных глаголов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.И. Листунова; Волгоградский пед. ун-т. – Волгоград, 1998. – 20 с.

91. Листунова Е.И. Комбинаторные характеристики английских медиопассивных глаголов / Е.И. Листунова // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 140–149.

92. Ломоносов М.В. Российская грамматика / М.В. Ломоносов. – СПб.: Тип. Импер. Академии наук СПб., 1755. – 216 с.

93. Лыткин В.И. Понудительный залог в пермских языках / В.И. Лыткин // Записки. Вып. 18: сборник статей / Удмурт. науч.-исслед. ин-т истории, экономики, лит. и яз. при Совете Министров Удмурт. АССР. – Ижевск, 1957. – С. 93–113.

94. Лыткин В.И. Коми кывлӧн историческӧй морфология: Студентъяслы

велодчан пособие / В.И. Лыткин. – Сыктывкар: СГУ, 1995. – 101 лб.

95. Ляпон М.В. Прагматика каузальности / М.В. Ляпон // Русистика сегодня. – М.: Наука, 1988. – Вып. 1. – С. 111–121.

96. Максапетян А.Г. Каузация (Лингвистические и экстралингвистические аспекты) / А.Г. Максапетян. – Ереван: Изд-во ЕГУ, 1990. – 338 с.

97. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 440 с.

98. Марченко Е.А. Глаголы с рефлексивным комплексом в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Марченко; Донецкий национальный университет. – Донецк, 2019. – 238 с.

99. Маслиева О.В. Становление категории причинности (на материале истории языка) / О.В. Маслиева; под ред. М.Г. Макарова. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. – 105 с.

100. Миссюра Н.А. Каузативные глаголы и каузативные конструкции в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Миссюра; Моск. гор. пед. ин-т им. В. П. Потемкина. – М., 1952. – 15 с.

101. Михайлова С.В. Инактивность и ее выражение в грамматической системе современных германских языков (на материале английского, немецкого, шведского языков): дис. ... канд. филол. наук / С.В. Михайлова. – М., 2007. – 229 с.

102. Могилинь 1786 = Могилин М. Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / УИИЯЛ УрО РАН; отв. ред. Л.Е. Кириллова; Слово к читателям Л.Е. Кириллова; Предисл. – К.И. Куликова; Прил. – Т.И. Тепляшиной. – Ижевск, 1998. – 203 с. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201.

103. Мосина Н.М., Чинаева Н.В. Характеристика структурных компонентов каузативных конструкций различного типа в эрзянском языке / Н.М. Мосина, Н.В. Чинаева // Финно-угорский мир. – Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2014. – № 4. – С. 61–65.

104. Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке / И.П. Мучник; Академия наук СССР, Институт русского языка. – М.: Наука, 1971. – 297 с.

105. МУЯ 2011 = Морфология удмуртского языка: научно-учебное издание / А.А. Алашеева, Д.А. Ефремов, Т.М. Кибардина, Н.В. Кондратьева, С.В. Соколов, О.Б. Стрелкова, И.В. Тараканов, Н.Н. Тимерханова, А.Ф. Шутов; Отв. ред. Н.Н. Тимерханова. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – 408 с.

106. Насибуллин Р.Ш. Закамские говоры удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.07 / Р.Ш. Насибуллин; Тарт. гос. ун-т. – Тарту, 1973. – 22 с.

107. Насибуллин Р.Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов / Р.Ш. Насибуллин // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия; отв. ред. Г.А. Архипов, В.М. Вахрушев. – Ижевск, 1978. – С. 86–152.

108. Наумова И.А. Глаголы с каузативным значением в современном английском языке и исторические предпосылки их образования: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.А. Наумова; Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. – М., 1967. – 20 с.

109. Недялков В.П. Типология каузативных конструкций / В.П. Недялков, Г.Г. Сильницкий // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. – Л.: Изд-во «Наука», 1969. – С. 5–19.

110. Недялков В.П. Типология морфологического и лексического каузативов / В.П. Недялков, Г.Г. Сильницкий // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. – Л.: Изд-во «Наука», 1969. – С. 20–50.

111. Недялков В.П., Генюшене Э.Ш. Типология рефлексивных конструкций / В.П. Недялков, Э.Ш. Генюшене // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – Санкт-Петербург: Наука, 1991. – С. 276–281.

112. Некрасов Н.П. О значеніи формъ русскаго глагола / Н.П. Некрасов. – СПб.: Тип. и лит. И. Паульсона и К°, 1865. – 313 с.

113. НФС = Новейший философский словарь. Режим доступа:

<http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/index.htm> (дата обращения: 19.05.2021 г.)

114. Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола / С.П. Обнорский; отв. ред. В.И. Борковский. – М.: Изд. Акад. наук СССР, 1953. – 251 с.

115. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксисъ русскаго языка / Д.Н. Овсяннико-Куликовский. – СПб.: Изд. И.Л. Овсяннико-Куликовский, 1912. – 322 с.

116. Овчинникова О.Г. Функционально-семантическая категория побудительности современного английского языка в модальном и каузативном аспектах / О.Г. Овчинникова // Семантика и типология разносистемных языков. – Ташкент: Изд-во ТашГУ, 1986. – С. 32–40.

117. Озюменко В.И. Семантика и актантная структура каузативных глаголов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.И. Озюменко; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 1994. – 16 с.

118. Оллыкайнен В.М. Глагольные суффиксы с залоговым значением в современном финском литературном языке: автореф. ... канд. филол. наук / В.М. Оллыкайнен; Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. – М., 1955. – 21 с.

119. ОФУЯ 1974 = Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – М.: Наука, 1974. – 484 с.

120. ОФУЯ 1976 = Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. – М.: Наука, 1976. – 464 с.

121. Ошева С.В. Каузативная ситуация: семантическая перспектива / С.В. Ошева // Проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков. – Пермь: Изд-во ПГПИ, 2002. – С. 61–65.

122. Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка / Г.П. Павский // Рассуждение 3. О глаголе. – СПб., 1842. – 239 с.

123. Панасенко Л.А. Модели функциональной поликатегоризации глагола, отражающие концептуализацию событий как каузаций / Л.А. Панасенко // Язык как функциональная система. – Тамбов: Тамб. гос. ун-т, 2001. – С. 116–119.

124. Писарева В.В. Собственно-рефлексивные и посессивно-рефлексивные глаголы в сопоставительном аспекте: дис. ... канд. филол. наук / В.В. Писарева; Донецкий национальный университет. – Донецк, 2020. – 201 с.
125. Плуноян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику / В.А. Плуноян. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 283 с.
126. Поздеева А.А. Удмурт грамматика: неполной средней но средней школары учебник. 1-тй локетэз: Фонетика но морфология / А.А. Поздеева. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1938. – 112 с.
127. Поздеева А.А. Удмурт кыл грамматика: неполной средней но средней школары учебник. 1-тй локетэз: Фонетика но морфология / А.А. Поздеева. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1949. – 207 с.
128. Поздеева А.А. Значения и функции глагольного суффикса *-ськ-* и его разновидностей в современном удмуртском языке / А.А. Поздеева // Вопросы удмуртского языкознания: сборник статей. Вып. 3 / отв. ред. В.М. Вахрушев [и др.]. – Ижевск, 1975. – С. 125–142.
129. Полянский С.М. Одновременность / разновременность и другие типы таксисных отношений / С.М. Полянский // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – С. 243–253.
130. Попов А.В. Синтаксические исследования / А.В. Попов. – Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1881. – 307 с.
131. Потевня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потевня. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т. 4.: Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. – 318 с.
132. Пряников А.В. Субстантивное сказуемое с каузативным значением в современном русском языке / А.В. Пряников // Русский литературный язык: номинация, предикация, экспрессия. – М.: Междунар. АН пед. образования, 2002. – С. 314–316.
133. Пушина Н.И. Межкатегориальные связи в грамматике неличных форм английского глагола / Н.И. Пушина. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский

университет», 2000. – 170 с.

134. Пушина Н.И. Межкатегориальные связи в грамматике неличных форм английского глагола (на материале современного английского языка в сопоставлении с данными русского и удмуртского языков): дис. ... д-ра филол. наук / Н.И. Пушина; Ур. гос. пед. ун-т. – Ижевск, 2001. – 297 с.

135. Рейдель А.И. Лексико-грамматическая характеристика каузативных глаголов в предложной конструкции: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.И. Рейдель; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. – М., 1971. – 21 с.

136. Рябенко В.В. Аналитические инфинитивные конструкции с глаголом *lassen* в немецком языке и глаголом *let* в английском языке / В.В. Рябенко // Вопросы романо-германского и общего языкознания. – Минск, 1973. – С. 182–195.

137. Сай С. С. К типологии антипассивных конструкций: семантика, прагматика, синтаксис: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.С. Сай; Ин-т лингвист. исслед. РАН. – СПб, 2008. – 31 с.

138. Салыхова З.И. Функционально-семантическая категория залоговости в башкирском языке: дис. ... д-ра филол. наук / З.И. Салыхова; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2012. – 349 с.

139. Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков / Б.А. Серебренников. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 391 с.

140. Смирнова Н.В. Встреча миров Аристотеля и Платона, или трансформации и парадоксы современного образования [Электронный ресурс] / Н.В. Смирнова // CREDO NEW теоретический журнал. – 1998. – Режим доступа: <http://credonew.ra/content/view/90/50/> (дата обращения: 28.07.2021).

141. СМЯ 1961 = Современный марийский язык. Морфология / Отв. ред. Н.Т.Пенгитов. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1961. – 324 с.

142. Сочиненія 1775 = Пуцек-Григорович В. Сочиненія, принадлежащие к грамматике вотского языка / В. Пуцек-Григорович. – Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1775. – 113 с.

143. Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1989. – 182 с.
144. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 35–73.
145. Сымулов М.Г. Каузативные глаголы в разноструктурных языках / М.Г. Сымулов // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры. – Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 2003. – С. 177–180.
146. Тагиль И.П. Грамматика немецкого языка / И.П. Тагиль. – СПб.: КАРО, 2002. – 336 с.
147. Танненцапф Л.Д. Язык и причинность / Л.Д. Танненцапф // Вопросы романо-германской филологии. – Киров: Изд-во ВятГУ, 2000. – С. 89–94.
148. Тараканов И.В. Исследования и размышления об удмуртском языке: Сборник статей: Пособие для высших учебных заведений / И.В. Тараканов. – Ижевск: Удмуртия, 1998. – 484 с.
149. Теремова Р.М. Опыт функционального описания причинных конструкций / Р.М. Теремова. – Л.: ЛГПИ, 1985. – 70 с.
150. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
151. Терешина Ю.В. Межкатегориальные связи каузативных конструкций: дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Терешина; Удмуртский гос. университет. – Ижевск, 2008. – 222 с.
152. Ушаков Г.А. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков / Г.А. Ушаков. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 143 с.
153. Ушаков Г.А. К вопросу о залоговых значениях глаголов // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: Сб. статей. – Устинов: НИИ при Совмине Удм. АССР, 1986. – С. 112–116.
154. Фахрутдинова В.Р. Аффикс *-m* в историческом аспекте (на материале двусложных непроезженных глаголов в татарском языке) / В.Р. Фахрутдинова // Вестник Чебоксарского университета. – 2006. – № 7. – С. 152–155.

155. Филиппов А.В. К вопросу о каузативных и некаузативных глаголах / А.В. Филиппов // Русский язык в школе. – 1978. – № 1. – С. 90–94.
156. Фортунатов Ф.Ф. О залогахъ русскаго глагола / Ф.Ф. Фортунатов // Известия ОРЯС. – СПб.: тип. Имп. Акад. Наук, 1899. – Т. IV, кн. 4. – С. 1153–1158. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_2577386/ (дата обращения: 17.12.2021)
157. Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Ч. I. Фонетика и морфология / Л. Хакулинен. – М., 1953.
158. Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация) / Е.А. Хелимский. – М.: Наука, 1982. – 165 с.
159. Хлебцова О.А. Лексико-семантические поле каузативных глаголов в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.А. Хлебцова, Харьк. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Харьков, 1986. – 22 с.
160. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории / А.А. Холодович. – Л.: Наука, 1979. – 304 с.
161. Храковский В.С. Деривационные отношения в синтаксисе / В.С. Храковский // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – Л.: Наука, 1969. – С. 138–148.
162. Храковский В.С. Пассивные конструкции / В.С. Храковский // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. – М.: Наука, 1974. – С. 5–46.
163. Храковский В.С. Залоговые конструкции в разноструктурных языках / В.С. Храковский. – Л.: Наука, 1981. – 287 с.
164. Храковский В.С. Пассивные конструкции / В.С. Храковский // Теория функциональной грамматики. Персональность и залоговость. – СПб.: Наука, 1991. – С. 141–160.
165. Цыпанов Е.А. Грамматические категории глагола в коми языке: дис. ... д-ра филол. наук / Е.А. Цыпанов; Марийский гос. университет, – Йошкар-Ола, 2002. – 386 с.

166. Цыпанов Е.А. Грамматические категории глагола в коми языке: монография / Е.А. Цыпанов. – Сыктывкар, 2005. – 284 с.
167. Цеева С.А. Средства выражения категории каузативности в разносистемных языках / С.А. Цеева // *Ab Ovo*. – Майкоп, 2004. – № 5. – С. 189–193.
168. Чейф У.Л. Значение и структура языка / У.Л. Чейф. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.
169. Шарифова Л.А. Адъективные каузативные глаголы в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.А. Шарифова. – Тбилиси, 1982. – 25 с.
170. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка / А.А. Шахматов. – 4-е изд. – Л.: Госучпедгиз 1941. – 620 с.
171. Шелякин М.А. Русские возвратные глаголы в общей системе отношений залоговости / М.А. Шелякин // *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. – СПб.: Наука, 1991. – С. 312–327.
172. Шмелев В.Н. Репрезентация каузативных значений в современном английском языке / В.Н. Шмелев // *Семантика и функции синтаксических единиц в германских языках*. – Горький, 1989. – С. 96–100.
173. Шмелева Т.С. Типология залоговых конструкций: лингвосомиотический аспект: дис. ... канд. филол. наук / Т.С. Шмелева; Удмуртский гос. университет. – Ижевск, 2012. – 190 с.
174. Шустова С.В. Каузативная ситуация / С.В. Шустова // *Фундаментальные исследования*. – 2006. – № 3. – С. 97–101. Режим доступа: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=4919> (дата обращения: 23.05.2020 г.).
175. Шустова С.В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход / С.В. Шустова. – 3-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 248 с.
176. Эргашев Т. Выражение категории каузативности в разносистемных языках (на материале английского, узбекского и других языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Эргашев; Ташк. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Ф. Энгельса. –

Ташкент, 1989. – 20 с.

177. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р.О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 95–113.

178. Якобсон Р.О. К общему учению о падеже / Р.О. Якобсон // Якобсон Р.О. Избранные труды. – М.: Прогресс, 1985. – С. 133–176.

179. Яковлев И.В. Удмурт кылрадъян: [для школ 1 и 2 ступени] / И.В. Яковлев. – Ижевск: Удкнига, 1931. – 82 с.

180. Янко-Триницкая Н.А. Русская морфология / Н.А. Янко-Триницкая. – М.: Рус. яз., 1989. – 236 с.

181. Яхонтов С.Е. Формальное определение залога / С.Е. Яхонтов // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. – М.: Наука, 1974. – С. 46–54.

182. Babby L.H. A transformational analysis of transitive -sja verbs in Russian / L.H. Babby // *Lingua*, 1975. – № 35. – P. 297–332.

183. Baron N.S. The structure of English causatives / N.S. Baron // *Lingua*, 1974. – № 33. – P. 299–342.

184. Bartens R. Permiläisten kielten kehitys ja rakenne / R. Bartens. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 2000. – 372 s.

185. Budenz J. Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana / J. Budenz. – Budapest, 1894. – 391 p.

186. Csúcs S. Chrestomathia Votiacica / S. Csúcs. – Budapest: Tankönyvkiadó, 1990. – 224 p.

187. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache / S. Csúcs. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. – 409 p.

188. Fokos-Fuchs 1913–1914 = Fokos-Fuchs D.R. Die reflexiven Zeitwörter des Syrjanischen // *Keleti Szemle* 14. – 1913–1914. – S. 106–129, 282–305.

189. Geniušienė E. The typology of reflexives / E. Geniušienė. – Berlin, etc.: Mouton de Gruyter, 1987. – 435 p.

190. Gerritsen N. Russian Reflexive Verbs. In Search of Unity in Diversity /

N. Gerritsen // *Studies in Slavic and General Linguistics*. – Amsterdam-Atlanta: Rodopi, 1990. – 322 p.

191. Hakulinen A., Ojanen J. *Kielitiete- ja fonetikan termistöä* / A. Hakulinen, J. Ojanen. – Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1976. – 170 s.

192. Havranek B. *Genera verbi v slavanskych jazycich* / B. Havranek. – Praha: Kr. Česká spol. nauk, 1928–1937. – P. 129–155.

193. ISK 2005 = Iso suomen kielioppi. A. Hakulinen, ed. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 2005.

194. Israeli A. *Semantics and Pragmatics of the «Reflexive» Verbs in Russian* / A. Israeli. – München: O. Sagner, 1997. – 226 p.

195. James S. Levine. *On the Status of Russian Perfective Passives in -sja* / Levine S. James // *Russian Language Journal*. – Vol. 60, 2010 // *Divergent Thinking: Prospectives on the Language Enterprise in the 21st Century*. – P. 39–53.

196. Karcevski S. *Systeme du verbe russe* / S. Karcevski. – Prague, 1927. – P. 82.

197. Karlsson F. *Suomen kielen äänne- ja muotorakenne* / F. Karlsson. – Porvoo – Helsinki – Juva: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1983. – 410 s.

198. Kemmer S. *The Middle Voice* / S. Kemmer. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1993. – 299 p.

199. Klaiman M.N. *The Study of Voice* / M.N. Klaiman // *Grammatical voice*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 323 p.

200. Koivisto V. *Itämerensuomen refleksiivit* / V. Koivisto. – Helsinki, 1995. – 345 s.

201. Lehtisalo T. *Über die primären uralischen Ableitungssuffixe* / T. Lehtisalo. – Helsinki, 1936 (MSFOu LXXII). – 399 s.

202. Mikola T. *Kauzative Konstruktionen in den uralischen Sprachen* // *Néprajz és nyelvtudomány*. – Szeged, 1995. O1. 251–267.

203. Nesfield J.C. *English grammar. Past and Present* / J.C. Nesfield. – London: Macmillan, 1944. – 470 p.

204. Prince A., Smolensky P. *Optimality theory. Constrained interaction in*

generative grammar [Electronic resource] / A. Prince, P. Smolensky. – 1993. – 256 p. –
 Режим доступа: <http://roa.rutgers.edu/files/537-0802/537-0802-PRINCE-0-0.PDF>
 (дата обращения: 17.12.2021)

205. Rédei K. Vannak-e az előmagyar-permi érintkezének nyelvi nyomai? /
 K. Rédei // Nyelvtudományi közlemények. – 1964. – № 66. – P. 253–261.

206. Salo P. Causatives and the Empty Lexicon: a Minimalist Perspective
 [Электронный ресурс] / P. Salo. – Режим доступа: ethesis.helsinki.fi/julkaisut/hum/psyko/vk/salo/causativ.pdf (дата обращения: 19.05.2021 г.)

207. Shibatani M. The Grammar of Causative Constructions; a Conspectus /
 M. Shibatani // Syntax and Semantics. – New York: Academic Press, 1976. – Vol. 6. –
 P. 1–40.

208. Siirainen M. Kuka pelkää, ketä pelottaa. Nykysuomen tunneverbien
 kielioppia ja semantiikkaa / M. Siirainen. – Helsinki: Suomalainen Kirjallisuuden
 Seura, 2001. – 217 s.

209. Stefanowitsch A. Synthetic and analytic causatives in English: A
 construction-grammar approach [Электронный ресурс] / A. Stefanowitsch. – Режим
 доступа: http://www.stefanowitsch.de/anatol/texts/ho_iccg2-1.pdf (дата обращения:
 15.09.2021)

210. Sweet H. A new English Grammar. Logical and Historical / H. Sweet. –
 Oxford: Oxford Clarendon Press, 1940. – 365 p.

211. Szinnyei J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft / J. Szinnyei. – Berlin–
 Leipzig, 1922. – 133 S.

212. Uotila T.E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen
 Sprachen / T.E. Uotila // SUST 65. – Helsinki, 1933. – 466 S.

213. Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen
 wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. – Reval: In Commission
 bei Kluge & Ströhm, 1851. – 291 S.

214. Wiedemann F.J. Grammatik der syrjanischen Sprache mit
 Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. – St. Petersburg, 1884. – 252 S.

215. Winkler E. Udmurtische Grammatik. – Wiesbaden, 2011. – 181 S.